Эсимде

По методологии Марлен Ларюэль, Ботагоз Ракишевой, Гульден Ашкеновой
Под редакцией Эльмиры Ногойбаевой и Элери Битикчи

ПАМЯТЬ ИЗ ПЛАМЕНИ АФГАНИСТАНА

Интервью
с воинами-интернационалистами
Афганской войны
1979–1989 годов

Книга 4
Кыргызстан

Бишкек
2021

Эсимде

CENTER POLIS ASIA

ПАМЯТЬ ИЗ ПЛАМЕНИ АФГАНИСТАНА

Интервью с воинами-интернационалистами Афганской войны 1979–1989 годов

Использована методология Марлен Ларюэль, Ботагоз Ракишевой, Гульден Ашкеновой
Под редакцией Эльмиры Ногойбаевой и Элери Битикчи

Книга 4
Кыргызстан

Бишкек
2021

УДК 355/359
ББК 63.3 (2)
П 15

Рабочая группа проекта: Эльмира Ногойбаева, руководитель Аналитического центра «Полис Азия» и проектов «Эсимде»; Элери Битикчи, историк и философ; Касым Садыгалиев, ветеран афганской войны, участник событий 86–88 гг.; Чолпонбек Беккелдиев, ответственный секретарь организации ветеранов КР, подполковник запаса; Зарема Колкомбаева, менеджер проекта «Эсимде». Руководители проекта в Казахстане: Гульден Ашкенова, магистр социологии; Мурат Успанов. Руководители проекта в Таджикистане: Музаффар Олимов, доктор исторических наук, Соадат Олимова, кандидат философских наук. Руководитель проекта в Узбекистане: Игорь Бирюков. Литературный редактор: Эльмира Ногойбаева и Валентина Грибинюк (Кыргызстан).

П 15 Память из пламени Афганистана: Интервью с воинами-интернационалистами афганской войны 1979–1989 годов. Книга 4. Кыргызстан / Под редакцией Эльмиры Ногойбаевой и Элери Битикчи. Использована методология Марлен Ларюэль, Ботагоз Ракишевой, Гульден Ашкеновой. –Б.: 2021. –252 стр.

ISBN 978–9967–11–746–4

Данная книга является продолжением проекта «Афганская война 1979–1989 гг. глазами очевидцев (Oral history)», реализованного международной группой исследователей из США, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана. Методология разработана руководителями проекта Марлен Ларюэль, Ph.D (США-Франция) и Ботагоз Ракишевой, кандидатом социологических наук (Казахстан). Основной задачей проекта был сбор информации об афганской войне у её непосредственных участников для сохранения исторической памяти. Данная книга включает сбор интервью методом «устная история» у воинов-интернационалистов, участников войны в Афганистане. В Кыргызстане было проведено 21 интервью. Интервью в книге даны в первозданном виде. В книге использованы фотографии и документы из частных архивов воинов-интернационалистов. Организована выставка «Человек на войне» и снят документальный фильм.

Авторы благодарят Институт «Открытое Общество», OSI (Open Society Foundation) за возможность публикации книги.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

В Казахстане проект был проведен Исследовательским институтом «Общественное мнение» (Астана, Казахстан) и включал сбор интервью методом «Устная история» у воинов-интернационалистов, участников войны в Афганистане и подготовки документального фильма. Всего было проведено 20 интервью в Узбекистане, 31 интервью в Таджикистане, 21 интервью в Казахстане.

Издание не предназначено для продажи и распространяется бесплатно.

УДК 355/359
ISBN 978–9967–11–746–4 ББК 63.3 (2)

© Аналитический центр «Полис Азия», 2021
© КИСИ при Президенте РК, 2021
© Central Asia Program IERES George Washington University, 2021
© Исследовательский институт «Общественное мнение», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 4
Интервью (Кыргызстан) 13
Айтбаев Жумалы 13
Абдыкадыров Бактыбек 23
Абыкеев Жалын 38
Алымкожоев Асанбек 58
Беккелдиев Чолпонбек 76
Бугубаев Темирбек 90
Дунганаев Тыныстан 97
Жуматаев Эркен 103
Жунушалиев Турганбек 119
Крамарев Александр 125
Мадымаров Таирбек 143
Мамаев Сагынбек 158
Мамбеталиев Болот 164
Мамбетказиев Толосун 176
Оморов Токтобек 183
Садыгалиев Касым 190
Славский Владимир 198
Субакожоев Мадатбек 208
Токтомбаев Кадырбек 218
Токтосопиев Шаршенбек 227
Чотбаев Абдыгул 234
Фотографии из архивов воинов-интернационалистов 245

Предисловие

Книга «Память из пламени Афганистана. Интервью с воинами-интернационалистами афганской войны 1979–1989 годов» является продолжением вышедшего под редакцией **Марлен Ларюэль, Ботагоз Ракишевой и Гулден Ашкеновой** трёхтомника международной группы исследователей из США, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана, работавших над проектом «Афганская война 1979–1989 гг. глазами очевидцев (Oral history)». Проект включал сбор интервью у воинов-интернационалистов, участников войны в Афганистане методом «устная история». Разрабатывался также проект подготовки документального фильма. Руководители проекта – Марлен Ларюэль, Ph.D (США-Франция) и Ботагоз Ракишева, кандидат социологических наук (Казахстан). Основной задачей проекта был сбор информации об афганской войне от её непосредственных участников для сохранения исторической памяти об одной из трагических страниц истории. В течение трёх лет всего было проведено 20 интервью в Узбекистане, 31 интервью в Таджикистане, 21 интервью в Казахстане. Интервью даны в первозданном виде. Книги, опубликованные в 2016 году в городе Астане (Республика Казахстан), представляют собой уникальную информацию – воспоминания воинов-афганцев из трёх стран Центральной Азии: Казахстана, Таджикистана и Узбекистана, – принявших непосредственное участие в военных действиях в Афганистане в ходе десятилетней войны.

На протяжении нескольких лет многие социологические работы и исследования были посвящены изучению памятных историй российских воинов-афганцев. До выхода упомянутых выше книг о воинах-интернационалистах из Центральной Азии было известно немного, хотя граждане южных республик

Советского Союза сыграли значительную роль в событиях, связанных с войной в Афганистане, особенно в качестве переводчиков и советников.

В Кыргызской Республике серия книг с интервью – воспоминаниями воинов-интернационалистов – была продолжена аналитическим центром «Полис Азия» во главе с **Эльмирой Ногойбаевой.** Было взято 21 интервью у ветеранов афганской войны 1979–1989 годов, у солдат и офицеров из различных родов воинских подразделений. Интервью проводились **Эльмирой Ногойбаевой** и **Назикбеком Кыдырмышевым.**

В ходе интервью большое внимание уделялось самому рассказу ветерана. Запись воспоминаний не подвергалась редактуре, чтобы достоверно передать манеру речи и характер рассказа очевидца афганской войны. Это сделано с целью максимально передать дух той эпохи, характерные особенности общения солдат и офицеров на афганской войне.

Война часто описывается в истории как результат принятия решений со стороны глав государств, командиров подразделений. В афганской войне даже принятие решения о вводе советских войск в соседнюю страну было неоднозначным. Даже после Гератского мятежа в марте 1979 года советские руководители отказывались вводить войска в Афганистан. Позже, в декабре на заседании Политбюро одиннадцать человек решили судьбы миллионов. Все эти события хорошо описаны историками.

Гораздо меньше информации о том, как жили простые солдаты, прапорщики и офицеры во время войны. В этой книге – воспоминания ветеранов о службе в Афганистане, реальные истории людей, воскрешающие повседневность последней войны СССР. В рассказах прошедших ад войны людей мы слышим голос ИСТОРИИ: правдивые описания условий службы, проживания, питания, последующей социальной

адаптации советских солдат и офицеров, прошедших афганскую войну. Нам открывается нечто большее, чем сухая статистика войны: потери, расходы. Мы ясно видим неизбежное и иногда страшное взросление человека на войне. Для многих причины возникновения этой ужасной беды так и остались неразгаданными. Но они служили! И вспоминают об этом с гордостью!

Память о войне и её восприятие сегодня – в центре внимания этой книги, которая посвящена памяти всех афганцев Центральной Азии: живущих и тех, которых уже нет с нами, тех, кто уже не может поведать миру свою историю.

Кириш сөз

Марлен Ларюэль, Ботагөз Ракышева менен **Гүлден Ашкенованын** редакциясы менен басылып чыккан «Оттон чыккан Ооганстандан эс тутум. 1979–1989 жылдары Ооган согушуна катышкан жоокер-интернационалистер менен интервью» аттуу китеп АКШ, Казакстан, Тажикстан, Өзбекстан изилдөөчүлөрдөн куралган эл аралык топтун «1979–1989 жылдардагы Ооган согушу күбөлөрдүн көзү менен» долбоору, оозеки тарых (Oral history) ыкмасы менен жазылган китептин уландысы.

Долбоор, Ооган согушуна катышкан жоокерлер-интернационалист "Оозеки тарых" методу боюнча интервью алуу жана даректүү фильм тартууну камтыйт. Долбоор жетекчилери – Марлен Ларюэль, Ph.D (АКШ-Франция), Ботагөз Ракышева, социология илиминин кандидаты (Казакстан). Долбоордун негизги максаты – тарыхтын кайгылуу барактарынын бири болгон Ооган согушуна катышкан жоокерлердин эскерүүлөрүн сакташ үчүн маалымат топтоо. Жалпы Өзбекстанда – 20, Тажикстанда – 31, Казакстанда 21 интервью жүргүзүлдү. Интервью болгонундай берилди.

Астанада 2016-жылында басылган бул эмгек Ооган жеринде он жылга созулган согуш аракеттерге Орто Азиянын үч өлкөсүнөн (Казакстан, Тажикстан, Өзбекстан) катышкан жоокер- интернационалисттердин эскерүүлөрүн камтыган. Көп жылдар бою көптөгөн Оозеки тарых жана социологиялык изилдөөлөрү Орусиялык «ооган жоокерлерине» арналып жүргөн. Советтер Союзунун түштүк республикаларынын жарандары, котормочуу жана кеңешчилер катары Ооганстанда чечкиндүү ролду аткарганын, бул китеп чыкканга чейин маалымат өтө аз болчу.

Кыргыз Республикасында жоокер-интернационалисттер берген интервью-эскерүүлөрү менен китептердин сериясын **Эльмира Ногойбаева** жетектеген "Полис Азия" аналитикалык борбор улап кетти. Ооган согушуна (1979 – 1989) ар түрдүү согуштук бөлүктөрдө кызмат өтөгөн ветерандардан 21 интервью алынды. Интервьюларды **Эльмира Ногойбаева** жана **Назикбек Кыдырмышев** алды. Интервьюда ветерандын аңгемесине маани берилип, ооган согушунун катышуучусунун сүйлөгөн адаты жана өзүнүн өзгөчө мүнөзүн көрсөтүш үчүн эскерүүлөр өзгөртүүсүз китепке чыгарылган. Ал замандын духун жана солдат офицерлердин бири бири менен сүйлөшкөн өзгөчөлүктөрүн максималдуу чагылдырыш үчүн кээде айыл-шаарлардын аттары да оозеки тилде айтылгандай берилди. Тарыхта согуш көрсөткөндө өлкө башчылары чечим чыгарганын, колбашчылардын буйруктарын, операциялардын жүрүшүн, жоготуулардын статистикасын жазат. Ооган согушунда коңшу өлкөгө советтик аскерлерди киргизүү чечими да дароо эле кабыл алынган жок. 1979-жылынын март айында болгон Герат козголоңундан кийин да СССР жетекчилери Ооганстанга аскер жиберүүдөн баш тарткан. Бирок кийинчерээк, декабрда он бир киши миллиондордун тагдырын чечти. Бул окуяларды тарыхчылар абдан жакшы изилдеген.

Жөнөкөй солдат, прапорщик, офицерлердин согуштагы жашоосу боюнча изилдөөлөр анчалык көп эмес. Бул китепте СССРдин акыркы согушунун күнүмдүк тарыхын чагылдырткан Ооганстанда кызмат өткөн ветерандардын эскерүүлөрү жазылган. Ооган согушун көргөн советтик солдат жана офицерлердин кызмат шарттарын, тамак-ашын, кийинки социалдык адаптациясын изилдөөгө пайдалуу болоруна ишенебиз. Бул жакта чогулган аңгемелер, согуштун статистикасынан, жоготуларынан, жана чыгымдарынан

башкасын көрсөтөт – бул эскерүүлөр кишини көрсөтөт, согуштагы адамды.

Согуш жана адам – бул адамга фокус кылуу, анткени согушта адам көрүнбөй калат – ал жакта жалгыз кана солдаттар, офицерлер, баатырлар жана душмандар жөнүндө сөз болот. Бул жерде Ооган согушу жөнүндө жетишпеген маалыматты чогултуу маанилүү эмес, согушту көргөн кишинин согушту кантип кабыл алганы, аны кантип сезгени маанилүү. Китепте согуш жөнүндө эс тутумга жана согуш жөнүндөгү бүгүнкү түшүнүккө көңүл бурулган.

Бул китеп өтүп кеткен жана өз тагдырын айталбаган Орто Азиялык “ооган жоокерлеринин” жаркын элесине арналган.

Introduction

The book "The Memory of the Afghan Flame. Interviews with Soldiers-Internationalists of the Afghan War of 1979-1989" is continuation of series of books published under the editorship of **Marlene Laruelle, Botagoz Rakisheva, Gulden Ashkenova** is the result of three years' work of the international group of researchers from the United States, Kazakhstan, Tajikistan and Uzbekistan on the project "The Afghan War in 1979-1989 with Eye of Witnesses (Oral History)".

The project included interviewing the soldiers-internationalists, participants of the war in Afghanistan by the "Oral History" method and preparation of the documentary film. Project managers are Marlene Laruelle, Ph.D (USA-France) and Botagoz Rakisheva, Candidate of Social science (Kazakhstan). The main objective of the project was to collect the information about the Afghan war from its direct participants to preserve the historical memory about the one of the tragic pages of history. 20 interviews in Uzbekistan, 31 interviews in Tajikistan, 21 interviews in Kazakhstan were taken in total. Interviews are intact. The book contains the materials from private archives of the soldiers- internationalists.

This book is unique memories-interview of the Afghan soldiers from three Central Asian countries: Kazakhstan, Tajikistan and Uzbekistan, who took part in the military actions in Afghanistan during the decade-long war.

For several years, many sociological works and Oral History studies have been devoted to the study of Russian "Afghans". Before the release of this book, not a lot of information about the "Afghans" of Central Asia was known, although the citizens of the southern republics of the Soviet Union played a decisive role in Afghanistan, particularly as interpreters and advisers.

In the Kyrgyz Republic, a series of books with interviews-memoirs of soldiers-internationalists was continued by the analytical center "Polis Asia" headed by **Elmira Nogoibaeva.** Twenty-one interviews were taken with veterans of the Afghan war (1979 – 1989) from various types of military units. Interviews were conducted by **Elmira Nogoibayeva** and **Nazikbek Kydyrmyshev.** During the interview, much attention was paid to the veteran's story itself, and the printed recording of the memories was not edited in order to maximize the manner of conversation and the nature of the story of an eyewitness to the Afghan war. In some cases, the colloquial names of settlements in the USSR and Afghanistan, military units of equipment and weapons, etc. have been reproduced. This is done in order to maximally convey the spirit of that era, the nature of communication between soldiers and officers in the Afghan war.
War is often described in history as decision-making of heads of state and unit commanders, as the course of operations and statistics of losses. In the Afghan war, even the decision to send Soviet troops into a neighboring country was ambiguous. Even after the Herat mutiny in March 1979, Soviet leaders refused to send troops into Afghanistan. Later in December, at a Politburo meeting, eleven people decided the fate of millions. All these events are well described by historians.
There is much less information about how ordinary soldiers, warrant officers and officers lived during the war. This book has the memories of veterans of the military service in Afghanistan reflected the history of the everyday life of the last war of the USSR. This collection of interviews is useful for studying the conditions of service, residence, food, and the subsequent social adaptation of Soviet soldiers and officers who have gone through the Afghan war. The stories collected here reveal more than just statistics of war, losses, expenses - they reveal a person, a human at a war.

Man at war is primarily a focus on Man, who often goes unnoticed at a war where there are only soldiers, officers, heroes and antiheroes. The perception of the war by the person himself is more important here, rather than the collection of missing facts about the Afghan war. The memory of the war and its perception today is the focus of this book.

This book is dedicated to the memory of all the "Afghans" of Central Asia, who are no longer alive, and who can no longer tell the world their story.

• КЫРГЫЗСТАН •

Фамилия, имя, отчество	**Айтбаев Жумалы Шамшиевич**
Национальность	кыргыз
Год рождения	1957
Годы службы	1986 – 1989
Место службы	Шинданд
Занимаемая должность во время службы	Замотех роты 371-го гвардейского мотострелкового полка

Я родился в 1957 году, вырос на руках бабушки, называл свою мать «эже», отца своего – «ава». Я родом из Советского Союза. 15 лет служил в Союзе, в России, Украине, в Германии, после развала Союза в 91-м году приехал в Балыкчи. Потом служил в кыргызской армии до пенсии в 2001 году. С тех пор – в погранчасти, в сельхозчасти. Кто привык к армии, не может привыкнуть к гражданке, поэтому с 2005 года служил пограничников. Женился до Афганистана, уже дети были.

В какой период Вы проходили военную службу в СА СССР?

Я окончил школу в 74-м, призвался в армию в 75-м году и служил в Украине в авиации. Вернувшись оттуда в 77-м году, подумал, что делать, на гражданке не могу работать, тянуло обратно в армию. Пошёл в военкомат, и там отправили в Россию. Стал прапорщиком и служил в России, в ракетных войсках в Пензе. В Союзе просто так прапорщика не давали. Я учился в Пензе год в школе прапорщиков.

Учитывалось ли военным командованием СА СССР желание военнослужащих срочной службы служить в Афганистане?

С Пензы перевёлся в Балыкчи в 85-м году. В 86-м году пришёл приказ-разнарядка по Афганистану. Меня вызывает начальник ПО (политотдела) дивизии полковник Чёрный и говорит: «Вот пришёл приказ, поедешь в Афганистан?» Ну, если Родина посылает. И поехал в августе 86-го и вернулся в 89-м. Четыре раза пересекал границу. Там же по 2 года, а у меня было больше. Сменщика не было. Я уехал, когда вывод был.

Что Вам и обществу было известно о ситуации в Афганистане и действиях советских войск? Откуда Вы получали сведения (телевидение, СМИ, рассказы очевидцев, слухи)?

Про Афганистан слышали, с нашей дивизии уезжали туда, передо мной как раз за месяц до моего отъезда был один майор, командир батальона, он там погиб. После меня начальник штаба наш туда ездил, мой командир тоже, короче, там встретились.

Считаете ли Вы свою подготовку к службе в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане достаточной?

Прапорщиков обучают всему тому, что и офицеров, поэтому полностью готовым был к Афганистану.

Какие были первые впечатления?

Первый раз, когда в Кабул приземлялись, там вокруг самолёта четыре вертолёта летают, пускают ракеты, чтобы «Стингером» не сбили самолёт. Когда приземлились, там от жары мираж стоит, горячий воздух. Там в самом Кабуле уже лежит сгоревшая техника. Сразу думаешь, куда я попал? Там в пересыльном пункте ждёшь, когда распределят. Потом АН-12-м в Шинданд полетели. В грузовом самолёте, просто на чемоданах сидишь. Мне стало плохо в самолёте, я оглянулся, смотрю, всем плохо. Приземлились в Шинданде, и там тоже разбитые дома, сгоревшая, подорванная техника.

Добрались до полка. Там показали всё, где будем жить. Мы жили по два человека. И тут опять «даң-дуң», я испугался, а сосед мой спокойно сидит. Думаю, нормально. Оказывается, наши сами делают обстрел из «Градов».

В Афганистане или в первые три месяца, или в последние три месяца убивают. Там уже дембель получил, чемодан упаковал, и тут по тревоге поднимают, духи нападают, поехали, едут – и там «даң-дуң», смотришь, на носилках приносят. Чемодан упаковал уже, готовился улететь на самолёте, а улетает в ящике. Потом думаешь, как я сам уеду, в ящике уеду или как?

Какие были условия службы в Афганистане?

Я служил прапорщиком в городе Шинданде, 5-я мотострелковая дивизия, 371-й гвардейский полк, четырежды орденоносный. Наше направление кандагарское, от Кушки до Кандагара. Колоны, те, кто по распределению дальше ехал, останавливались у нас. И слышат же, что есть кыргыз, и приходили ко мне. Когда я служил, Касым приезжал, они были молодыми лейтенантами, со мной ещё служил Таалайбек Омуралиев, сейчас он – начальник генштаба, генерал, и Орозбай Колубаев, и Нурлан Стамбаев.

Разные были события, потери были, видел и «Чёрный тюльпан», сопровождал солдата в город Кызыл Тувинской АССР в 87-м году. Они, оказывается, наши родственники. «Чёрный тюльпан» взял 8 ящиков и летал по Союзу, и я был последним, в Кызыл. У каждого гроба был свой сопровождающий. Пойдёшь, возьмёшь разные бумаги, участвуешь в похоронах, слова говоришь там. Плохо так, многие плачут, упрекают, а ты почему живой?» «Ой, я обратно возвращаюсь, может быть, чёрт знает, я же не остаюсь здесь», – говорю, и уехал.

После полугода службы в Афганистане наш командующий, Герой Советского Союза генерал-полковник Громов мне дал старшего прапорщика. Если служишь в гвардейской части, то становишься гвардейцем, и поэтому я гвардии старший прапорщик.

Мы жили в модулях, финских домах, а 101-полк в Герате – в палатках. В блокпостах жили в палатках. Питание было хорошим. В неделю два раза колоны приходят с Союза и два раза ИЛ-76 с продуктами. Когда я первый раз приехал, был начальником склада дивизии. Огромная база. Взвод обеспечения, машины свои, пекарня своя. И я этому всему хозяин, а в Балыкчи у меня небольшое хозяйство. Я сказал командиру, что не работал с таким, он: «Ничего, привыкнешь». «Эй, или я отсюда тогда в тюрьму, или богатым стану». Тот смеётся: «А твоя специальность какая?» «Автомобилист», – говорю. «Тогда, – говорит, – твоего подчинённого поставим сюда, а тебя – зампотехом в роту». Я говорю: «Вот это по мне». Потом уже через 3 дня вышли на боевые.

Автоколонна едет так: впереди танк, после него – моя машина, дальше – БМП, дальше – опять моя машина и так далее. Ездили постоянно, по 3–4 месяца ездили. Мой батальон вышел самым последним. Чем я горжусь, наш командир батальона – последний Герой Советского Союза афганской войны, полковник, капитан тогда, Гусин Сергей Николаевич. Мы вместе на боевых. В жару сидели в наполненных водой РДВ (резервуар для воды), наслаждались. Потом у меня была обезьянка Стёпа, его в детстве привезли с Джелалабада вертолётчики. Иногда обезьянка убегала купаться или к командиру, он давал ей конфеты. Он был где-то год со мной. Иногда я брал его на боевые. Он сидел на зеркале, смотрел на дорогу. Когда проезжали через кишлаки духов, он кричал на них, не любил их. Когда я подорвался, он вместе со мной был. Я в госпитале, спрашиваю: «Где Стёпа?» «Стёпа живой, он там», – отвечают. Ему зашили рану, и у него остался шрам. У меня был маленький телевизор, его принесли мне в госпиталь, и мы вместе смотрели его. Иногда его брали, чтобы сфотографироваться.

У нас был комендант, казах, один раз звонит и говорит: «Эй, приезжай, забирай своего Стёпу». «Где он?» «Он на гауптвахте сидит». Иду туда, а тот человек, который взял его, попал на гауптвахту, потому что был без оружия. Прихожу, Стёпа там ругается со всеми.

Изменилось ли Ваше мнение и оценки в отношении причин необходимости присутствия советских войск в ДРА?

Это воинский долг, при Союзе воспитание совсем другое было – исполнять интернациональный долг. Там не было такого, чтобы кричали: «Зачем мы туда поехали» Там не делились по национальностям, а сейчас воюют Армения с Азербайджаном, а там мы вместе были.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, в качестве кого? Имеете ли Вы боевые награды за участие в них? Какие и за что? Были ли Вы ранены? Каковы были потери наших войск в ходе выполнения боевых операций? Количество потерь афганских мятежников? Брали ли пленных, какова их дальнейшая судьба?

Я сам автомобилист, постоянно были в колоне. В Афганистане всё через колоны. Разведчики говорят, что на тех направлениях есть «духи», и мы выдвигаемся туда. В фильмах колоны похожи на настоящие. Я в РМО – обеспечение, зампотех роты, постоянно в моём кузове боеприпасы, если попадёт одна пуля – умрёшь, ничего не останется, бензовозы мои, продукты, вот так. Я отвечал за обеспечение и ездил со всем этим. Полк ставит блокпосты, и их обеспечивали, выезжали с охраной, но иногда говорят по рации, что нет охраны, еду сам. Беру свои машины и еду.

Если машина подрывается, толкали танками на край дороги, машина уже не годная. Убитых или раненых солдат забираешь, а машину убирают, постоянно надо ехать, вообще не останавливаться. Там нельзя останавливаться даже на 5 минут, останавливаешься – сразу обстрел начинается. Я всегда смотрю за машинами роты, лишь бы машины не остановились, постоянно движение. Только в дивизии останавливаются. Иногда останавливаются на 3–5 минут, залить масло, воду. Если сломается, то в моей машине есть трос, цепляем и едем дальше.

В основном там минная война. Я и сапёром работал – все сапёры подорвались. Тут зовёт меня командир. Там же по ущельям полк стоит. Поставил свою роту, сидел, говорил по рации. Если позовут куда-то, ехал туда, доставлял боеприпасы или продукты. Я отвозил туда и дальше лежал. Однажды зовут: «Сапёров не осталось, давай вперёд». Там был танк с тралом впереди, который подрывает мины. Ну и поехали, только

два глаза блестят, остальное в пыли. Маленькие мины если взрываются, так «дюң», а большие мины, фугасы взрываются так, как будто под танком взорвались. Танк останавливается, они же специально ставят, и начинается обстрел. И начинается стрельба.

Один раз надо было опять ехать на 9 Мая, от плотины 40 километров, там продуктов не осталось. Я загрузил продукты, боеприпасы, бензовозов 3–4 машины. Приходят говорят: «Желающие, поехали». И поехали, впереди танк, БМП, сзади БТР и я в самом конце. Я только с отпуска, в наушниках кыргызские песни, едем, и вдруг «дуң» слышу. Все остановились. Танк спереди взорвался. Сказали ехать, и мы поехали. Метров за 500 впереди танк ремонтируют. Там «зелёнка», говорят, обозначает «лесную полосу», оттуда стреляют из леса по танку.

Я не надевал бронежилет, вешал на дверь, жарко же, из него делали занавеску. Там впереди стреляют. Надел бронежилет, по нам стреляют. Тогда побежали, проехали участок. Танк починили, и он позже приехал.

9 мая приехали, там было небольшое ущелье. Здесь штаб дивизии, и нужно было в ущелье. Я взял солдата, поехал в полк, хотел привезти на 9 Мая продукты, огурцы, там. Хлеб тоже заплесневел, нужно было новый хлеб взять. Едем, сзади бензовоз, спереди я. Тут за сопкой по дороге около 50 бородачей, с гранатомётами, со всем. Я сразу развернулся на ходу, у того, что сзади ехал, где-то метрах в 20-ти, глаза во-от такие. «Видишь их, давай назад». Там уже БМП, они смотрят за сопками, они спасли.

Зовёт меня командир дивизии: «Сколько здесь служишь?» «Полтора года», – говорю. «Что, жить надоело? С сопровождением езжай». На следующий день поехали с сопровождением, а те поставили мины, и сопровождение подорвалось. Хотел как лучше, овощи, фрукты, свежий хлеб на 9 Мая. Говорят: «Ты и о себе думай, о своей жизни».

В основном там внезапная война: нападут, обстреляют 15–30 минут, потом убегают, боятся наших вертолётов. Смотришь, рядом солдат убитый лежит.

Там три месяца воевали в провинции Гильменд, операция «Плотина».

Один раз ехали от иранской границы, съездили нормально, там были три месяца. На обратном пути попали на мину. За рулём я сам, сзади бензовоз. Я замполитех роты, на боевые выходили командир роты или я, по очереди. Почему-то взводных не посылали. Нашу роту называли «дикой». Как сказать, мы постоянно на колёсах, и в части часто не были. Многим водители не подчинялись, только мне и командиру роты.

Или в первые три месяца убьют, или в последние. Так было, в начале, когда приезжаешь, мало что знаешь, откуда будут стрелять. Колонна едет, едешь, смотришь вперёд, бронежилет не надевали, откуда стреляют, непонятно.

Тяготы бывают, друг друга вытаскиваешь, помогаешь, вместе живёшь, вместе встаёшь – люди друг другу становятся если не близкими друзьями, то точно ближе, несмотря на то, русский он или кыргыз, или другой нации.

Прилетают большие чины с Ташкента, с Кабула и вызывают меня. Мне страшно, что случилось что-то, но говорят со Стёпой, и понятно становится, что хотят сфотографироваться. У меня была обезьянка Стёпа. Мне с Джелалабада привезли вертолётчики, подарили мне. Ухожу на работу утром, привяжу к кровати её и поставлю телевизор, и она сидит, смотрит. Иногда прикрывал от неё изображение, она приподнималась и смотрела, а если совсем закрывал, то кричала, ругалась. После того, как подорвались, если по телевизору были взрывы, она убегала, боялась, пряталась. Потом уже вывод, и собираемся уезжать. И тут генерал говорит мне: «Ну что, Айтбаев, что будешь делать со Стёпой? Отдавай мне, Стёпа мне понравился. Сколько здесь служишь?» «С 86-го года, а уже 89-й год». «Ну что же, готовься, отправим тебя домой». Я так сильно обрадовался! И уже через пару дней полетел домой. В огромном ИЛ-86 один летел. Заходит штурман: «Чё валяешься?» А что делать, бегать что ли? «Пошли, – говорит. Взял с собой, на место в кабине посадил и говорит: – Вот теперь смотри в последний раз на Афганистан». Там всё открыто, всё видно, и смотрел с высоты на Афганистан. До границы долетели, сигнал начался «па-ап, па-ап», дальше Советский Союз. Открыл фляжку и даёт: «На, со спиртом». За то, что мы пересекли границу, 100 грамм выпил. Прилетел в Ташкент. Когда уезжал, никому не говорил. Узнали, только когда приехал в отпуск. Мамаша плакала. А так, никому не говоря, уехал. Просто сказал, что уезжаю в командировку. Домашние знали, в части знали, мамаша и папаша не знали – они скотоводы были. Дед уже покойный был, но его дух меня поддерживал, как кыргызы говорят. Когда подорвались, было плохо, и тогда мне приснился дедушка, и я подумал: «А-а, всё будет хорошо». Думаю, дед меня поддержал.

Как Вы оцениваете моральных дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов? Среди каких слоёв местного населения и какой поддержкой они пользовались? Их отношение к пленным советским военнослужащим?

Кыргызы же говорят, что пять пальцев не равны. Есть и хорошие стороны, и плохие. В армии тоже были неправильные стороны. У них тоже были плохие действия. Например, попадает в плен, пытали. Я сам не видел, но ребята рассказывали. Привязали к дереву, выпустили кишки и понемногу вытаскивали. Сейчас кыргызы одеваются, как афганцы, я не

люблю этого. Открыто говорю, у нас есть своя одежда, одевайте свою. Бородатые ходят, кыргызы не отпускают бороду, пока жив отец.

Помощь Советского Союза в развитии инфраструктуры в Афганистане и участие в строительстве различных объектов народнохозяйственного назначения? Роль и участие советских военнослужащих в реализации данных проектов?

Мы помогали. Школы, больницы строили. В сёла привозили муку, одежду. Помогали им. Сейчас разное говорят, ошибка, говорят, но у нас также осталось. Если бы сейчас сказали, я бы тоже поехал. Посмотрел бы, что там сейчас. Мы выполняли интернациональный долг – помогать афганскому народу. Мы с такой мыслью ехали туда. Если бы реально воевали с афганцами, у нас техника мощная, армия мощная, мы бы за месяц Афганистан заровняли бы. У нас же гуманная армия. Нам нельзя было мирное население трогать. В Шинданде мы ходили по городу днём, а ночью…

Отношение местного населения к советским солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии, и оценка их роли в военной кампании в Афганистане? Как выражались симпатии афганцев в отношении советских военнослужащих?

В Афганистане воевали между собой. И там были те, кто охранял свои территории и договаривался с нашими. Таких называли «дружественными». Проезжаешь через Герат, и тут «тадаң-дудуң», что такое? Да духи друг с другом воюют. ЖдЁм, утихает, и мы проезжаем. Тогда были моджахеды, сейчас талибаны.

Командир мой Кривошеев из Балыкчи приехал и стал начальником штаба в Герате, позвал меня встретиться. Передал, что есть мой подчинённый бывший, Айтбаев, хочу с ним встретиться. Я сказал своему командиру, и тот отпустил меня, но сказал, чтобы я захватил с собой солдата одного для охраны. Там был один сержант, узбек, я ему говорю: «Поедешь со мной», – и мы полетели в Герат на вертолёте, там 70 км от Шинданта до Герата, через перевал. Когда там встретились, командир мой говорит: «Ты вот уже привык, а я скучаю, лежу в палатке». Там был полковник Кривошеев, а командир Жданов, уже тогда готовился в Эфиопию советником. Сейчас многих имена не помню, память не очень, я же контужен был. В общем, посидели у командира, выпили по сто грамм за встречу, и я опоздал на свой вертолёт. Ну ладно, поедем с первой колонной. У меня автомат, у него, пистолет ещё у меня. Сидим, и тут приезжает колона духов.

Там так, есть «дружественная» банда, есть мирная, днём дружные, ночью в спину стреляют. Смотрю, там в колоне МАЗы и другие советские машины. Голосуем, остановились. По-русски тоже хорошо знали, там же мы были 10 лет. «Подбросьте до Шинданда». «Давай», – говорит. Сели, я посредине. Патрон в патроннике, автомат в его сторону, сержанту тоже сказал, чтобы был наготове. Едем, сзади ещё 5–6 машин. Через километров двадцать был родник. Доехали туда, остановились, попить, покушать надо. Вышли, смотрю: из их кабин выходят люди по 5–10 человек. Все с оружием, там без оружия не ходят. Все бородатые. Показывают на нас и что-то говорят. «Ну, – думаю, – если умрём, то хотя бы 3–4 с собой возьмём». Те поговорили – и к нам идут. Один сел между нами, я на него ствол повернул. Он начал: «Ой, зачем вы приехали?», – туда-сюда. Я ему отвечаю: «Ваш президент же пригласил, строить хорошую жизнь». «Зачем, мы сами разберёмся», – говорит. У них есть хлеб, как наш каттама, я сказал: «Бисмилля рахман рахим», – и попробовал. Тому тоже предложил: «Попробуй». Тот тоже сказал: «Бисмилля», – и взял хлеб. «Вы что, мусульмане что ли?!» «Конечно, мусульмане». Поехали дальше.

Они ещё раз остановились на перевале. Наверное, там хотели убить, но опять стали что-то обсуждать. Потом опять приходит, спрашивает: «Куран знаешь?» «Знаю, конечно, я же мусульманин». «Вот зачем, не надо было приезжать». «Ну, мы же помогать приехали», – отвечаю. Потом говорит: «Давай патронами меняться». У них старые автоматы 7,62, а у нас 5,45. Я ему говорю: «Не подойдут, у нас маленькие». В итоге они нас довезли до части, прямо до шлагбаума. Командир удивлялся: «Как вы доехали, с кем» Я говорю: «Вот, с духами приехали, они мусульмане и мы мусульмане, и они нас не тронули».

Куран я знал с детства, там дедушка намаз делал, Куран читал. Папаша – атеист. Меня воспитал дедушка, а своего отца я называл «аба». Меня спасло то, что я знал келиме и знал Куран.

Я не воспринимал их как мусульман, мы же делимся на суннитов и шиитов, а они шииты. У них дома я был. Там странные дома, много комнат, для детей, для молитвы. Когда брали кишлаки, там я подбирал разбросанные книги Курана, потом две книги привёз домой, отдал мулле: «Вот, привёз из Афганистана, почитай, что там, я же не умею читать по-арабски».

Они сеют опиум, арпу – и всё, больше ничего нет. Потом виноград, арбузы. Если хочешь взять виноград, то меняли на дрова. Там дрова – дефицит, деревьев нет, в домах полов нет. Полки для одеял из саксаула. Но женщины у них искусные, когда заходили в дома, то видели их вышивки на подушках и других вещах. Очень оценил их мастерство.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций?

Я же рассказывал про парня казаха, сидели вместе, и тут «дадан-дудун», пошли, пошли. Смотришь, он уже умер. Стресс бывает тоже.

Первое убийство, если не ты убьёшь, то тебя убьют. Про себя не скажу. Был один местный немец, с Кой-Таша. Хорошо с ним были. Смотрю, он идёт с чемоданом, спрашиваю: «Ты куда?» «В Афган». Действительно, со мной поехал, мы же с Ташкента уезжали. Я-то уже ездил, ему нужно оформиться. Лежал я в переселённом пункте, и он приходит. «Куда тебя распределили?» «В Шинданд, как раз в дивизию». «Э, ну, поехали тогда». Поехали, и как раз в наш полк в разведроту назначили его зампотехом. И первый бой. Духи стреляют. А тот в БМП. Кричим ему: «Стреляй, стреляй!» Тут он стреляет из БМП, и духа разорвало. Потом «тан-дун-дун» было, и приехали. Тот сидит – лица нету. Человека же убить – это не собаку пристрелить. Я ему налил стакан водки, себе налил, даю ему, говорю: «Пей». «Не хочу, тошнит». «Пей, сейчас пройдёт», – говорю. И заставил его выпить. Сидит – глаза застыли. «Эй, – говорю, – давай ещё». Вот так привыкает потом человек. И убивать привыкает, и к умершим привыкает. Человек ко всему привыкает. После Афгана служил полгода в Нарыне, потом меня командир как афганца отправил в Германию по разнарядке, сказал: «Посмотри Германию». Там мы с ним встретились.

Как-то служил в Оше, там солдат покончил жизнь самоубийством. Я увидел труп, и стало очень плохо. До сих пор, когда режут скот, не могу смотреть, ухожу. Вспоминаю, как лежали наши в крови. Как ранен был, носилки все в крови, сижу, смотрю, а мне говорят: «Ложись, ложись». На похороны стараюсь не ходить. Были случаи, когда собирали остатки в мешок после взрыва мины. И ты должен отвозить тело. Если лицо и голова не пострадали, то делают окошко; если нет, то запаивают в цинк, поэтому назвали: цинковый гроб. Не позволяешь открыть, а что открывать, там… И такое было.

Какие изменения до и после 1991 года Вы можете отметить в вопросах предоставления льгот участникам войны в Афганистане? Что именно изменилось и в какой степени?

В Афганистане я контузию заработал, тиф заработал, гепатит заработал, пневмонию заработал, здорового места у меня не осталось. Из-за воды, питания. Вода там странная. Хлеб на боевых плесневеет. Убираешь ножом плесень и кушаешь. Гепатитом заражаешься друг от друга, у меня полтора метра кишков убрали.

При Союзе были льготы, один раз путёвка по всему Советскому Союзу, хочешь: во Владивосток, туда и сюда бесплатно, санаторий бесплатно, лечение бесплатно. Свет 50%, уголь давали. Сейчас такого нет, сейчас 6000 дают – и всё. А это что, придёшь на край базара, и нет ничего.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане и роль влияния на неё факта присутствия войск НАТО? С учётом Вашего опыта, можете ли Вы указать различия или сходство в действиях войск НАТО и СССР в Афганистане?

Когда выходили, у них есть армия, сарбозы, сидели с их замполитом. И говорю, что мы уже уходим, теперь у вас, наверное, война закончится. Он говорит: «Что ты рассказываешь, мы и до вас воевали, и после вас будем». После нас пришли американцы, и там опять война. Русские строили больницы, дома, школы, но они их разрушили, сказали, что не надо нам.

Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации, объединяющей и представляющей интересы бывших воинов-афганцев? Как называется данное объединение, когда оно было создано? Оказывает ли данная организация материальную помощь своим членам или просто проводит встречи ветеранов?

Я был председателем Союза афганцев в Балыкчи. Там при въезде в город есть первый памятник, танк стоит, установленный воинам-афганцам в Кыргызстане – это я автор памятника. Нарисовал на бумаге, отнёс в архитектуру, и там нарисовали. Танк я привёз, попросил у генерал-полковника Субанова Мырзакана Усуркановича. Первыми мы поставили в 98-м году. Потом начали ставить в других областях.

Участвую в разных мероприятиях. Однажды ездил по следам Панфиловской дивизии, ездили в Россию до Дубосеково. Здесь участвую в присяге солдат, в «Зарнице» и так далее.

Мы рассказываем в вузах, школах, многое не говорим, общее только. Пусть лучше они не знают. Я говорю своим детям, что в фильмах 50% правильно, даже если это художественный фильм, но 50% не соответствует. Там взрываются танки, машины, но в них же нет солдат, а в реальности же внутри солдаты умирали. В танке сидел механик, командир, все сидели.

Не хочу такой войны детям. 15 тысяч потеряли. А сколько сюда приехало и умерло. Я своих солдат провожал, привет домашним, нормально, вроде, здоровый уехал. Позже смотрю, крыша поехала у него, выпьет 100 грамм, и крыша едет. У меня до сих пор: иногда сплю, могу вскрикнуть, вскочить. Ни одного здорового солдата нет. Афганцев всё меньше и

меньше. Спросишь: «Есть у тебя здоровое место?» «Нет», – говорят. Я не говорю, что я афганец, что я воевал. Иногда в школе рассказываю и шучу: поехал туда, там уже были выкопаны окопы, я там полежал два года и вернулся. Смотришь на других, солдаты рассказывают такое, что как будто сами поехали и сами победили, разбили Ахмад-шаха. У меня было 40–60 солдат, из них человек 30 берёшь на боевые, там за них ты отвечаешь. Те, кто по-настоящему воевал, те не рассказывают. Есть некоторые шустрые, особенно в штабе которые сидели, они любят рассказывать. Есть те, кто служил по полгода, но воевал.

Как надо помнить войну?

Вспоминать иногда надо, не забываешь же. Война – страшная вещь, пусть не будет войны. Сейчас Китай, Россия и другие выпускают технику, а это же всё для войны. Для убийства. Это же не подраться и помириться. Война – это или ты его убьёшь, или он тебя убьёт. Например, брат моего отца семь лет служил. Ушёл в 39-м году, пришёл в 47-м. И я спрашиваю его: «Что вы там делали 7 лет, если война закончилась в 45-м?» «Да есть такие «бендеры», с ними воевал. И я как раз туда попал, во Львов. Это как раз столица бендеровцев была. Я же там служил. Спросишь дома у них воду – не дают.

Отношение к людям поменялось. Раньше не видел войны, крови, потерь, жил, как все. А там становишься ближе к людям. Мы не знали национализма, и отношение к людям другим становится.

Фамилия, имя, отчество	**Абдыкадыров Бактыбек Асылбекович**
Национальность	Кыргыз
Год рождения	1962
Годы службы	1981–1982
Место службы	Асадабад, Кунар
Занимаемая должность во время службы	Оператор-наводчик БМП1 – пехота, мотострелковые войска

В какой период Вы проходили военную службу в СА СССР?

Я родился в Бишкеке, но с 3 лет жил в селе Кызыл-Суу, в Кемине. Проходил службу в 1981 году.

Имели ли Вы какое-нибудь образование или работу перед призывом на военную службу?

Образование среднее. Десятый класс закончил в селе, после школы приехал в Кант и работал там грузчиком на сахарном заводе. Оттуда в 1981 году призвался в армию.

В каком военном округе, воинской части Вы проходили первичную военную подготовку?

Туркестанский военный округ. Призвались 3–4 апреля, здесь ночевали в Кой-Таше или Сары-Жооне, точно не помню. После нас посадили в поезд и повезли в Ашхабад. Там были в учебке 6 месяцев. Оператор-наводчик БМП – пехота, мотострелковые войска.

Знали ли Вы о предстоящем направлении Вас в Афганистан?

Когда призвали, в Сары-Жооне или где-то там, точно не знаю, говорили, что отправят в Германию. Первый призыв ехал же в Германию. Говорили, что мы будем 6 месяцев в учебке в Ашхабаде и после поедем в Германию. Когда приехали в Ашхабад, нам сказали: «Какая ещё Германия, в Афганистан поедете». Но там были и те, кто не попал туда, большинство всё же попало в Афганистан.

После 6 месяцев поехал в Афганистан, провинция Кунар, в её центр – Асадабад. Рядом с Пакистаном, где-то 9–11 км, точно не знаю. За горами был Пакистан. Там дальше одна сторона реки Кунар была афганской, другая сторона – пакистанской. Там есть такие города как Асмар, в общем, там был 6 месяцев, 7 месяцев, потом получил пулевое ранение с Кубатом Далакеевым. Сначала его ранило. Когда я пошёл к нему на помощь, меня ранило, и потом нас обоих комиссовали. 22 июля выписался и приехал домой в августе. Когда призывался в армию, про войну уже знал. Уже были те, кто был там, к 81 году уже были прибывшие оттуда, те, кого призвали туда первыми.

Учитывалось ли военным командованием СА СССР желание военнослужащих срочной службы служить в Афганистане?

Говорили; «Если не хотите ехать, то пишите рапорт». Ты же не хочешь быть вне большинства, тем более молодой, думаешь, посмотрим, как там. К тому же тогда патриотизм был сильный, куда посылали – туда и ехали. Убежать или ещё что-то – такого не было.

Считаете ли Вы свою подготовку к службе в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане достаточной? Какие навыки и знания Вам прививались, что считалось наиболее приоритетным и необходимым (сапёрное дело, горная подготовка, стрелковая подготовка и т. д.)?

В Ашхабаде было жарко, там полигон был в горах, и поэтому очень схожие условия были с Афганистаном. Там нас учили стрелять, ложиться под танк, в общем, хорошо подготовили за 6 месяцев спецов: операторов, механиков, командиров. Всего три батальона.

Были, конечно, те, кто проходил курс молодого бойца 2–3 месяца, и после их посылали в Афганистан – они были автоматчиками, пулемётчиками. У нас же подготовка была 6 месяцев – для специалистов. Типы мин, типы пуль, как кидать гранаты, за шесть месяцев много, чему учили, сейчас уже не помню. Все ночи была стрельба, там стреляют, здесь. Вначале я удивлялся: Кубат, там же стреляют. Кубат говорил: «Да не думай об этом». Он приехал туда раньше меня на 3 месяца, сразу после карантина. Потом стреляют наши «катюши», куда, где – непонятно. Ву-у, ву-у, ву-у! Выстрелят где-то 10 снарядов – и всё. Была ещё рота СС – секретно-сапёрная. Они ставили советские секретные мины. Там были датчики, которые реагировали на груз больше 80 кг. Если человек шёл с грузом, то мина взрывалась.

Обычный день проходил так: стирали одежду, постель, стриглись, волосы вообще не оставляли, иначе вшивели, приводили себя в порядок. Что ещё? Письма писали. Потом наряд, караул. На аэродром прилетали по два вертолёта, там сгружали продукты и охраняли. По неделе или по месяцу, вроде, один взвод охранял аэродром постоянно, и потом менялись. Ходили на обед, ужин.

Были ли Вы и другие военнослужащие информированы о причинах необходимости присутствия советских войск в Афганистане?

На политинформациях говорили про Афганистан, но больше рассказывали офицеры.

Домой писали письма, о чём писали?

Говорили нам, чтобы мы не писали, что едем туда. Пишите, что едете в Германию и т. д. Когда туда поехали, мы особо не писали. С одной стороны, жалели родителей, с другой стороны, цензура была сильная. Не знаю, читали ли наши письма, но мы писали, что попали в Афганистан, что боёв нет, что здесь жарко. После 6 месяцев уже и не пишешь домой, забываешь.

Если придёт письмо, то читаешь, радуешься, но когда приходит черёд им написать, то не пишешь. Если отправишь, то отправишь, не отправишь, то нет.

Писали стандартные письма: как дела? Как здоровье? У нас всё хорошо, жарко, выходим в караул, сидим здесь.

Соответствовал ли уровень полученной военной подготовки реальным условиям службы в Афганистане?

Подготовка была, но реальная война – это совсем другое. С противником не было контакта явного, партизанская война. Они стреляют внезапно, ты отвечаешь. В общем, не как в учебке, там же боевая обстановка. Позже я прочитал в интернете, что в 40-й армии процентов 60–70 были в охране и сопровождении. Где-то около 30% действительно шли на боевые действия. Большинство охраняло предприятия, трубопроводы, стратегические объекты, посты. Мы выходили на боевые операции.

Как проходила адаптация вновь прибывших военнослужащих к новым условиям службы и климату?

Там много болели Боткина, желтухой, малярией. Там жара 40 градусов, в палатку невозможно зайти. А когда малярия, всё равно заходят и накрываются одеялами, бушлатами, но всё равно мёрзнут, лежат, дрожат, трясутся. Таких болезней было много. При малярии сильный озноб, вообще не могут подняться. Кто болел Боткина два раза, отправляли в Союз.

Таких в потери не записывали, потому что вышли оттуда живыми. Даже если получил ранение и вышел из госпиталя, то уже всё, а что там с тобой... Тогда считается, что ты умер в Союзе.

Из-за болезней, желтухи и так далее, после того как солдаты уходили в наряд одну неделю, когда не было пополнения, в роте оставалось человек десять. Из-за неполного состава где-то неделю был каждый день наряд, потом назначали дневальным. Болезнь многих косила, недавно умер Алмаз, остановилось сердце, он там тоже болел желтухой. Здесь тоже болел.

Наша 66-я бригада была в Джалалабаде, а мы стояли отдельно от основных сил. Про 66-ю бригаду много писали, там много казахов было. Мой комбат – Эртаев. Женщин у нас в Асадабаде не было. Может, среди советников была одна женщина, а в бригаде были женщины-медсёстры. Если по штату нет, то нет. Среди советников была одна русская женщина. Женщины были в основном добровольно.

Верблюжью колючку пили, когда был понос. Были случаи, когда и в строю пускали, такое много видел в учебке. Ребята из Башкирии, Татарстана, они не выдерживали жару. Мы-то привычные, у нас же летом тоже жарко. У нас так сильно не было, у казахов, у кыргызов, узбеков, туркмен. Тем, кто с севера приехал, было трудно, прямо в строю начинало вонять. Понос. Он ещё заразный, оказывается. У столовой давали заваренную траву, от неё стало лучше. В Афганистане то же самое было. Там тоже не можешь привыкнуть к их воде. Там и комары ужасные. Малярия же от них приходила. Мух много.

Соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

Продукты быстро портились, там всё консервированное, тушёнка, сгущёнка. Когда привозили яйца, мы сразу их все отваривали, и все кушали яйца, потому что они же портятся на следующий же день. Хранить негде, дни жаркие.

Хлеб привозили с Джалалабада, он становился, как кирпич. Когда прилетал вертолёт, мы там воровали, кто сгущёнку, кто тушёнку, кто хлеб. Офицеры тоже знают, но ничего не говорят, пусть покушают, мол. Потом пойдём на берег реки, вытащим всё это, расставим и устраиваем себе праздник. Кочегары в палатке топили две буржуйки. Там света не было, делали из гильзы светильник, заливали туда солярку и поджигали. Утром у всех усы от копоти, потому что дышали носом. После рейда только видны глаза и зубы, все в пыли. Одежда вся серая.

Один раз мы голодали около недели. Три дня ходили по инерции, потом другие три дня явно ощутили, что такое голод. Это не такой голод, как в 90-е годы у нас. Ничего вообще не было покушать. Вертолёта не было, колонны не было. Мы даже не думали охотиться или глушить рыбу. Мы стояли рядом с городом у парома, всё окружено минами и сигналками. Мы боялись выходить куда-то, если только не взводом или ротой. Максимум 100–200 метров от парома. После того как мы ушли оттуда, там хозяйничали душманы. Наверное, все дикие животные давно убежали оттуда.

Изменилось ли Ваше мнение и оценки в отношении причин необходимости присутствия советских войск в ДРА ? Насколько отличались официальные заявления руководства СССР в отношении Афганистана от реальной ситуации?

Проводились политинформации. Там говорили об интернациональном долге, почему мы здесь, что будет, если сюда зайдёт Америка и поставит свои ракеты. Говорили также, что писать домой – пишите вот так, не пишите, что участвовали в боях. Многие молодые же были, писали всё, вплоть до роты. 093992 писали вместо индекса, к номеру части добавляли ноль, потом в/ч 93992, букву батальона «ж», «п», «в», потом роту или фамилию, и так письмо и приходило.

Замалчивались ли в советских СМИ данные о потерях среди военнослужащих СА СССР? Если нет, то насколько они соответствовали реальным данным?

Много потерь было от болезней. Кто болел Боткина два раза, отправляли в Союз. Таких в потери не записывали, потому что вышли оттуда живыми. Даже если получил ранение и вышел из госпиталя, но потом не перенёс последствий, считалось, что умер в Союзе. Потерь больше, чем 15 тысяч, особенно от последствий. Тех, кого выписывали в Союз, не считали. У нас был молдован Матвиенко и командир хозвзвода Прокопчук. Прокопчук взял машину Абыла, и они вдвоём поехали и подорвались на мине. Прямо под Прокопчуком взорвалась мина. Он погиб сразу, а Матвиенко был ранен. Когда я лежал в госпитале в Кабуле, Матвиенко тоже там лежал, очень тяжёлый был. Потом выписали в Союз. После я прочитал в интернете, он через столько-то лет умер от последствий ранения.

Участвовали ли Вы в боевых действиях?

Мы выходили в рейды с батальоном, охраняли паромную переправу. Первый бой, то что я помню. В горах отряд «Каскад» попал в окружение. Видел, как в горах взрывалось, стреляли. Нас приготовили к вертолёту. Но мы не приняли в бою участия. То ли не было вертолётчиков, то ли некуда было сесть, то ли те вышли из окружения. Потом вечером привезли ребят с четвёртой роты, двое погибли, у одного не было бока, у другого – челюсти. На следующий день мы были на аэродроме. Там был нарынский парень Мадиев Дубанбек. Когда я ему рассказал о том, что нас хотели послать, но не получилось, что там погибли двое, он мне сказал, что это они их вытаскивали. Они пошли пешком и всю ночь несли их. Тогда понимаешь, что ты на войне.

Первое столкновение, где я принял участие, было в Мараварском ущелье, там была перестрелка, обошлось без потерь. Когда возвращались, то застряла машина – и всё, что я помню. Возможно, первый бой – это было, когда окружили одно село и зампотех Пардаев из Таджикистана

(сейчас живёт в Узбекистане) показал мне, в какой дом стрелять. Из-за солнца не было видно трассирующих пуль, и я стрелял в том направлении и, вроде, попал в цель. Ещё раз ездили к одному дому, но это позже, зимой, тогда вернулись без стрельбы.

В каких операциях Вы участвовали, в качестве кого?

Операции были разные, если один батальон выходит, то это рейд. Солдатам не всё говорили, у каждого подразделения была своя задача: налево, направо, тебе приказали – и ты пошёл. Распределять по высотам, точкам, если те пойдут, стреляешь – и всё. Были также задания пойти в тот или иной дом и проверить, кто там, что там. Ищешь оружие, потом делали прочистку, или зачистку. Солдатам много не говорили: скажут стреляй – стреляешь, скажут ложись – ложишься. Мы выезжали на БМП, но когда не хватало людей, добавляли меня к пехоте, хотя я – оператор БМП. Например, в последний раз, когда пошёл, там не хватало людей, и я нёс три снаряда для миномета. Спереди рюкзак, сзади три мины и автомат. Когда была такая работа, нас, операторов, тоже туда добавляли. А так в основном операторы на машине, в БМП сидели. Пехота сходит туда; если людей не хватает, то нас добавляли. Только механик оставался, командир тоже уходил, оператор иногда уходил, а пехота постоянно ходила, одно отделение.

Каковы были потери наших войск в ходе выполнения боевых операций?

Я 3-го мая был ранен, один парень каракалпак уехал в августе, комиссован по ранению на мине; на той же мине тогда погиб замполтех роты Берников. Другой каракалпак Тажиметов был убит снайпером на следующий день после моего ранения, 4-го мая. Тогда погибли трое: Тажиметов, Мадияров и Чивилёв – офицер, лейтенант, который только закончил алма-атинское высшее военное училище, где-то два месяца, как закончил. Другой каракалпак, по имени Шакар, умер от болезни после того, как приехал на родину.

Как Вы были ранены?

Ранен был 3-го мая. 1 мая был праздник. Ставили сигнальные мины и стреляли их как салют. 2-го мая ночью мы вышли, и в первом же селе нас начали обстреливать. Я залёг, но у меня спереди был вещмешок, а сзади – три миномётных снаряда. Я лежал горкой и думал, что если попадут, то взорвусь. Если три мины взорвутся, то всё, конец. Тогда уже начались

такие чувства. Там много не стреляли, потому что подъехали танки. Мы сели в них и поехали в сторону Джалалабада. Между Асадабадом и Джалалабадом есть мост в ущелье Ганджигал (Ганджал), которое шло прямо в Пакистан. Там было много стычек. Там подвезли нас к одной горе. Мы взошли на неё вечером, уже темно было. Тогда уже были перестрелки. Они давали друг другу сигналы трассирующими. К утру мы поднялись на гору, часам к четырём. Возможно, мы вышли на другую дорогу, опять спустились. Потом поднялись на другую гору, где-то часам к трём. Всем дали приказ сесть и отдохнуть. Одно отделение пошло за водой. Собрали у нас все фляги и принесли воды. До этого там ходил один чабан, пас овец, дом стоял. Потом вдруг он спешно стал уходить, и мы подумали, почему он уходит в спешке.

Мы сидели и пили воду. Где-то в метрах 20–30 от меня один белорус Цалко стоя пил воду. Я лежал и пил воду, смотрел на него. Первый выстрел был в него, скорее всего, потому что позади него пули попали в камни, и они разлетелись. Все стали кричать: «Цалко, ложись!» И потом всё началось. Все стали отстреливаться. Додекалов и Стамов были справа от нас. Они закричали, что в нас стреляют из дома. Мы с Кубатом стали их прикрывать. Уже было где-то часов пять. Стреляли снизу и справа. Мы их прикрыли, и они ушли. Тогда начали в нас стрелять. Тогда мы стали кричать, чтобы нас прикрыли, что стреляют с тех камней. Мы с Кубатом ушли оттуда. У Кубата заел пулемёт. Потом немного стихло. Начали заряжать магазины. Смотрим, уже столько патронов ушло так быстро. Когда патроны уменьшаются, сразу становится страшно. Если закончатся, будешь лежать и ничего не сможешь сделать. Каждому осталось по две-три пачки. Были гранаты, их не кидали, они не подходили близко. Где-то часов в 6–7 опять началось. Тогда уже, блин, нас с Кубатом оставили в одном месте, и рядом – снайпера. Пулемётчик, автоматчик и снайпер. Снайпера, узбека или казаха с Узбекистана, чуть выше поставили. Но когда начали стрелять, снайпер испугался и пришёл к нам поближе. Он был молодой, только приехал, может, месяц или меньше, только приехал. Мы ему сказали, что он оставил позицию, он говорит, что одному страшно. На его место пошёл Кубат. Когда стало вечереть, было видно, откуда стреляют, по пламени. Стреляли с трёх сторон, справа, спереди и слева.

Я взял снайперку, там спереди кто-то приподнялся и смотрел. Я выстрелил в него, но не попал, чуть ниже в камни попал. Второй раз получше прицелился, чуть выше, и выстрелил. Было где-то метров сто, он упал. Я сам испугался, стал дрожать. Стал говорить Кубату:

– Кубат, я кого-то убил, кого-то убил, – первый раз очень плохо, оказывается. – Я кого-то там убил, кто там, Кубат?

– Да стреляй, кто там ещё может быть, там душманы, – сказал мне Кубат.

После этого началось, с трёх сторон стреляли. Мы втроём стреляли в ответ в разные стороны. Снайпер стреляет – и сразу ложится. Мы уже не думали о снайпере, сами вдвоём. Уже и у нас пламя выходило, и нас видели. После того как Кубат поменял позицию, слышался только один автомат. И тут они стали приближаться как будто. Стали приближаться, и стали слышны их голоса. Они кричали друг другу, ничего не было понятно, ещё и звуки автомата всё гасят. В общем, слышал их голоса.

Тогда я понял, что такое, когда идут тебя убивать. Явно почувствовал, что это не по голове погладить, это не учебное, действительно идут тебя убивать. Они приблизились метров на 50, были слышны их голоса. Человек действительно ощущает, что это не игрушки. Когда рассказывают с улыбками о том, что бывает, и когда ощущаешь это в действительности – это совершенно разные вещи. Явно стал это чувствовать. Вдруг Кубат стал кричать:

– Алик, Алик! – меня с детства зовут Алик.

– Что случилось?

–Живот, – говорит.

До него было метров 50.

– Эй, Кубат, я не могу пойти к тебе, в меня тоже стреляют. Сейчас немного стихнет, и я пойду к тебе.

Когда немного стихло, я подполз к нему.

– Что случилось, Кубат? Куда тебя? Живот болит? Где?

Пока я нагибался, меня как током ударило, услышал очередь. Я закричал:

– Мама! – и упал.

Потрогал руками лицо, голову – всё нормально. Пошевелил ногами – всё цело. И пока я вставал, ещё одна очередь – и удар в бок. И я тоже упал.

Сразу же вспоминается мама, оказывается. В учебке, когда стреляют в грудную фигуру, говорят «не жилец». Всегда ставят грудную фигуру. Я подумал, всё, мне конец. Я умру. Кубату говорю:

– Я умру.

Теперь здесь когда встречаемся, шутит: «Ты же говорил, что умрёшь, почему не умираешь?» «Я бы посмотрел на тебя», – говорю. У него у самого в 5 мест попали, но он тоже выжил.

Сразу вспомнил маму, когда крикнул «мама». Теперь мама будет плакать, и сам плачу. Не помню, как упал на спину, уже вышла луна, смотрю на Кубата, там лужа крови. Ещё одна очередь была, и Кубат крикнул «мама» и упал в эту сторону. Стреляли сзади, и я думал, что там второй взвод. И кричал: «Второй взвод, вы в нас стреляете!» «Всё, следующая очередь моя», – подумал я. Тут услышал шум танков и БМП. Сразу же всё утихло. Позже я спрашивал у второго взвода, они говорили, что это были не они. Возможно, мы попали в окружение. А я думал, что сзади был второй взвод. «Второй взвод, перестаньте стрелять вы по нам фигачите», – кричал я.

Потом, когда приблизился шум танков, все перестали стрелять. И наши, и те. Стало так тихо. Мне пришли мысли, и до сих пор про это думаю. Если в этом мире так тихо, почему люди стреляют друг в друга, почему воюют друг с другом? Если посадить пшеницу – она же вырастет. Хлеба что ли не хватает? Посади пшеницу. Если сделать из неё муку или талкан, и жить, кушать её, зачем мне здесь умирать? Все мысли ушли туда. Если я умру, то меня просто спишут, доставят гроб. Я себя ощущал таким маленьким чем-то от государства. Ты просто винтик в СССР. Если винтик упадёт, то другой прикрутят. Напишут, что в живой силе были такие потери, и вместо нас поставят другого. Чувствовал себя плохо. Тут прибежали ребята. Раньше мы думали, возьмём медали, вот так вернёмся, вот так будем идти. Тут все мысли о медалях улетели сразу. Пришёл наш медбрат Олег Карляков, сейчас не могу его найти. Он тоже покуривал, может, скурился, не знаю. У нас у каждого были аптечки, но и у него много уколов. Вколол нам обезболивающие. Мы стали зынк. Он говорит Кубату: «Ничего Кубат, ничего, тебе медаль дадут». «Да пошёл ты нафиг со своей медалью!» Мы тут с жизнью прощаемся, а он решил отвлечь нас медалями. Медаль становится копейкой, даже если героя дадут. Кубат материл его.

Потом нас вынесли вниз ребята. Алмаз с Алги (сейчас умер уже) с нашей батареи и Солтоной с Байтика и Кубан, тоже где-то с Байтика. Эти трое подняли меня, Кубата подняли Додукалов и Сталов. Спустили нас вниз. Положили нас в БМП. Мы называли его мандалошка, медицинский БМП без башни. Туда положили. Повезли в город, там было близко, где-то 20 километров. Привезли в Асадабад, там сделали перевязку. Слепое пулевое проникающее ранение было. Когда дышал, воздух выходил из груди и обдувал лицо. Назавтра прилетел вертолёт. Говорили»: «Один – тяжёлый, другой – средний». «Средний» был я, а Кубат совсем был плохим. Потерял много крови, получил пять ранений. У него на ноге

началась гангрена, и одну ногу отрезали по колено. Сейчас он работает в соцзащите Свердловского района. Нас привезли в Джалалабад, там сделали операции. Сначала Кубату, я лежал рядом и видел, как ему разрезали живот и вытаскивали кишки. «Мне тоже, наверное, будут так делать», – подумал я. Мне завязали руки, ноги, потом что-то холодное намазали, и стало всё холодным. Потом начали резать, но я не чувствовал. Только были звуки «тык», когда задевали кости. Потом что-то кололи ещё. В конце концов освободили мне руки и отвезли в палату. Хотелось сбежать, потому что я думал, что мне тоже будут резать живот, как Кубату.

Не помню, сколько дней я там был, в Кабул отвезли. Там я пришёл в себя. В Кабуле в охране госпиталя был мой одноклассник Марат, мы встретились с ним. В Кабуле я лежал около полумесяца, потом меня отвезли в Ташкент. Когда мы прилетели в Ташкент, там подъехали РАФики с мигалками: «ву-у, ву-у, ву-у». У меня полились слёзы с глаз. Неужели я приехал в Союз, все эти машины ради меня приехали. Я сразу забыл, что я винтик. Я тогда ещё не мог ходить, меня вынесли на носилках. Когда положили в РАФик, там была одна пожилая женщина-медсестра. Она смотрела на меня и переживала, спросила: «Как там, сынок?» Наверное, я переволновался, я сказал: «Там война, бабуля». У неё полились слёзы, и она сказала: «У меня сын (или внук, точно не помню) тоже там». Тогда я понял, что сказал ей «там война», я же не знал, что у неё там есть сын. Я ей сухо так сказал, думаю, она упала духом.

Мы лежали в Ташкенте около месяца-полутора. Потом комиссовали.

Имеете ли Вы боевые награды за участие в боевых операциях?

Медаль «За отвагу» получил за тот бой. Кубату дали орден «Красная звезда». Я так рад, что он выжил, пять ранений! Он пришёл из госпиталя только через год. Его возили в госпиталь в город Горький. Тогда увозили по другим городам, в Алма-Ату. В Ташкент уже не помещались. В 82-м после нас была Панджшерская операция, Ташкент прямо заполнился. Тогда ещё был порядок, приходили десятиклассницы, спрашивали наше состояние, поднимали наш дух.

Брали ли пленных, какова их дальнейшая судьба?

Видел двух пленных афганцев, их спрашивали об иностранных инструкторах. Они сказали, что есть, но мы к ним не подходили. После их отправили на вертолёте куда-то. Не знаю, кому их после отдавали, мы просто их доставили куда нужно.

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск? Как часты были совместные операции, и какая роль отводилась в них афганским союзникам?

Афганская армия – просто название. Никакого учёта, убегали с автоматами, где ты их найдёшь среди гор! Как берут в армию, мы окружим город, блокируем въезды и выезды. Потом приходит афганская армия, хватают всех, кто идёт по дороге, и садят в машину тех, кто помоложе. Разве бывает такая армия, без всякого учёта? Чей сын, где живёт? Поэтому целыми батальонами присоединялись к моджахедам.

Одно название – армия, курят анашу сильно. Конечно, там были и грамотные. Сейчас же у нас одеваются, как они, говорят, что там такие порядки. Нет такого, там тоже курят анашу, употребляют опиум, спят друг с другом, педофилы. Если будет война, невежество, конечно, такое будет. Сейчас наши бородачи ставят Афганистан в пример, но мы видели жизнь в Афганистане. Те, кто побогаче, берут себе 4–5 жён, а другие ходят холостяками, нет возможности жениться или дом иметь. Поэтому остаётся только война. А что ещё им делать? Наверное, знают только войну. Сажают опиум, продают.

Были ли факты неуставных взаимоотношений среди советских военнослужащих? Как относились к вновь прибывшим солдатам старые военнослужащие?

Дедовщина была, но не такая сильная. Все боятся, что застрелят. Там тоже уважаешь стариков, видно, кто новый, кто старый, кто год служит. Воду носили молодые, кочегарами были в палатке, подметать пол, там не пол, клали доски на землю – это делали молодые.

Учитывалась ли национальность и религиозная принадлежность советских военнослужащих при направлении в боевые части? В каких частях наиболее широко представлены выходцы из республик Средней Азии и Кыргызстана? Почему?

В первые годы было много из Средней Азии, но позже начали брать и славян. В основном были наши, туркмены, каракалпаки, казахи, узбеки, кыргызы. Говорят, был какой-то митинг в Ташкенте, где были недовольны тем, что только наши ребята едут туда. После этого, говорят, стало по-другому. А тогда в нашей 66-й бригаде процентов 80 были кыргызы и казахи. Сейчас у нас есть группа, где много ребят. 66 ОМСБР. Мотострелковая бригада.

Отношения между солдатами срочной службы и офицерами ограниченного контингента советских войск в ИРА? Степень доверия между ними?

Отношения с офицерами были хорошие. Там начиная с комбата все были уже в возрасте, они относились к нам, как к своим детям, говорили: «Осторожнее, ребята». Младший комсостав – как бы сказать, им было интересно, что ли. Лейтенанты, капитаны. Майоры были спокойнее.

Патроны продавать было привычно, но мы их кипятили, потом продавали. Магнитофон, часы, платки, зажигалки, все хотели что-нибудь взять с собой в Союз. Тогда у нас такого не было, а там были зажигалки, там играла музыка – это было вообще круто.

Может, афганцы и знали, что мы кипятим патроны, но всё равно приходили и просили продать. Меняли на чарс. Я не продавал, но, будучи кочегаром, видел, как кипятили патроны ребята. Все патроны были у меня в БМП, там никто не считает патроны. После рейда я должен вместо открытых ящиков с патронами поставить новые. Возле каждого бойка должен стоять один ящик – два цинка с открывашкой. После рейда, сколько патронов выйдет, все уносил и бросал в воду и обновлял боекомплект в машине.

Отношение местного населения к советским солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии, и оценка их роли в военной кампании в Афганистане? Как выражались симпатии афганцев в отношении советских военнослужащих?

Там были в основном пуштуны. Я там был 6–7 месяцев, если был бы ещё год, то, наверное, выучил бы их язык. Стал уже говорить немного на их языке. Сигардари, сигархаст, сигарнист – так мы разговаривали друг с другом. У нас была база на одном месте с палатками. Там проходили местные через КПП, были те, кто приходил за водой, и мы там были на берегу. Там был паром рядом, на нём переплывали на тот берег Кунара. Местные приходили на этот паром, ездили туда-сюда. На вертолёте местные летали в Джалалабад.

Общались с местными в магазинах. Я там не был и года, а так, старослужащие ходили в магазины. Тогда мы были молодые и не знали, кто о чём думает, и по этой причине были и те, кого захватывали в плен, когда туда ходили. Не все, кто попадали в плен, были из тех, кого снимали как часового или выкрадывали спящего часового, были и те, кто просто пошёл куда-то. Заходили в их дома, конечно, не одни, когда проверяли по

наводке. У нас же работала разведка, как и у афганцев. Каждому давали инструктаж, памятку. Как заходить, как надо себя вести.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций?

После боя стресс можно снять и сигаретами. В основном, привыкали. В Джалалабаде в госпитале я был два раза, первый раз попал туда, когда при перестрелке в глаз попал отколовшийся камень. Тогда приезжали советские артисты: Лев Лещенко, «русские бабки», клоуны, женщины-певицы. В Асадабаде показывали кино. Кыргызский фильм «Жоро» я там смотрел.

У нас была обезьянка Райка. Она смотрела фильм «Жоро» с нами. Один солдат закрыл ей экран шапкой, она выпрямилась выше, он поднял шапку выше – она ещё выше, он выше, а ей не хватило роста – и она улеглась и смотрела фильм. Такая умная была. Обезьян было много. Собака была, не помню её имени. Райка ела всё, что мы ели. В основном в штабе была. Её сажали на собаку, и она ехала на ней как всадник.

Доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень распространения употребления наркотиков (какие?) среди советских военнослужащих?

У нас тоже многие поддались наркотикам. С Башкирии, русские, туркмены много курят. Казахи, кыргызы не так много, хотя и среди нас были. С Кыргызстана были только мы с Кубатом, оба не курили. Я один раз попробовал чарс, не понравилось, не как водка. Глаза выкатились, боялся и потом заснул. Опиум чуть полегче, один раз попробовал с Омаром, фамилия Омаров была, из Туркмении, сейчас в Новороссийске моряк. Там его земляки были, мы позвали Кубата, но он не захотел. Ночью сидели и курили. Сейчас вспоминаем, смеёмся.

В молодости хочется всё попробовать. Начинают рассказывать, это вот так, оказывается, попробуй. Думаешь, пойти, не пойти. Если пойду, не будут злиться? Молодой же был.

Где-то после одного месяца приехали в охрану аэродрома. Там на берегу реки два солдата афганца распотрошили сигареты, половину табака выкинули, добавили половину чарса. Мы сидели, разговаривали, как могли. Те начали курить, один, второй, мне дали. Я попробовал и начал кашлять сильно, те оба хохочут. Потом они дальше стали курить, я ещё попробовал и опять стал кашлять. Как только стал кашлять, глаза выкатились, голова закружилась. Те двое опять смеются, и я решил уйти.

Там до БМП закопанного, только башня торчала, было метров 500, но я не мог дойти. Еле как дошёл, глаза закрывались – и я заснул. После этого решил не курить.

Меры, предпринимаемые командованием по пресечению данных негативных фактов?

Офицеры ругались, но не сдавали. Наказывали. Один раз я принёс немного опия Кубату и спросил:

– Кубат, что это?

– Это ослиный навоз.

– Но я же полизал его.

– Тогда ты лизал ослиный навоз.

Мы посмеялись тогда.

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную государственную помощь как бывший воин-интернационалист?

Как афганец получаю 6000.

Считаете ли Вы целесообразными следующие инициативы, чтобы льготы участников боевых действий в Афганистане были приравнены к льготам ветеранов Великой Отечественной.

Я где-то год ходил по инвалидности, но нужно было проходить ВТЭК (врачебно-трудовая экспертная комиссия). Когда позвали на ВТЭК в Токмоке, там было много ветеранов и инвалидов Великой Отечественной, у одного руки нет, у другого ноги, у третьего скривилось там. А я такой молодой, всё на месте, руки, ноги целы. Мне было стыдно и неудобно стоять рядом с ними. И я ушёл. С тех пор я не проходил ВТЭК. А так я был год инвалидом третьей группы. Может, надо было первый раз потерпеть, потом привык бы, не знаю. Моему удостоверению не верили всё равно, хотя нас приравняли к ветеранам. Один раз на автовокзале была очередь, в Токмок постоянно была очередь. Я хотел воспользоваться удостоверением, но тут один подошёл со словами: «А ну постой»! Я же молодой был, он думал, что я взял у кого-то. Когда я ему показал, он стал извиняться. Поэтому я стеснялся показывать удостоверение. Так я перестал проходить ВТЭК и лишился инвалидности третьей группы.

Как часто Вы вспоминаете службу в ДРА ?

Часто вспоминаю тот бой, где меня ранили. Сейчас даже ружьё не беру в руки. Один раз пошёл на охоту, особо не хотел, тогда папаша был жив.

Думал рассеяться, нервы. Попал в зайца. Когда поднял его, вспомнил себя. Я же тоже так лежал. Зачем я в него стрелял? После этого вообще не стал брать в руки ружьё. Тот бой снился мне 2–3 раза, как кричал, как стрелял. Когда человек получает пулю, когда чувствует себя беспомощным, много мыслей приходит в голову.

Фамилия, имя, отчество	**Абыкеев Жалын Сагыналиевич**
Национальность	Кыргыз
Год рождения	1966
Годы службы	1988 – 1989
Место службы	Провинция Парван, населенный пункт Джабаль-ус-Сарадж, ущелье Саланг
Занимаемая должность во время службы	Замкомандир роты полк 117 мсп, в/ч п/п 51863

Имели ли Вы какое-нибудь образование или работу перед призывом на военную службу?

Закончил школу в Балыкчи, там были занятия по НВП, мы ездили в часть на сборы, и каждый стрелял по три патрона, играли в военные игры «Орлёнок». Я в Каракол ездил от Рыбачье. Учился в Дальневосточном общевойсковом командном училище, закончил в 87 году.

Знали ли Вы о предстоящем направлении Вас в Афганистан?

Я был направлен в ДРА, тогда так называлось государство в 88-м году в феврале. Уже в конце февраля был в Кабуле. Это была плановая замена офицеров, пришёл на замену Коршунову Олегу, он был замкомандира 4-й роты 2-го батальона 177-го полка. Я шёл на прямую замену к нему, он шёл в Забайкалье, где я служил.

Учитывалось ли военным командованием СА СССР желание военнослужащих срочной службы служить в Афганистане?

Я попал я в 177-й полк, провинция Парван, ущелье Саланг, 4-я рота, 2-й батальон, замкомандира роты был. Перед отправкой в Афганистан нас предупредили об этом, это была плановая замена. Мы заполняли массу документов, что мы были в отпуске, квартиру не имеем, или квартиру имеем, если были семейные. Я тогда был холостой, квартиры не было у меня. Я с охотой согласился на службу в Афганистане. Один из моих

командиров спросил:

– Имеешь желание служить в Афганистане?

Я говорю:

С Афганистана части же выводят?

В 86-м году там около 7-ми полков выводили.

Он говорит:

– На твой век войны хватит.

Ну ладно, я согласился и уже в ТуркВО в штабе округа в Ташкенте подписал документы, требующие сохранять секретные данные о месте службы, о датах и так далее. Мне было интересно посмотреть. Ну, как бой для меня было? Учения у нас – и всё. Это в мирное время. Хотелось на себя посмотреть, как я себя буду вести. Я мечтал быть военным с детства и именно поэтому своими силами поступил в военное училище. Это было в 83-м году, я сразу поехал на Дальний Восток, потому что хотел стать морским пехотинцем. Но не стал, потому что туда брали по росту – 174 и выше, а у меня был рост 170. У меня в семье военных до этого не было. Семья из пяти братишек, нас пятеро всего. Из пятерых нас трое отслужили, и я в том числе, остальные попали в период независимости Кыргызстана, тогда они учились, братишки. Как раз 95–98 – очень тяжёлое время было, мы по полгода не получали зарплату. Очень дрянное время было, что у нас, что в России, так же было.

Что Вам и обществу было известно о ситуации в Афганистане и действиях советских войск?

Когда я получал свои документы в Чите, я встретил там одного хромого «афганца», он спросил:

– Ну что, в Афганистан едете?

Говорю:

– Ну да.

Он назвал два-три населённых пункта:

– Туда не попадай, там постоянная заруба идёт, можешь не за что полечь, потому что тебе даже оглянуться не дадут, а в остальных местах можешь служить.

Похлопал по плечам и сказал:

– Ребята, готовьтесь всякую херню видеть.

Считаете ли Вы свою подготовку к службе в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане достаточной?

Я шёл по своей специальности как командир мотострелкового взвода.

Я прослужил на БТРах, а в Афганистане попал на БМП – 177-й полк был на БМП. Специальная подготовка типа горно-стрелковой подготовки – это было чисто факультативно. Так как я был новенький, только выпустился с училища, все знания были ещё свежие. В нашу часть попали солдаты, которые никакую подготовку к Афганистану не проходили. Хорошо умели бегать, хорошо стрелять. А в горах хорошо бегать надо. Когда я увидел, что под действием наркотиков один душман поднимает миномёт и убегает прямо в горы, для меня это было странно. Вот что делает наркотик с людьми! Потом мне бойцы сказали, что, наверное, он был укуренный, а так бы не поднял. Такой худенький, маленький один поднял миномёт – килограммов 40–50 где-то.

Какие навыки и знания Вам прививались, что считалось наиболее приоритетным и необходимым (сапёрное дело, горная подготовка, стрелковая подготовка и т. д.)?

Полгода солдаты в учебной части были, а полтора года – в Афганистане. А офицеры – раньше был такой БРОС – батальон резерва офицерского состава – это, по-моему, в Кушке. И вот туда свозились все офицеры, которые пришли на замену, но уже при мне на это, наверное, положили, поэтому замена прямая была уже. В моём случае так и было: со своей части – в Ташкент, там подписываем все документы, с Ташкента – в аэропорт «Тузель», с «Тузеля» – в Кабул.

Были ли Вы и другие военнослужащие информированы о причинах необходимости присутствия советских войск в Афганистане?

Первый раз говорили, что после 13 просьб руководства Афганистана о вводе войск Советский Союз в 79-м году принял решение ввести войска. Ввод войск – это было принесение стабильности, советская власть пришла ради помощи ДРА. Мы принимали участие в боевых действиях в ответ на нападения моджахедов! И мы были первыми, кто начал борьбу с исламскими террористами, «Аль-Каида» уже тогда была.

Это я уже потом прочитал, что политическое руководство Афганистана поделилось на два лагеря: «Парчам» и «Хальк» и что течение «Халька» одержало победу под руководством Бабрака Кармаля. Потом пришёл Наджибулла. Позже нам стали объяснять, что мы принимаем участие в боевых действиях, чтобы принести народу Афганистана мир и спокойствие.

В ходе подготовки к службе в ИРА доводилась ли до советских военнослужащих информация об этой стране, его населении,

традициях и культуре проживающих в Афганистане народов?

Сведения про Афганистан, про местных жителей, про религии и так далее, как нужно с ними вести себя, какое отношение к мирному населению, какие задачи выполняют вооруженные силы – я это знал уже когда шёл. В самом Афганистане где-то неделю была дополнительная подготовка – сведения о противнике, мы называли их не «противниками», а «мятежниками». Сведения о мятежниках, наличии оружия, сколько человек и так далее. Что есть «Альянс семи» – это руководители афганцев, Хекматьяр, Ахмад-шах Масуд – это на Саланге, где я буду действовать. Наши офицеры про это подробно рассказывали.

При отборе в состав ограниченного контингента войск в Афганистане военнослужащим каких национальностей отдавалось предпочтение? Был ли специальный отбор среди военных по национальному, языковому или антропологическому признакам?

Были разговоры, что в Афганистан только азиатов направляют, но я так не думаю. Все шли общим скопом, в других ротах было очень много с европейской части СССР. У меня в роте было 80 человек, и процентов пятьдесят были азиаты.

Когда вы прибыли в Афганистан, какие были первые впечатления?

Первые впечатления – гнетущая жара. Я приехал в феврале из Забайкалья, а там ещё были трескучие морозы. Я приехал в шинели, в шапке. Когда я вступил на землю Афганистана, это было где-то в пять утра, прилетел на ИЛ-76-м. Там прапорщик здоровый зашёл и сказал: «Те, кто с отпуска, – налево, кто впервые в Афганистане – направо!» Я пошёл направо, сдал документы, чтобы обработали, и меня жара просто оглушила. Именно была гнетущая жара. Это было в конце февраля, 25-го, по-моему, числа. Месяц я пока укатывался, принимал должность и так далее. Уже слухи шли, что вывод будет, подразделения с дальних районов типа Джалалабада, Хоста, Гардеза и т. д. Уже из Кандагара выводились тыловые части, а боевые части были ещё на месте. Тыловые выходили – ряды колонн выходили со спецтехникой. Очень многие солдаты хотели вывода, по срокам они там многие уже где-то полтора года служили.

Какие были условия службы, питание?

Я попал в азиатскую роту, у меня там много узбеков было, два киргиза,

таджики были, двое литовцев, ну, в основном азиатская рота считалась. У нас в ротной заставе была баня специальная, купались постоянно. Там вшей не было, а вот на точках в горах, на вершинах гор на господствующих высотах стояли посты. Там по 10–15 человек службу несли. Туда раз в месяц продукты и боеприпасы подвозили. И вот там вши были, в летний период было меньше, а в зимний больше почему-то. Старались, кипятили нижнее бельё, но топливо приходило только для приготовления пищи, и это было слишком разорительно. Там были такие КП-10 – кухня полевая 10-й модификации. На солярке можно было приготовить первое, второе, третье, всё как положено.

У меня был литовец один, Пшибараускас, он конкретно готовил, мясо отдельно, ну, в основном, тушёнку отдельно, пюре отдельно или гречку, горох, макароны и так далее. Питание было хорошим.

В армии в мирное время, если часть получала тушёнку, это был нонсенс, это было ЧП, потому что только горячая пища была у нас. А в Афганистане я видел: нам приносили двухлитровые банки с очищенным картофелем – они были водой залиты, запакованы, консервированные. Сухой лук был, картошка сухая была в мешочках таких. Муку привозили, жир привозили, крупы разные, и очень много было почему-то селёдки в томате. Я до сих пор не люблю селёдку. Очень много было сгущёнки, тушёнки. Я после Афганистана, наверное, года три не мог есть ни тушёнку, ни сгущёнку. В афганских магазинах было очень много болгарских разных соков в высоких бутылках, абрикосовый, вишнёвый и другие, но почему-то все болгарские были. Очень много напитка «Sisi» было, лимонный напиток типа фанты. Были сосиски в банках, голландские. Потом «Ham» – ветчина, в треугольной банке. Но они все быстро приедались.

Насколько отличались официальные заявления руководства СССР в отношении Афганистана от реальной ситуации?

Радио ловило, в основном таджикское, местные его любили. Радиостанцию «Маяк» слушали, но так как в рации батарейки были дефицитом, мы только иногда слушали, новости только. Но про Афганистан тогда мало говорили. Хотя я сейчас понимаю, что мы были первыми зачинателями борьбы против исламского терроризма. Если бы не Афганистан, то перешло бы на всю Центральную Азию, в Таджикистане так и было же, десять лет война шла там. Хотя их «вовчиками» называли, но они были настроены серьёзно, но получили по зубам и ушли.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, в качестве кого?

Если честно, я в таких жарких схватках не участвовал, я не герой, я просто работал, выполнял свои функциональные обязанности. У нас за год было четыре-пять таких крупных столкновений. В нашу задачу входила охрана трубопровода – он шёл с Союза через Саланг в Кабул. Там по трубам перекачивали бензин, солярку и керосин. И охрана шоссейной дороги, которая шла через Саланг в Кабул. Я там был календарный год, наш полк выводился 12 февраля 89-го года. Мы были почти последними, кто уходил, после меня только десантники, пограничники и Громов выходил, командующий.

Обычный день службы там – это подъём в 5 часов утра, если я был внизу на трассе. Подготовка к выезду техники в блокпосты. В 6 утра должны уже выехать на посты. Завтрак, обед, ужин был уже на заставе – специальный БТР ездил и отвозил им.

Первый бой был, наверное, через три месяца после моего прибытия. Мы охраняли трубопровод и трассу, а душманы постоянно пытались подорвать эти трубы, чтобы лишить Кабул топлива. И вот в один из дней апреля или мая месяца, где-то часов в 12 ночи подорвали. Там же под напором шла горючка, и там такое зарево пожара было, что гора прямо осыпалась песком, камни осыпались от жары. Там такая выемка была. Я туда попал и, честно говоря, не знал, кто откуда стреляет, молодой ещё был. Просто действовал по указаниям старослужащего наводчика-оператора, который говорил: «Вон в ту сторону стреляйте, товарищ старший лейтенант», – и я туда из БМП стрелял. Ничего не видел, никого не слышал, только видел, что наши переговариваются. Эта было первое скоротечное боестолкновение с душманами.

Я помню, когда был бой на Курке, очень много истратил мин. У меня был 82-мм ротный миномёт, и я там очень много мин истратил, потому что где-то с километра-полутора по мне стреляли из крупнокалиберного пулемёта. Наверное, всё-таки забил – они замолчали. Но мины истратил. И я по рации сказал, чтобы принесли мины. Там БК (боекомплект) был два или три ящика. Каждая мина 4,2 килограмма. Бойцы шли пешком и привязывали мины ремнями от вещмешка. Каждый солдат поднимал по 10 мин – 42 килограмма. С машины до поста донести километр, два наверх. Раз в месяц продукты, боеприпасы привозили, мины, большие крупнокалиберные патроны. На каждом посту было по одному ДШК и КПВ (ПКМ). Снайперки были, по одной или по две. Пулемёт был обычный – ПК, автоматы были у всех, даже у пулемётчика. Вертолёт мы

не могли вызвать, это только десантники могли. Танки, артиллерию могли вызвать. У каждой заставы наверху внизу была помогающая застава, с боеприпасами, с тяжёлой техникой, танки, БМП, БТРы обычно были там.

По-моему, один раз было, что мы вызывали подмогу. Один раз в 5 часов утра бойцы подбежали ко мне и говорят, что, кажется, по нам стреляют. Как вы поняли? Вон там всё в пулях вокруг нас. Я стал из миномёта отвечать. Сначала стрелял крупнокалиберный пулемёт, потом автоматы присоединились. У душманов в основном был китайский АК, АКМы китайские 7,62. 7,62 – это с метров 500, и я удивился, как так близко подошли они, не боятся, знают, что за оружие у нас было. КПВ и у меня было, а у них, наверное, ДШК было. Мы уже часа два отбивались, и боеприпасы у нас заканчивались. Я вызвал артиллерию. Там у нас позывной был «Пенал» – у нас была специальная сетка радиопереговоров для поддерживающей артиллерии. Артиллеристы были «Фиалка», вроде. Я на них вышел: «Ребята, по такому-то квадрату нанесите, пожалуйста, удар». Они такие: «Всё разговора нет». И сразу же минуты через три раздались взрывы. 120-миллиметровые, Д-30 как дали им, духи сразу разбежались. Они артиллерию очень уважали и боялись.

После операции «Тайфун» духи все исчезли, мы выводились спокойно. Только в районе Ташкургана, на той стороне Саланга обстреляли нас – и всё, больше ничего не было.

Вывод был тягомотный. Метров 100 едешь – три часа стоишь, метров сто едешь – опять три часа стоишь. Очень много техники, особенно гражданской, выводилось. БМП, БТР – это же боевая техника, мы бы быстро вывелись, а там ещё были «Камазы», «Уралы».

Каковы были потери наших войск в ходе выполнения боевых операций?

Потери по армии были в районе 250 или 300 человек, у меня в роте не было. Один был раненый, но он сам себе случайно в руку выстрелил – он выходил утром на пост и спросонья выстрелил себе в руку. Я помню, у десантников молодой солдат случайно при уборке территории привёл огнемёт «Шмель» в боевое положение и обратно, в этот момент и раздался выстрел, и тот разворотил ему весь бок – он умер через 23 часа. Много было желтухи, амёбиаза, дизентерии. Мы спасались тем, что мы были в горах, там вода чище, чем в долине, там же с ледников вода. У нас же были стационарные посты, и мы воду кипятили. Желтухи много было, почти 70% подразделения падало. Они отлежатся в госпитале – и через 2–3

недели приходили обратно. Тогда на заставах был неполный состав – там, где должно было быть 20 человек, – было 10, 6–7 человек. Десантники тоже много болели. На выводе нам в помощь дали десантников. Я с ними подружился, в моей офицерской комнате спали командир взвода и командир роты, Мишка Зернов.

Имеете ли Вы боевые награды за участие в них? Какие и за что?

За Афганистан награждён орденом «Красной Звезды».

Брали ли пленных, какова их дальнейшая судьба?

Пленного одного видел, а в плен лично не брал. Их отдавали ХАДовцам – они могли посадить, могли отпустить.

Вы домой часто писали?

Я раз в месяц писал письмо матери, что всё хорошо, служим, как обычно, как в Союзе. Я сказал, что в Душанбе служу. Она, когда писала письмо, писала «город Душанбе», и когда письмо приходило ко мне, «Душанбе» зачёркнуто было. Она потом узнала, она работала в санэпидстанции, и там много было работников соцкультбыта, женщины-медики с части в Рыбачье. И когда сказали, что ТуркВО, войсковая часть, полевая почта – они сразу сказали: это Афганистан. Писал ей, что у меня тихое место, что всё тихо, боёв почти нету, стрельбы почти нету. Но она всё время беспокоилась, мать есть мать.

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск? Как часты были совместные операции, и какая роль отводилась в них афганским союзникам?

Один раз сарбозы, солдаты афганской армии, пришли ко мне на заставу и сделали плов. Меня удивило, что мясо отдельно, рис отдельно, и рис такой длинный был. При мне совместных операций с афганской армией не было, я лично не участвовал, армия участвовала. Царандоевцам не очень доверяли, обычным сарбозам можно было доверять, а им – нет. Они были не стойкие в бою. Царандой при малейшем кипише могли убежать. Царандой – простая милиция, а сарбозы – армия, ХАДовцы были – КГБ наш.

Среди каких слоёв местного населения и какой поддержкой они пользовались?

Параллельно Салангу шёл Панджшер, хазарейцы были в сторону

Ирана, они, оказывается, потомки монголов. На Саланге и Панджшере в основном были таджики, узбеки. Узбеки – третья по количеству нация была там. До 20-х годов все эти земли же были местом проживания наших народов с древности – это потом уже на границы поделили.

Допустим, кишлак Калатак, там взрослого населения, именно боеспособного населения, человек сто. И над этими ста человеками глава, но они командно подчинены центру из Панджшера. А там в то время сидел Ахмад-шах Масуд. Они ему, в принципе, подчинялись, они уважали его очень. Он и на Саланг приезжал. Там национальность очень большую роль играла – сам Ахмад-шах Масуд был этнический таджик. Он знал таджикский язык, пуштунский, английский. Очень грамотный человек был. Были слухи, что он проходил военную подготовку в Академии у нас в Советском Союзе, якобы, ну а потом уже перешёл на сторону душманов. Я не скажу, что он был такой харизматичный лидер, но то, что он был непререкаемый авторитет для душманов – это было точно. Потому что каждый, с кем я ни беседовал, даже с душманами, это подтверждал, потому что где-то в декабре была политика примирения, и уже душманы начали спускаться к нам на трассу, и мы уже с ними как бы общались. При разговоре они очень с пиететом относились к Ахмад-шаху Масуду. Для меня это было странно, как так можно к далёкому человеку вот так вот относиться. Но они были настроены к нему очень дружелюбно.

С душманами мы разговаривали тогда, улыбались. Они уже открыто вышли, Саид-хан был такой, на нашем направлении действовал, он подчинялся Ахмад-шаху. Я с ним познакомился, они меня знали, что я «кыргыз-командор». Они мне:

– Ты мусульманин или нет?

Я говорю:

– Ну да, мусульманин.

Один такой:

– Скажи килама.

А я помню, что моя бабка постоянно говорила: «Ля Иляха илля Ллах, Мухаммадун – расулю-Ллах». Я такой ему сказал, и они между собой:

– У-у, он мусульманин.

Там молодой пацан лет 20–25 с нунчаками пружинными ко мне подходит:

– Ты знаешь, что это такое?

Я говорю:

– Знаю.

– А ты что знаешь?

Я говорю:

– Я бокс знаю.

Он говорит:

– Покажи на мне.

Я уже на мосту стоял на заставе, мост охранял. Мы стояли на откосе. И я недолго думая по скуле как дал – и он скатился по склону к реке Саланг. Я думал, что сейчас начнётся бойня, все с оружием, душманы тоже с оружием. Мои бойцы резко за автоматы схватились. А тут таджики все засмеялись:

– Вот, пацан, получил по шее.

Тот пацан потирает скулу и говорит:

– Ты мощно дал, это каратэ.

Я говорю:

– Каратэ не знаю, я бокс знаю.

Я потом сам подумал, что-то я неосмотрительно действовал.

Были ли факты неуставных взаимоотношений среди советских военнослужащих? Как относились к вновь прибывшим солдатам старые военнослужащие? Оказывали они поддержку молодым солдатам, делились ли боевым опытом и профессиональными навыками? Чётко ли придерживались в боевых частях требований Устава?

Дедовщина была, но такой уродливой формы, как у нас сейчас, не было. Потому что там же каждый знал, что у молодого и старослужащего есть реально автомат. Он мог его застрелить в бою. Дедовщина была в том, чтобы почистить коллективное оружие, почистить машину или ремонтировать – в основном молодежь принимала участие, старики только руководили. Старик всегда учил молодого, как спрятаться во время боя, что делать, только так. Издевательство было, на дуге на кровати делали «кандагарский мост», переползание под кроватью, но это было для их пользы. Когда делается «кандагарский мост», поясно-плечевой пояс и мышцы живота тренировались, они могли уже с грузом по горам бегать. Один раз я приехал в батальон, там стоял часовой, здоровый такой. Оказывается, на него надели 4–5 бронежилетов, и стоял на посту. Это тоже было наказание. Это было чисто в практических целях, служило военному делу, а то, что младшие слушают старших, это да. Стирать портянки, подшивать подшиву – такое я не видел. Каждый боец свой автомат чистил, там оружие было прямо пиететом, потому что знали, что нечищенное оружие может быть смертью. Личное оружие каждый чистил сам, а

коллективное оружие в основном молодежь чистила, большие пулемёты, ПКТ, пушку, миномёт и так далее.

Один раз был подъём техники, я на Куликовский пост поднимался, должен был заменить командира поста. Впереди меня шёл Гусев такой, москвич, бывший хоккеист, здоровенный малый, высокого роста, широкий в плечах, ну, хоккеист, что, но он молодой был. Он нёс два ведра солярки. Это же небольшой вес, тем более, там банки из-под квашеной капусты, 8 или 6 литров. Сзади него шёл худощавый каракалпак и нёс 50 килограммов муки на плечах. Потом до середины подъёма дошли, и тот говорит: «Гусев, давай заменимся». Тот говорит: «Хорошо». Поднял и не может с колен подняться. Не было у него сил подняться, весь такой уже был убитый, что ли. Каракалпак со злобой зашёл за камень и – бац-бац – удары были слышны. И я так: «Эй!» – крикнул, и они там замолчали. Но мешок каракалпак донёс сам до верха.

Отношения между солдатами срочной службы и офицерами ограниченного контингента советских войск в ДРА? Степень доверия между ними?

Если командир – профессионал своего дела; если, грубо говоря, мужик; не боится, в общем, опасностей; если человек правильный, то бойцы понимают. У нас был замполит роты – он был говённый человек, он был стукач, не любил солдат, хотя он был замполит, я удивился тогда. В Союзе он служил в строительных частях, поэтому, наверное, у него было такое отношение к солдатам. Вот его солдаты не любили. Говорили о нём уничижительно. Свою собаку назвали «Серёга», по его имени.

Дисциплина всегда в армии была, хотя отрыв подразделений по постам, многие не знали друг друга. Узнавали друг друга только в Пули-Хумрях, когда было построение полка. Солдаты подчинялись офицерам, обычно только негодяи-солдаты пренебрежительно отзывались об офицерах, а так в бою всегда в глаза глядели офицерам, всегда. Когда я в первый раз попал в Афганистан, мне на посту мои бойцы экзамен проводили, типа, я знаю оружие или нет – КПВ я могу разобрать и собрать. Ну, я собрал, разобрал, почистил – для меня это было привычно, тем более 4 года я с этим оружием возился. Они такие: «О-о, оказывается, вы, товарищ старший лейтенант, знаете!» Я говорю: «Я не только знаю, но и стрелять умею». Один раз ехал, и наверху кто-то показался, и я не глядя туда пальнул из автомата. Оказывается, там были большие ящерицы, не вараны, они на жаре делают разные движения, и одному из них на подъёме я попал в горло. И они такие: «О-о!» И сразу слух пошёл: «Кыргыз-командор наш, оказывается,

очень метко стреляет». Но это было случайно. Бойцы мои называли меня «кыргыз-командор».

С особистами я не сталкивался. Хотя говорили, что там засилие, но я лично не сталкивался. Говорили, что тот-то, тот-то служит особистом, но как работает, что он делает, я не видел. Наверное, я был слишком мелкой сошкой или слишком правильно себя вёл, но ко мне они вообще не подходили. Мы писали отчёт о боевых действиях. Меня удивляло, что советская армия была напрочь бюрократизирована. Был журнал «Боевые действия», так он назывался, и мы каждый день туда писали. На каждой заставе был такой журнал, целый сонм документов там был. Приходили проверяющие, читали. Если ЧП какое-нибудь произойдёт, то обязательно смотрели это: журнал боевых действий, журнал наблюдения, журнал расхода боеприпасов. Это всё лежало на мне как замкомандира роты: и ведение, и проверка, как командиры взводов ведут записи. В день на это уходило не больше часа, тем более, что на посту делать нечего.

Как часто происходили конфликты между советскими военнослужащими и местным населением Афганистана? Причины конфликтов?

Душманы потом говорили, что зря поддались своим партийным лидерам, своим духовным лидерам и воевали против Союза. Потому что Союз нам столько фабрик, столько заводов построил, ГЭСов столько построили, а мы, как дураки, всё это взрывали, всех убивали. Они сами сожалеют, по разговорам этого афганца. Я потом на Ютубе видел, что наши многие офицеры уже ездили в Афганистан, уже в мирное время, через лет 10–15, когда уже американцы вовсю хозяйничали там. Каждый афганец, кого бы они не видели, который был душманом в своё время, они все сожалели и говорили: «Вы, оказывается, были ещё мужчинами, вы в основном сражались вне населённых пунктов. Американцы наоборот – они мочат все кишлаки, убивают поголовно людей, ракетами – бум-бум-бум – а потом только наступают».

Если застава находится рядом с кишлаком, то контакты, хочешь не хочешь, есть. Ребятам всегда хочется сладкого, ребята конфеты любили, шоколад любили, а духи всё это всё время продавали, вернее, бачи. Чтобы в кишлак выйти на одном БТРе, человек 5–6 выезжали, потому что одному там нельзя было появляться, могли выкрасть. Покупали на чеки или на афгани меняли. Или продавали там что-то у себя, тушёнку, особенно говядину. Наши бойцы под говядину и свинину выдавали. Сигареты

выдавали, я свои сигареты, которые выдавали, все отдавал бойцам, там «Ростов» был с фильтром. Сахар выдавали, печенье – я всё отдавал бойцам. Бойцам давали без фильтра – «Охотничьи», «Гуцульские», «Памир». «Беломорканал» они сами покупали для чарса.

Факты и причины гибели мирного населения в ходе проведения советскими частями войсковых операций? Степень ответственности советских военнослужащих за гибель мирных жителей?

Потом в 89-м году операция «Тайфун» была – это уничтожение бандформирований, чтобы из гор наших не били. Поэтому каждая часть, каждое подразделение, которое находилось на Саланге, в округе уничтожали бандформирования. В течение недели это было. При мне под моим постом было где-то два-три кишлака, но они не были разрушены, ничего не было. Душманы же тоже жить хотят, они именно среди мирного населения прятались, и получалось, наверное, что огонь артиллерии шёл по населённым пунктам. Но, в принципе, душманы были очень деморализованы, отступили от трассы, от войск. Тогда хотя было мирное соглашение с Ахмад-шахом Масудом, что не будем бить, чтобы он нас проводил. Но они очень были обманщики большие, что таджики, что пуштуны. Они могли исподтишка удар ножом сделать. Поэтому, чтобы исключить это, операция «Тайфун» проводилась. Я участвовал в этом бою.

Один раз было ЧП, когда наши бойцы с других застав грабанули одну колонну, ну, в основном душманская уже шла. И душманы подошли ко мне:

– Командира вызывай.

Они знали, что у меня есть связь с командиром полка. Я говорю:

– Что случилось?

Они такие:

– А что твои беспределом занимаются?

Я говорю: Какой?

Вот так, вот так грабят. Что обычно наши солдаты берут. Это питание, арбузы, дыни или муку. И вдруг приезжает генерал-лейтенант целый, кажется, Воротников. Для меня это был огроменный чин, для молодого лейтенанта генерал-лейтенант чуть ли не небожитель. Он пришёл, такой маленький, ростом ниже меня, и такой всё матами, матами:

– Кто такие, почему?

– Вот требуют, чтобы не грабили.

– Это где?

– Это там выше, ближе к Салангу.

Он говорит:

– Пойдём, ты умеешь на афганском?

Я говорю, что только бытовой язык знаю.

– Где переводчик?

Там действительно был нужен профессиональный переводчик, они там переговорили, разошлись, и движение возобновилось опять по трассе. Что с солдатами сделали, я не знаю.

Один кишлак, который был возле дороги, наши разбили артиллерией, танками. Мои бойцы ходили туда помародёрить. Взяли в основном папахи, одеяла ватные, кумганы какие-то, в основном тёплые вещи. Потом на выводе эти тёплые вещи пригодились нам. Честно говоря, февраль в горах – это довольно суровая вещь. Целый день, неделю снег идёт, а бойцы придумали хитрую вещь такую. Прямо на выхлопе они одеялом подвели к салону БТР и там они сидели – тепло. Обмундирование – обычные бушлаты, ватные штаны – это для холода не очень. Я видел у одного десантника, они сражались на Алихеле, это местность в сторону Джелалабада, 345-й полк был воздушно-десантный. Они на операцию ходили и взяли бахшиш (трофей) и этот десантник взял спальный мешок. Он был на гагарьем меху, тонкий, но когда разворачивается, становился пышным.

Солдаты понимали, что это мародёрство, понимали, что так нельзя. Я им говорил, что вы же солдаты Советской Армии, вы не должны гражданские вещи брать, тем более в разбомблённом селе. Они такие: «Товарищ лейтенант, нам же тепло нужно, мы же будем ездить потом». Уже солдаты думали о выводе тогда.

Помощь Советского Союза в развитии инфраструктуры в Афганистане и участие в строительстве различных объектов народно-хозяйственного назначения? Роль и участие советских военнослужащих в реализации данных проектов?

В зоне ответственности моего полка был также и Гульбахор, в сторону Панджшера – мы стояли батальоном там. Я помню, что наши там строили швейную фабрику, ГЭС мы там построили, школы, там обучение молодёжи было – работала первичная организация комсомольской молодёжи Афганистана. Я удивлялся, как это можно воевать и ещё и одновременно строить? Но такова была сущность.

Отношение местного населения к советским солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии, и оценка их роли в военной кампании

в Афганистане? Как выражались симпатии афганцев в отношении советских военнослужащих?

Где-то за три месяца я научился таджикскому языку и общался с таджиками, потому что у нас многие слова были, оказывается, заимствованы с иранских, у кыргызов, я имею в виду, например, «байпак». Я чуть-чуть их понимал, поэтому через три месяца я сносно на бытовом уровне разговаривал с таджиками. Книжки-брошюрки нам выдавали, типа переводчика. Всякое негативное отношение к местному населению очень жёстко пресекалось. Каждый командир за этим строго следил, чтобы не было плохого отношения к афганцам. Все статьи и требования военной прокуратуры указывались в памятках. В жизни у нас были более плотные отношения с местным населением. Дети знали русский язык, в основном матерный. Я прямо удивлялся, что вот такой вот чилиш разговаривал матерными словами, а он, оказывается, у солдат научился.

Матерный язык для нужд войны, чем говорить официально «По высоте такой-то, беглым огнём уничтожить противника» – это слишком длинно, а во время боя время очень сжато. Там секунда-две, и поэтому нужно было выражаться более сжато: «По 102 и 3 *ударь* короткими» – и всё. И всё понятно было.

В 2003 году я был в Германии по программе НАТО «Партнёрство во имя мира», там я встретился с бывшим моджахедом, он уже был полковником республиканской афганской армии. Он говорил, что он очень жалеет, что они были дурными, что воевали с Советским Союзом, потому что мы, оказывается, очень много добра сделали афганцам. Строили, помогали, оперировали всех. Я помню, что у нас с полка выезжали целые агитбригады. Там в этой агитбригаде были ещё и пропагандисты коммунистического образа жизни, были медики, были музыканты, были женщины также. Женщины проводили приём, к ним прямо выстраивались большие очереди тех больных местных жителей, например, в Гульбахоре, Калатаке, Джабаль-ус-Сарадже. К медикам местные жители приходили всегда, потому что у них было такое состояние души, что ли, что «шурави всегда помогут», что всегда они вылечат.

Я заинтересовался их бытом и спрашивал: «Читать-писать умеешь?». Они говорят: «Нет». «Считать умеешь?» – говорят: «Да», рассказывали легенды про Бабура. В основном в той местности, где я был, преобладали таджики. Афганистан очень неоднородная страна. Преобладающая национальность были пуштуны, потом таджики, узбеки, хазарейцы, киргизы там были, казахи. Я однажды встретил одного казаха, мои бойцы

привезли его: «О-о, это ваш земляк!», – говорят. Он разговаривал на киргизском языке, но с каким-то акцентом. Я говорю:

– Ты кто по нации?

Он говорит:

– Казах.

– Откуда ты родом?

Он говорит:

– Из Джелалабада. Там, – говорит, – очень много киргизов и казахов есть.

Я удивился этому. А потом я уже на выводе, там есть такая местность Айбак, я встретил узбека. Они сказали, что чуть дальше там в сторону Пули-Хумри живут в основном киргизы. Но киргизов я не видел.

Какая у вас была зарплата?

Я как молодой лейтенант и замкомандира роты получал там около 400 чеков. Там покупать с магазина нечего было. На свою зарплату я мог купить джинсы, допустим. Военторг был очень хороший у нас, очень много было дефицитных товаров. Были магнитолы, телевизоры, джинсы, но мы предпочитали закупаться в афганских магазинах. Афганцы брали наши чеки. Можно было купить уже приготовленное таджиками куриное мясо, ихний хлеб купить – были такие лепёшкообразные, плоские, овальные. Они пекли их на железных листах. У них, вроде, тандыров не было. Тандыры только мы ставили. У меня на одном посту был тандыр – его узбеки солдаты поставили. И я первый раз увидел, что, оказывается, самсы пекут в тандыре.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций?

Развлечения солдаты сами себе устраивали. Приезжали артисты. Розенбаум ездил с БТРом по частям вокруг трассы, я, правда, не видел его, и он останавливался возле застав, устраивал концерты и так далее. В полку он точно был. А в основном гитары были на каждой заставе. Так как у меня азиатская рота была, у нас играли мало на гитаре. Анекдоты рассказывали, в нарды много играли. На каждой заставе были свои, замороченные от руки сделанные нарды. В карты играли, в принципе, это было запрещено у нас в армии, но на заставе что делать? Там целыми днями сидишь и всё.

Доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень распространения употребления наркотиков (какие?) среди советских

военнослужащих? Меры, предпринимаемые командованием по пресечению данных негативных фактов?

Я пил по праздникам, не курил вообще. У местного населения есть лёгкий наркотик, чарс называется. Доза размером с палец стоила рубля два. И бойцы брали, в сигарету клали и кайфовали. Когда мы в горах сидели, те, кто продукты приносили, тайком чарс тоже приносили. Потом у них наступал «жор», и продукты, предназначенные у меня на месяц, уходили за полмесяца, тушёнка, хлеб. Я тогда не знал, думал, они придуриваются, хихикают, что только там не происходит. Они курили, чтобы стресс снять, скучно было. Было влияние стариков на молодых в этом отношении тоже. Были ребята, которые переходили на героин, кололись – я об этом узнал уже в Союзе. Я своих солдат держал крепко, но не знал, что у них сигареты с этой дрянью, если бы знал – всё бы выкинул. На качество службы это не влияло. Они курили в основном в ночное время. Каждый солдат стоял на посту по 6 часов, и как не курить, если хочется спать. Среди офицеров, лично среди моих знакомых не было. Я чарс видел, но не хотел даже попробовать. Я же не курил, я и сейчас не курю.

Что больше всего запомнилось?

Больше всего вспоминаю нападение на БМП, когда я спускался с горы. Обстрел, грубо говоря. Это мне часто во сне снится. Первый раненый моего подразделения был этот случай. При мне, на моих глазах моего бойца, солдата с гранатомётного взвода, которые помогали мне спускаться, ранили в голову. Снайпер. Жара, у него бронежилет наполняется кровью, и кровь парит на жаре. Это для меня было как бы поразительно. Попало ему в правую часть над ухом, сантиметра два прошло между мозгом и костью. Контузило его знатно, но он выжил. Я его сам лично повёз в Баграм в медсанбат. Вкололи промедол, сделали перевязку в части и потом я повёз его в Баграм. В Багграме встретился с хирургом, который его оперировал, и спросил о его состоянии, потому что командир мне сказал, чтобы я узнал о его состоянии. Он говорит: «Ну что, я сейчас ничего не могу сказать, потому что он после операции». Я говорю: «Ты скажи мне, в худшем случае чего и в лучшем случае чего?» «Ну, в худшем случае у него не будет работать одна половина тела, глаз не будет видеть, а в лучшем случае – ухо правое не будет слышать – и всё». Через месяц где-то ко мне приходит письмо: «Что вы сделали с моим сыном, у него ухо не слышит и глаз не видит». Это был лучший случай для него. Он потом ещё лежал месяц в госпитале в Термезе, а потом его комиссовали. Тело работает, руки-ноги работают, нормально всё.

Позитивное из воспоминаний – это моё день рожденье. На заставе мне накрыли стол бойцы. Повар измельчил печенье и из этого теста сделал трёхслойный торт. Я привёз бутылку водки в дукане. Я положил бутылку «Русской водки» под одеяло на кровать, чтобы бойцы не видели. И тут заходит такой десантник Олег, то ли Ефремов, и такой мне: «Женя (они меня «Женя» называли – Жалын), это тебе на днюху», – и мне гранату на койку кидает, и она попадает прямо на водку. И такой звук разбитой бутылки. Он такой: «Блин, нашёл где прятать!» И они были разочарованы разбитой бутылкой больше, чем моей днюхой. Мишка Зернов его ругал, единственная бутылка водки – и ту разбил. Пришлось мне потом утром ехать за другой бутылкой уже в соседний кишлак, который рядом с заставой был. И они подарили мне тельняшку, она до сих пор у меня осталась. Мне тогда исполнилось 23 года. Офицеры-десантники были, ротный Алексей Александров, взводный Миша Зернов, замполит роты Сергей Шаронов, и ещё один взводный, имя и фамилию забыл.

Ещё запомнилось, когда Кандагар выводился, тамошние ребята оставили нам макаку, обезьянку Мики. Бойцы очень её полюбили, она была постоянным объектом шуток. Она была очень чистоплотная обезьяна, любила бананы, апельсины, я их покупал в дукане рядом с частью. Потом она умерла. Залетела на минное поле и запуталась в проволоке МЗП (малозаметное препятствие). Никто же не пошёл, и пришлось её застрелить.

На постах были и другие животные. На Курке были две собаки, одна алабай типа, другая поменьше – овчарка была. На батальонной заставе была большая немецкая овчарка командира батальона. Она по запаху определяла офицеров и бачей, душманам, грубо говоря, яйца прокусывала. Ничего не говорит, молча нападает. Удивительно, но у таджиков собак не было, они не любили их и боялись. А собаки у нас были первые сторожевики, и на посту они были нужны.

Какие изменения до и после 1991 года Вы можете отметить в вопросах предоставления льгот участникам войны в Афганистане. Что именно изменилось и в какой степени?

Льготы, которые были при Союзе, постепенно перетекли к нам, и в Кыргызстане были те льготы, которые были при Союзе. У нас было 50% по оплате коммунальных услуг, раз в год мы могли бесплатно ездить самолётом, поездом, автобусом. Пансионат был. Потом всё это депутаты монетизацию сделали. Хотя я считаю, что это неравноправное, потому что только на лекарства уходит 2–3 тысячи сомов, а там ещё коммунальное хозяйство. Я помню, что Мадумаров, когда был депутатом, исключил

компенсацию за лекарства – 400 сомов, в то время это были хорошие деньги. Его очень многие ненавидели за это, потому что эта была хорошая помощь тогда.

Если честно сказать, по молодости не понимаешь, что война – это плохая вещь. Это всё касается здоровья, а сейчас самый молодой афганец – это 69-го года пацаны. Я помню, в апреле-мае последние пришли, заменились 69-го года пацаны. Сейчас им уже 51. Та же самая желтуха, дизентерия просто так не обходится. При желтухе идёт поражение печени, у нас очень много ребят уходят из-за болезни печени, из-за давления, из-за болезни сердца уходят. Очень много инвалидов, которые минно-взрывные ранения получили, рук и ног нету. Лично я считаю, что Мадумаров в этом отношении был не прав.

Как часто Вы ностальгируете по периоду службы в ИРА? Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан? Если да, то в качестве кого?

Хотелось бы на месяц съездить, посмотреть, как народ живёт, но, по рассказам ребят, народ живёт всё так же плохо. Когда я там был, мне казалось, что я попал в Средневековье. Застыли, религия тоже должна развиваться в ногу со временем, а они развиваются только в сторону терроризма.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане и роль влияния на неё факта присутствия войск НАТО. С учётом Вашего опыта, можете ли Вы указать различия или сходство в действиях войск НАТО и СССР в Афганистане? Какие ошибки допускают иностранные военные в ИРА? Как это влияет на память о советско-афганской войне?

Ошибка Союза, я считаю, что не надо было ввязываться в эту войну. Если зашли, то надо было совершенно по-другому действовать, более развёрнуто, более широко доводить до простого дехканина цели и задачи и армии, и правительства. Честно говоря, умы простого дехканина завоевали исламские фундаменталисты. Они были напропагандированы против шурави, поэтому очень многие наши начинания не свершились. У американцев связи с местным населением вообще нет. У них связи только с высшим руководством или с лидером местного сообщества, но у них нету общения с простым населением. Простое население там скуривается, там наркомания очень широко развита. За время войны с американцами

у них почти пяти- шестикратно увеличилось производство наркотиков. Сами американцы признают это. Когда я был по программе НАТО, я у них спрашивал: «Что вы сделали для борьбы с наркотиками в Афганистане?» Они говорят, что не имеют права ничего там трогать. Они имеют право убивать, но не имеют права, оказывается, бороться с наркоманией.

Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации, объединяющей и представляющей интересы бывших воинов-афганцев?

У нас есть «Боевое братство» и Республиканский совет ветеранов войны в Афганистане. Я состою в руководстве «Боевого братства», которое организовал генерал-полковник Чотбаев Абдыгул.

Считаете ли Вы, что государство и общество защищает бывших воинов-интернационалистов, или наоборот, забывает?

Как говорил Лао-цзы, по-моему, что ты хочешь пожелать врагу – я бы ему пожелал жить во времена перемен. Афганцы попали в тот период, когда государство разрушалось и рождалось новое государство. Но нового государства, честно говоря, нету. Просто по накатанной колее идём и всё то, что было при Советском Союзе, доедаем уже 30 лет. Я после войны ко многим событиям отношусь остро, ненавижу предательство, двоякое толкование, двойные стандарты, разочаровался в религии, в той же исламской религии. Плохой опыт – это то, что была война, был свидетелем войны, участником войны. Я не герой, я простой труженик войны, обычный командир роты пехотного подразделения. Там если человек сволочь, он ясно проявлял себя, если человек – настоящий мужчина, это тоже проявлялось. Потому что худшие и лучшие качества людей в бою проявляются сразу. Как в мирное время в мирной жизни человек не может очень долго скрывать своё нутро. Если человек стоящий, то он остаётся стоящим до конца.

Фамилия, имя, отчество	**Алымкожоев Асанбек Тунгучпаевич**
Национальность	Кыргыз
Год рождения	1956
Годы службы	1980 – 1981
Место службы	Кабул
Занимаемая должность во время службы	Командир разведроты, начальник разведки мотострелкового полка

Я родился в 1956 году. Начинал службу старшим лейтенантом, дослужился до звания капитана. Закончил алма-атинское общевойсковое училище в 1977 году. Год служил командиром разведвзвода мотострелкового полка, потом разведроты, и когда начались боевые действия в Афгане, через Таджикистан я уже входил командиром разведроты.

Где служили до этого? Вас готовили к вводу в Афганистан?

До этого служил в Уч Арале, в Казахской ССР на границе с Китаем. Тогда я был простым офицером, простым лейтенантом. Никакой особой подготовки к Афганистану не было. Планирование, наверное, чуть-чуть было, потому что нас из Казахстана направили в Таджикистан, чтобы укомплектовать нами военные части. На границе с Китаем полк был полностью развёрнутым, прикрытие границы, постоянная военная подготовка, а на границе с Афганистаном полк был резервный, типа как кадрированный. Техника стоит на хранении, личный состав – минимум, офицеры тоже там то есть, то нет. Нас укомплектовали полностью и доукомплектовали этими, как называются в народе, «партизанами», мобилизационными силами с гражданки. Я считаю, это для ввода в Афганистан, почти не было подготовки, просто укомплектовали в течение 10–15 дней и отправили.

Кадрированная часть, как обычно говорят, кастрированная, так, на случай необходимости мобилизуют, когда не надо – опять расформировывают. Наверное, со стороны Афганистана никаких угроз не было, и, естественно, это была кадрированная часть. Например, в советское время на границе с Китаем у нас очень большое противостояние было. Китай официально объявил: «Враг номер один – это Советский Союз». Там были события на Даманском, в Жаланаш-Коле, где заставу вырезали. Стояли, друг на друга смотрели в прицел. Видно же их через

границу, и они нас видят. Пограничники постоянно друг друга видели, а части прикрытия недалеко были. Мы выезжали, и они выезжали; мы проводим стрельбы, и они проводят стрельбы – вот доходило до такого. Если они начинают какую-то боевую подготовку где-то вблизи границы, мы тоже проводим. То есть там боевая подготовка была, военные части нацелены друг на друга.

А в сторону Афганистана когда пришли, я удивился, что они вообще не готовы были. Я же два года был командиром разведвзвода, стал командиром разведроты, для меня ежедневная стрельба, занятия, ночные, дневные, а туда приехали – тишина и покой. Сначала думал, что такое, а потом – бах – дали тревогу и начали мобилизовывать. Значит, как сказать, планировали спонтанно, а потом решились – и давай вперёд. Регулярных частей почти не было. Ну что такое партизан отправить, вот этих гражданских? Они пришли, сначала полупьяные, не верили: «Какая война, ничего не будет, будем пьянствовать». А потом, когда дали в руки оружие, автоматы, боеприпасы, они поняли – это не шутка. Естественно все начали бегать, у меня техника не в порядке – то не работает, это не работает, уже заволновались. И поняли, что это не шуточки. А первую неделю они думали: да что там, подняли по тревоге, потом опять распустят. Поэтому я считаю, что планировали ввести, но времени для боевого слаживания и боевой подготовки не было.

Когда вошли, стало ясно, с точки зрения жизненного опыта, когда надо обустраиваться, не сравнить молодого солдата и 30–35-летнего человека. Как только пересекли границу, они все стали сразу серьёзными, потому что поняли всё.

Я входил через Термез, там был мост. Я попал в разведбат, пришел в полк, там перед Кабулом есть маленький перевальчик, вот там стоял разведбат. Потом нас перевели в Баграм – это в 40 километрах севернее Кабула, есть большой аэродром, и возле этого аэродрома был и штаб дивизии, и разведбат. Вокруг Кабула все части были: 180, 181, 177 – это 108 дивизии. Я был в разведбате при дивизии.

Нас подняли, как и всех, где-то 25–27 декабря. Мы поднялись по тревоге, экипировались и пошли в Термез, там и встали. Не все сразу вошли по плану. Мы доукомплектовывались уже в Термезе и вошли уже числа 20 января. Мы почти 20–25 суток стояли под Термезом в поле. Приводили оружие, технику в готовность, занятия проводили с партизанами. Они стали потихоньку верить, потому что когда выдают на руки оружие и боеприпасы, полный комплект, это сразу отрезвляет, конечно. Когда здесь проводим сборы, призываем гражданских, мы

же никогда не выдаём оружие и боеприпасы на руки, а тут полностью выдали, и они поняли, что надо готовиться. И начали готовиться. Стрельбы проводить, пристрелку автоматов. БМП пристреливали, с него необязательно стрелять, можно пристрелку делать через трубку холодной пристрелки на расстояние до 800 метров. Одеваешь её на пулемёт, и если на удалении сморит в одну точку, то считается, что уже пристрелял. Ну, конечно, потом можно сделать проверочный выстрел. Это все делали.

Ну а если разведка, то это просто слаживание, чтобы друг друга знали, друг другу верили, просто физическая подготовка, кто на что способен, кто как стреляет. Даже на сто метров сразу видно, кто как стреляет. Потом уже начали делать переназначения, смещать, если физически слабый, то отправляли в пехоту. Себе брали других, начальник штаба заботится о разведке, он же отвечает за неё. Потом вот так стояли, стояли, и – бах – сказали «партизан» тоже отпускать, нам прислали солдат из Чехословакии. А мы, оказывается, ждали их. Эшелонами прибыли они. Их разведрота полностью к нам влилась, и мы вошли. По дороге зашли почти спокойно, потом началось.

Соответствовал ли уровень полученной военной подготовки реальным условиям службы в Афганистане? Какие основные недостатки и просчёты были Вами отмечены в подготовке? Соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

В Афганистан мы входили обеспеченные и парадной формой. Мы брали ботинки от парадной формы и в них бегали. Удобные, прочные, лёгкие, не как сапоги. Надевали и кеды, мы же ходили, общались, могли купить – там же зарплату давали нам. Кеды любые резиновые – они, во-первых, не скользят, бесшумные, но в старости… я бы, например, сейчас не стал бы в кедах ходить, потому что пятки болят, спина болит, это болит, то болит, грыжа-мрыжа. А молодость, что там, мне было 22–23 года: хорошие носки, шерстяные, кеды надел. Правда, после кед обязательно надо стирать, кеды же преют, не дышат, резина же, но зато удобно бегать. Парадные ботинки хорошие – они не так потеют, как резина. Подошва хорошая, можешь даже на камни прыгать. Ботинки одевал, маскхалат, разгрузочный жилет – и бегал, как на охоте. Бронежилеты не брали, у нас в разведбате бронежилетов не было. Десантники ходили в бронежилетах, в касках. И так жара – они через километр «умирают» уже. А потом автомат пробивает этот бронежилет, плохие были. Это, может быть, от пистолета защищает, но не от автомата, мясорубку сделает, хуже

ещё. Лучше налегке, и поэтому результаты лучше были. Ты же не будешь, как сапёр, который ищет мины, а так только налегке. Зимой я надевал ватник – у меня был хороший комбинезон, сверху телогрейку советскую – ватник – «ватниками» же называют нас на западе. Ватник одеваешь, прошитый, мягкий, не продувается, оденешь, застегнёшь. Сверху оденешь лифчик с автоматом – и всё. И мне не холодно, ничего не стесняет. Сверху портупею надену, здесь гранаты. Эти ватники ещё в Великую Отечественную носили, а я в Афгане носил зимой, на голове шапка. Шапку, естественно, никогда не опускал. В БМП садишься – там шлемофон, потому что там всегда нужно быть на связи, управление. Пешком ходишь в шапке, я радиостанцию сам носил. Пока солдат поймёт, пока тебе передаст, потом ты ему говоришь – он не так передаст. А взял, что там 148-я, такая не очень тяжёлая, антенну через плечо. Если торчит, то любой снайпер поймёт, что по нему надо стрелять.

Она в сложенном виде висит, как верёвка, – так тоже ловит, самое главное, чтобы она была воткнута. То, что она на метр выше или на метр ниже… Советские радиостанции – они на прямой видимости, если видят друг друга – разговариваешь, если за перевал перешёл, пусть даже сто метров будет, он не видит её, волна уходит. За батареями надо смотреть, заряжать постоянно. Пришли все, начальник связи есть, который ответственный за это, все батареи собрал, поставил на зарядные устройства. Постоянно на зарядке стоит и выдаётся только перед выходом. Афганцы пользовались батарейками и ставили их на окна, на солнце. Там они, по крайней мере, не разряжаются, на холоде разряжаются.

Как проходила адаптация вновь прибывших военнослужащих к новым условиям службы и климату?

Первое время эпидемия была, дизентерия, если честно сказать, заболели процентов 20–25, наверное. Мы вот приехали в Уч Арал (Казахстан) – и сразу 20 офицеров заболели! У всех – понос. Только из-за того, что у них вода такая. У них другая вода. В Алма-Ате мы учились, там нормальная вода, как и в Бишкеке, там хорошая вода. А вот в Казахстане например, особенно вдоль границы: Уч Арал, Актогай, Аягуз – действительно вода плохая. У нас в Баткене такая же вода. Там же не артезианская, в горах нормальная вода, а там с Тёрткуля провели и обыкновенную воду подавали как питьевую. И, естественно, если желудок не привык, и мы в 1999–2000 все болели. То же самое, пока не привыкли.

Поэтому в начале болели. В роте по 5–6 человек больных, всё заполнили – Ташкент, Душанбе, я не знаю, во Фрунзе привозили или

нет. Потом, значит, начали учить: эй, не пейте, есть родниковая вода. Нормальный родник, а есть просто с арыка пьют. Местные жители – они привыкли, у них желудок привык, как наши баткенцы. Они пили – им ничего не будет. А наши сразу с ходу начинают болеть. Вот такая проблема была вначале. Я среднеазиатский – если и было, то чуть-чуть, один день, растройство желудка – и всё, прошло. А россияне, они прямо аж в госпиталь попадают. Если даже не дизентерия, а расстройство желудка – у них понос натуральный, температура, вообще ничего не могут. У меня быстро проходило, потому что я адаптированный был и к природе, и к погоде, и к воде, наверное. В детстве, что там, пили и с арыка, и вот это, наверное, и помогло. Физическая подготовка хорошая была, иммунитет был хороший. Я же в училище чемпионом был, первое место брал по многоборью, по подъём-переворотам чемпионом был один год, поэтому я даже не чувствовал. Не болел, по крайней мере.

Но болели, да, один раз в 1980-м или в 1981-м начали говорить: руки мойте. В полевых условиях воды нет, чтобы руки мыть. Вши были, особенно у тех, кто пользовался чужими вещами. У тех, кто в горах, берут грязные одеяла, ложатся на них, заходят в чужие дома. И, естественно, сразу хватают, но у них же не вши. У них же блохи (бүргө). Они страшные, очень кусачие, люди раздирает кожу до крови. А вши – это же ерунда по сравнению с блохами. Блохи у них есть, и у нас есть. И если зашёл в их дом, то выходишь с ними. Блохи прыгают на два метра, на три метра. С потолка сразу падают.

Но в советское время у нас же обеспечение хорошее было, мы приходили и всё сразу снимали. Машина химзащиты создаёт такой при атмосфере пар, все вещи там. Если завшивела какая-то рота, все сразу догола раздеваются и всё в машины закидывают, простыни-мростыни, матрасы пропарят, там ничего не остаётся. Всю палатку вытряхнут, заново поставят на солнце – и нет ничего.

Я когда был в Баткене, мне местные говорят: «Видим, что вы чешетесь, вы так никогда не избавитесь. Надо всё на солнце полностью разложить, чтобы блохи сами ушли. Они солнца боятся, уходят». Если нет парилки такой, вытравить вообще невозможно. Просто на речке разложил все вещи на камни, сам помылся. Одеваешь и чувствуешь, что блохи ушли, потому что не кусают.

Я этого в Афгане не знал, но там в любом батальоне есть рота радиационной и химической защиты, где есть вот эти машины. У них есть железные бочки, прямо на машине, как будка. Туда забиваешь, иногда сам паришься. Сколько сможешь, выдерживаешь, потом выскакиваешь.

А вещи туда загрузишь, дашь полную атмосферу, и вши, блохи умирают сразу. Вот так спасались, а больше никак. А в Баткене у нас даже таких машин не было. Мне вот подсказал старик, я вот так пользовался. Утром после завтрака всех вывел вместо зарядки на солнце: «Всем раздеться, всё снять, всё сложить на камни, на солнце – и мойтесь». Минут 15–20, можно и постираться, за 5 минут высыхает на камне. Заодно и хозяйственный день.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, в качестве кого?

Они тоже первоначально, мне кажется, побаивались, не сразу организовались. Это же война не с Афганистаном была. Против Советского Союза все же воевали. Инструкторы, китайцы, арабы и западные. Чьё оружие там было? Бельгийское, мины все итальянские, все эти противотанковые гранатомёты – они потом начали всё это поставлять, они начали обучать: как мины ставить, как засады делать и т. д. Уже пошло, они охотились, мы-то ездили открыто по дорогам только. Право первого выстрела у них было, не у нас, мы же не могли – просто так если идёт человек, ты же не можешь стрелять. Они если выстрелят, то тогда начинаешь стрелять.

У нас преимущества не было над ними. Почему? Потому что они местные, естественно, они лучше знают местность. У нас солдаты в основном с России были, они в горах не могут ориентироваться, потому что у них мозги по-другому устроены. Это я потом понял. Один перевальчик переходим, и они уже теряются. Я удивлялся. Как так? Где север, где юг – ничего не знают. Я всегда выводил, у меня голова по-другому устроена, в Кыргызстане вырос. Я сразу ориентируюсь, просто карту сличил, посмотрел, куда едем. Ночью повёл прямо по степи, по предгорью, не по дорогам, просто так вывожу, куда надо. Горы никогда не меняются, я запомнил: на этой стороне склона деревня, которую мы блокируем, и я ночью вывожу. А они никак не могут. А потом я понял! Когда я заменился в Тверь, Калинин в 1982 году, на учениях в лес заходим – и всё, я уже теряюсь. Говорю, где я? Но почему я не волнуюсь, потому что там войны нет, но я первый докладываю, я начальник разведки полка, учение идёт. Сразу там приходят начальники полка, дивизии, строятся и сразу требуют начальника разведки полка, доложить обстановку. И я должен знать направление, где противник, где наши, полностью свои предложения. А я не мог понять, где север, где юг. Я после этого учился в академии три года, в бригаде спецназа ГРУ в Рязани служил и уже

потом начал ориентироваться в лесу. И потом я понял, почему русские в Афганистане не могли. Те, которые постоянно в лесу и на равнине, в горах не могут ориентироваться. И мало того – не разбирались в лицах. Как это, говорят, вчера расстреляли, а сегодня бегает. Я говорю, это вообще другой человек. Они лица не различали. Это как с китайцами сейчас, мы же с ними никогда не общались, поэтому они для нас все на одно лицо. Я за свою жизнь в этом убедился. Вот поступил я в военное училище, и когда там всех одели в форму – я никого не смог узнать. Но потом, после 3–4 лет, узнавал за 300–400 метров по походке. Это должен ориентироваться, мозги должны правильно работать. Мне помогло то, что я всегда был отличником, капитана получил, орден. Это всё потому, что была хорошая физическая подготовка и ориентировался на местности отлично. Не терялся ночью, никогда. Для меня что Афганистан, что Кыргызстан – горы точно такие же, правильно ориентируешься.

Я за два года один раз был в отпуске. Приехал – солдаты плакали – не уезжайте. А у меня два командира взвода были русские. Они смотрят на карту и видят: там линия электропередач, там русло реки. То, что нанесено на карту, только по ней ориентируются. А везде засада! Они два-три раза попали в засаду – несколько солдат убили. А солдаты же не бараны, они понимают. Эй, почему с Алымкожоевым мы ни разу не попадали, а с ними попадаем? Потому что они не могут ориентироваться. Они ждали меня. И я просто повёл людей по чистому полю. По чистому полю никогда засады не ставят. Если горы есть, если тропинка есть и по тропинке пойдёшь, то обязательно попадёшь – или мину поймаешь, или на засаду попадёшь. А сбоку, на склоне гор, как хочешь иди. Но не по дороге! Я знаю, куда надо прийти, я по склону раз пришёл, заблокировал, сел и говорю: всё я сижу, всё. На следующий день уже начинает техника двигаться. Воевали же боевики в этих домах, они выскакивают и начинают убегать из домов, а мы, наоборот, на них засаду делаем.

Разведка – она маневренная, группами. Никогда не попадаем, поэтому эффективная была. Там одна группа 5–6 человек, здесь в одной группе 5–6 человек. Разведрота маленькая – 52 человека. Механики-водители все остаются при технике, и вот остаются чистые разведчики, командиры отделений и всё. Там человек 25–30 – не больше. Там же есть больные, и в наряде остаются – вот и всё. И вот так щупальцами, там начали, стреляют – эти обходят, другие обходят, вот тогда никогда проблем нет. Если вот так зажался – то всё, и я понял – надо быть активным. При любом единоборстве, если вот так зажатым будешь стоять, то он тебя дубасить будет. И даже если слабее, он точно найдет больное место. А так

надо двигаться постоянно, одну группу зажали, другие – справа, слева, постоянно взаимодействие с рациями. Потом научились, уже поняли – как нельзя. Самое главное – не попасть в засаду. Если попал в засаду, то, конечно, кудай сактасын (спаси господи). Если по дороге ездишь с одной точки в другую, с Кабула в Баграм или с Баграма в Кабул, надо хорошо смотреть. Право первого выстрела у них же было. Мы едем, едем и – бах – кто в правую сторону, кто вперёд, кто влево, сразу надо рассыпаться в боевой порядок. Там в любом месте ты уже в одинаковом положении, что ты за камнем, что они за камнем. А если идти во весь рост, конечно, пристрелят. И раненые сразу укрытие ищут и потом смотрят. И уже потом начинаем двигаться.

А так в Афганистане стал чувствовать себя уверенным, хорошим. Управлял ротой, потом стал начальником разведки, капитана получил досрочно. Меня же комбатом хотели назначить. Я один батальон вытащил, там комбата убило, начальника штаба убило, назначили ещё одного – и того убило. Я выводил их, разведротой пошёл выводить. Говорят, давай вот этот батальон принимай. А я уже начальником был, капитаном был. Капитана отправили, ещё не получил, но… представьте себе, оттуда от министра обороны, досрочно когда дают, министр обороны СССР подписывает. Дивизия отправляет в 40 армию, 40 армия отправляет в Туркестанский военный округ, ТуркВО – главкому сухопутных войск, главком – в министерство обороны – и опять всё это назад идёт. И когда пришло звание капитана, я уже был в Союзе. Потом по почте пришло в Тверь. Обмывал я уже в Твери.

Какую войну ни возьми, тем более, когда идёт вот такая война, гражданская, самые ожесточённые, самые активные боевые действия идут вокруг столицы. Наша 108 дивизия дислоцировалась как раз возле Кабула. И там один боеспособный – естественно – разведбат. Первое боестолкновение было, когда мы сопровождали колонну с грузом, госпиталь надо было сопроводить. Они тоже переезжали, и мне сказали сопроводить. Хорошо. Я взял не всю роту, взвод. Взвод – это три боевые машины, я в центре, ты сзади, ты впереди. В колонне штук десять машин было всяких, медицинских, не медицинских, грузовых, палатки-малатки, там, печки. Всё загружено, едем. И, естественно, такой груз они не хотели пропустить. Попали мы в засаду. А первым шёл командир взвода, Матыцин, по-моему. Он испугался, стреляют по ним, они сверху сидели и в одного бойца попали, и он упал. А тот убежал. Я говорю:

– Как убежал!? Мы же должны забрать его, даже если там труп.

Тот развернулся уже и уехал на машине. Я говорю:

– Как вы бросили? Надо было забрать его! Задом подъехали бы, там же броня, можно было задом подъехать, открыть люк и забрать его.

Сам поехал, смотрю, лежит прямо на дороге. Лежит и уже совсем не двигается, сразу видно, что он уже умер или совсем плохой. Заехал, сдал чуть назад и говорю:

– Давайте принимайте назад.

Засада там постреляла, и всё – тишина.

Там же были медики, они посмотрели, говорят: «Всё – смертельное ранение». Он уже отходил. А колонну же надо дальше сопровождать. Тогда мы спешились и пошли в район примерно засады по склону. Мы неопытные, они – неопытные. Это были первые бои, можно сказать. Со мной три-четыре разведчика, в кедах, в маскхалатах, бегом вышли прямо на засаду. Всё как на ладони, 20–30 метров, лежат, они думают, сейчас колонна дальше пойдёт. Они просто чуть позицию поменяли метров на 50, наверное, и опять ждут. А с этой стороны никакой охраны нету. И туда положили всех, там три-четыре человека. Всё. На этом бой закончился. Или с той стороны поняли, или отошли, или там никого не было, хотя, не думаю, обычно выставляют засаду с обеих сторон, чтобы если с одной стороны машины прячутся в эту сторону – стреляют эти, прячутся с другой стороны, стреляют те.

Вот так – первый бой. С одной стороны, вроде бы как удачно, я сопроводил, но бойца я потерял с первого раза сразу. Потом я запретил сидеть сверху, ждать первого выстрела. Сидите внизу – головой только можно вертеть там, смотреть. Потому что если в БМП сесть – ничего не видно. Вот эти бойницы – ни хрена не видно – сектор маленький. А так, если открыл люк, просто смотришь, головой постоянно вертишь: стреляет – не стреляет. Там и не слышно, там же гул такой. И пехота, и солдаты вообще, они же такие беспечные. Ай, командир есть – пусть думает. Загонишь в десантное отделение – он спит там. Вообще, я до стрельбы внутрь не забирался. Там внутри гул монотонный – тянет ко сну. Поэтому я всегда сверху ехал и постоянно смотрел. Первый выстрел – раз – вниз ушёл. А так постоянно едешь, смотришь. Вперёд, назад. Ты же не один едешь. Постоянно думаешь, как там задняя машина, как там хвост колонны идёт.

Первый бой какой-то скомканный был, а потом я сам начал планировать, я уже как разведчик. Когда стал начальником разведки полка, вокруг полка любую деревню сами без никаких командиров, без никаких потерь находили, никогда без трофеев не приходили. Я почему не охочусь никогда, нет никакого желания. Азарт появляется,

когда первый выстрел. До этого мандраж. Даже тишина меня убивает, сейчас может выстрелить, видит – не видит? Они же тоже лежат, не вот так стоят, лежат же, в щёлочку смотрят, маскируются тоже. А как только первый выстрел, ты начинаешь думать, двигаться. Уже знаешь, кто за кого. Первым выстрелом они тоже не всегда попадают. Мы тоже засады выставляли, по глупости думали, вот на сто метров приблизятся – мы начнём стрелять, но те падают, и просто перестрелка получается. А так потом уже до того хладнокровные стали, что я ставил засады на три-четыре-пять-десять метров. Видишь, когда стреляешь, и он тебя видит, у него аж глаза такие, сзади прямо ошмётки летят. Со ста метров он упал и начинает стрелять, а вот когда пять метров, он ошалеет с перепугу. Он тебя видит, он уже ничего не сможет сделать.

Вот такие случаи бывали. Веду я роту, а у них же дувалы. Я сам иду дозорным, впереди колонны. Сзади двое самых опытных прикрывают. Мы же идём между дувалами. А были случаи – загонят здесь, здесь – и посередине остаёшься. Чтобы такого не было, мы постоянно бегом – раз, перекрёсток взял. Я только вышел, там 5–6 человек идут. Если бы я быстро не вышел, они бы вышли, тогда мы остались бы. Впереди идёт бородатый такой. Ну, бородатый – это не означает, что ему 50–60 лет. У них бороду носят 20-летние, 15-летние тоже. Бородатый вот так прёт. У меня автомат всегда передёрнутый, всё готово всегда, в маскхалате. Я смотрю на него. Идёт. Он же знает, что я не буду стрелять. А он в чапане, сзади автомат – и вот так идёт. Эх. Задний испугался, повернулся, а со спины приклад торчит из-под чапана. Он вот так дёрнулся, когда меня увидел, и я сразу 5–6 человек сразу там оставил. Потом сразу занятие солдатам своим: блин, вот так нельзя! Надо сразу перекрёсток брать, если не хотите, чтобы вся рота здесь осталась. Лучше потеряем одного-двух солдат, чем всю роту. Вот в этом повороте держим, вот здесь надо проскочить бегом, вот здесь надо держать. Смотришь там-там, всё чисто. Этот подтягивается, следующий перекрёсток – вот так идёшь.

Когда засаду выставляешь, когда видишь, понимаешь, когда начинать. Вот когда в упор стреляешь – никто не уходит. А когда со 100 метров стреляешь, хорошо, если ты сразу попадёшь – кого-то убьёшь, а если не попал – они упали, ты лежишь, они стреляют, ты стреляешь. Они когда падают, уже за камень, там хватает этого добра, в горах тем более, всё – его не видно. Если видно, может, один глаз. Это надо быть таким снайпером, чтобы попасть туда.

Всё это приходит с опытом, пронесло в первый раз – дуракам везёт, второй раз пронесло… Потом начинается, там – потеря, здесь – потеря,

там в соседней роте – потеря. И постоянно спрашиваешь: как было, что было, как попали в засаду, где, почему так пошли?

Человек, когда несёт потери, быстро учится, начинает думать постоянно, а если так, от случая к случаю, никогда не действовал – не научится, он так и уйдёт необученным. Мы постоянно действовали – постоянно воевали.

В разведроте мы постоянно действовали. День, через день, иногда каждую ночь. Там бой длится… Вот, например, есть же агентурная разведка, которая общается с этими. Душманы сами же выдают, где что есть, вот в этом ауле есть база, там они собираются. И мы на них делаем облаву. Ночью выходим, к утру уже техника для проформы просто в их сторону начинает двигаться, те начинают вылазить – всё почистили. Без стрельбы не бывало, там добровольно никто не сдавался, они воевали честно тоже. Всё собрали, пришли, всё. Технику почистили, не просто там тряпкой – заправить надо, масло добавить надо, дозаправить – в советское время техника всегда должна была полностью заправленной стоять. Автоматы почистили – все отдыхаем. Потому что ночью опять можем выйти.

Имеете ли Вы боевые награды за участие в боевых действиях?

В 81 году награждён орденом «Красной Звезды».

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск? Как часты были совместные операции? Какая роль отводилась в них афганским союзникам?

Были, он же без нас вообще не двигаются. У них духа не хватит против душманов. Их батальон 2–3 душманов могут зажать, потом начинают на своём перекрикиваться, и те уходят. Были случаи, когда они расстреляли наших советников и все сдались, оружие оставили и ушли. Потом мы трупы собирали, нам дали команду – найдите. И мы пошли, искали эти трупы неделю. А что такое неделя? Труп уже вонять начинает. Привезли, потом отмывали эту машину – трупный запах не отмывается. Никак невозможно терпеть его. Жаловались эти экипажи – блин, воняет, не можем ездить. Я говорю – мойте, соляркой мойте, щёткой мойте. И мыли, вычищали, всё равно запах оставался.

А так поддерживали, говорили афганцы вперёд пойдут. Там начинается стрельба – они встали. И всё – они стоят, потом мы идём. Ну, это в больших операциях, когда планируют все. Бестолковые были, они все сдают, они знают, что такая операция будет. В Панджшер пойдём, пока

туда доедем, всё время в нас стреляют, будем выходить – всё время в нас стреляют. В Бамиян ходили – опять стреляют. Они всё знают. Секреты невозможно держать. Там же подневольные – армия афганская была. В армию собрали самых нищих, которым кушать нечего. Им до лампочки – бах – они, как гужевой транспорт, стоят, как верблюды, пуля попала – упал. А так стоит, раз поводка нет. Мы делаем облаву, они забирали всех подряд. Они в любой момент могут убежать, их самих охраняли. Активности, патриотизма не было, они боялись душманов своих. Те просто из-за скалы кричат, и эти говорят: «Не пойдём дальше». Эти – как собаки, а те – волки. Те мощнее были и духом, и всем остальным, а эти подневольные, как рабы. Я, честно говоря, никогда не любил с ними ходить. Бесполезно с ними ходить. Просто ходьба туда-сюда, никакого результата с ними нет. Все уже оповещены, все уже знают. Поэтому, как власть сменилась, как мы ушли, сразу переворот сделали. Вот сейчас американцы уйдут, они тоже ещё раз перевернут – без проблем.

Вот нам говорили, укрепление южных рубежей, если мы не зайдём, то обязательно окажутся американцы. Правильно – мы ушли, они зашли. Они с 2001 года, уже 19 лет, и не собираются уходить, потому что им нужна база. Говорят, вот вы, а они что? Сирию, Ливию, Ирак – всё расстреляли, Югославию, совести нет у них вообще. И всё равно говорят, что у них демократия, видел я ихнюю демократию.

Факты и причины гибели мирного населения в ходе проведения советскими частями войсковых операций? Степень ответственности советских военнослужащих за гибель мирных жителей?

А так они знают, что советские воины, например, никогда никого не тронут, если там оружия нет, боеприпасов нет, никто по ним не стреляет. Никогда мы не трогали. Поэтому они оставляют стариков, детей, женщин, а сами уходят. Мы разве можем тронуть их? Оружия нет, ничего нет. Вот приходим – нет. «Тапанча арми аст?» («Оружие, боеприпасы есть?») Мы чуть-чуть научились по-таджикски разговаривать с афганцами, у нас же переводчики там таджики были.

Как Вы оцениваете моральный дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов?

Там они были очень хорошо подготовлены, чем дальше, тем больше у них накапливался опыт, а у нас солдаты постоянно менялись. Некоторые просто отмечались и ходили там, как блатные какие-нибудь. Я был там два года, как положено. Когда вошла 40-я армия, всех же не могли сразу

поменять. Сначала год, полтора, потом меняли. Я был два года, больше двух лет никто не служил. Аушев только два с половиной прослужил, потому что там ему и героя дали, и командира батальона дали. И он прослужил, пришлось ему прослужить первый раз. Он же два раза там был. Так говорят, что Советская армия там противостояла всему миру! Все были против нас. И Китай, и весь арабский мир, и весь Запад. Все работали на них. И мы одни были. Война и ослабила и экономику, и всё остальное. И потери были.

Вам попадались иностранные инструктора?

Нет, они в плен никогда не попадают. Один раз был случай, когда китаец сбежал, пока его довели до штаба дивизии. Такая беспечность! Если инструктор – ему надо было заковать сразу руки и ноги и привести. А его вели свободно, но он же действительно боец, если инструктор. Там два солдата вели его в штаб дивизии, хорошо ещё, что он их не убил. Это не в моей роте, это был такой случай, я сам лично никогда не встречал. Всё равно везде были инструктора. Там же готовили арабы. Арабы тоже продвинутые есть, с Эмиратов, саудовцы, со всей Аравии. Против кафиров, там же не делили, всех нас принимали как русских. И приходили, там тоже есть патриоты, конечно, воевали. С Пакистана боевики, они же переодеваются, они же не в форме приходят. Чтобы грамотно минировать дорогу…

Один раз ехали, мой солдат случайно зацепился за провод ногой.

– Товарищ старший лейтенант, провод.

Я говорю:

– Стой, стоять.

Они так заминировали, там метров, наверное, сто. Уже колонна на минах, а контакт сюда поставили. Если контакт взорвётся, то вся колонна взорвётся, а мы до контакта не дошли ещё, там осталось метров 20–30. И вся колонна давай назад, задом, а те ничего не могут сделать. Это неуправляемые мины, на проводах, но контакт вот здесь, а колонна не дошла. Разведрота впереди идёт и один двоечник. Хорошо повезло, ногой зацепил провод. Замаскировали пылью просто. Это же не какой-то крестьянин сделал. Там сразу командир дивизии, когда доложил, говорит:

– Давай наградим солдата.

Я говорю:

– За что? За то, что ногу не поднял? Случайно же, не героизм же это?

– Нет, надо наградить всё равно.

– Ну хорошо, пожалуйста, наградите.

А так почти полколонны стояли на минах. И всё это одновременно взрывается.

Ещё, чтобы первая машина не взорвалась, берут нормальный контакт и между ними полиэтилен вкладывают – и всё. Впереди, даже если танк, – он проедет. Там же специальный танковый каток противоминный, он сработать должен. Нет, каток проезжает, а танк подрывается – как это? Оказывается, они между контактами ставят полиэтилен, мина сразу не срабатывает, одна машина проезжает, или каток проходит, а танк взрывается. Или одна-две машины впереди проходят, а потом взрывается. Когда хорошее давление, полиэтилен протирается. Срабатывает контакт, и взрывается.

Конечно, всему этому инструктора учили. Из ПЗРК тоже надо учить. Нас учили. Ждёшь, пока головка найдёт тепло, ты в наушниках, ничего не слышно, война же идёт. И даже если не слышно, там лампочка мигает. Мы не стреляли, хотя заканчивали военное училище. Ракета реагирует на сигарету метрах в 20. А самолёт или вертолёт, там же тепло большое, там хорошо ловит.

Вертолёт можно из автомата снять, там же пробивает. Это только в фильмах они летают. В Афгане, когда душманы стреляют, вертолёт ниже, чем на 3000 метров, вообще не спускается. Из автомата никогда не стреляют, если вертолёт идёт на 3000 метрах. У него мощности не хватит. Поэтому подготовка у них хорошая была, и снабжение хорошее, и финансирование: за каждую подбитую машину, за каждого пленного, за каждого убитого они деньги получали. Почему они и уши отрезали – чтобы доказать.

Брали ли пленных, какова их дальнейшая судьба?

У нас не было, чтобы наши попадали в плен. Погибших за два года было где-то 10 человек, раненых много было. Мы даже трупы забирали. Душманы пачками в плен попадали. Им же сдавали, а что мы могли с ними сделать? Первоначальный опрос делаем, потом в дивизию отдаём. Они отдают ихним КГБ-хадовцам, ещё что-то. У нас же нет никаких условий, где мы будем их держать, в казармах? У нас же тюрем нет. Гауптвахты даже не было в разведбате. К ним отдаёшь, а они торгуются, выпускают. Я, например, никогда не страдал этим – пусть разбираются сами, мы откуда знаем.

Были ли факты неуставных взаимоотношений среди советских военнослужащих? Как относились к вновь прибывшим солдатам старые военнослужащие?

Везде всё зависит от командира, если тебе верят, уважают… а если ты – пустое место, там найдётся, кому командовать. Там «лидер», который там дедовщиной будет заниматься, или ещё что-то. В армии в основном и в советское время дедовщина была, она и сейчас есть, никуда не делась она. Но там, где сильный командир, её меньше, будем говорить, не совсем нету, но уже в дозволенных дозах. А если этот не командует, тогда старослужащие командуют, как хотят, избивают там, мордуют. У них ума больше не на что не хватает. Почему? Потому что солдат молодой, как-то надо отличиться, вот он и думает – я сильнее, я должен командовать. Ну, командир там есть, самый сильный должен быть он – авторитетный. Всё зависит от этого, больше ничего. Везде так.

У вас были особисты?

Всегда были, они же живут этим, встречают там сразу, если кто-то там взял что-нибудь. Ну, а я сам был хуже особиста, я вообще запрещал. Сам не брал, магнитофон об голову ломал, поэтому солдаты боялись меня. Всё равно мою роту не проверяли, а другие проверяли. Они с войны пришли, стоят, а их шмонают. Идиотизм просто.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций? Были ли специальные программы по психологической реабилитации военных? Если да, кто проводил их и в каких случаях?

Как снимали стресс после боя?

Я никакого стресса не снимал, я не пил тогда и не курил – и сейчас не курю. Стресс – был. Когда я приехал, жена мне постоянно говорила, что сплю неспокойно, лежу и дёргаюсь, иногда просыпаюсь, потом перестал просыпаться. Вот в роту заходишь ночью поднять – вся рота разговаривает – воюют, ночью все воюют. Кричат: «Прикрой, мама, папа», – в основном русские. Честно говоря, в разведроте в основном русские были, таджики у нас были переводчики, националов почти не было. В пехоте много было, а в развердроте – нет. И все воюют. Это уже в порядке вещей. При них сидит дневальный – он привыкший уже, а если со стороны кто-то придёт – с ума сойдёт, дурдом какой-то. Все говорят, я тоже разговаривал постоянно, кричал, но иногда просыпаешься, иногда во сне это проходит. Когда заменился, часто такое бывало. Потом постепенно угасло. И всё.

Сейчас редко бывает, сейчас другие случаи. О чём думаешь, о том и сон. Я глубоко верю –если думаешь о чём-то хорошем – про это и приснится. А на войне – постоянно снилась война.

Когда офицеры праздновали, кто-то звание получил, кто-то орден – обмывали. Покупали у этих же афганцев вещмешовки. Почему называются вещмешовка? У них водка вот как полиэтиленовый пакет есть – ноль пять налито, завязано и висит вот так. И из кишмиша делают они, кишмишовка. А русские называли её вещмешовка. Её, что хорошо, взял, не бутылка же, в карман можешь положить – и не видно ничего.

Доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень распространения употребления наркотиков (какие?) среди советских военнослужащих? Меры, предпринимаемые командованием по пресечению данных негативных фактов?

Мы – разведрота – были постоянно в действии. Может, те, кто стоит там на посту годами, может, те и увлекались. Первоначально нам давали аптечки, там был промедол – это наркотик. Когда ранили кого-то, колешь прямо через брюки – шприц готовый, одноразовый, тыкаешь и в мышцы прямо выдавливаешь. И нет боли. Любой дурак сможет укол сделать. Когда сильное ранение, кость перебита – два укола сделаешь, он наркоман уже, лежит. Больно? Так лежит и всё. Кровью истекает, всё равно лежит. А потом начали их собирать. Я говорю:

– Эй, куда собираете? У нас выходы постоянные.

Ну, разведроте оставили, а потом и у нас забрали. Я говорю, зачем? А там уже колются, оказывается. Есть ушлые – а-а, этим можно колоться! Но у нас такого не было. Ну, отчитывались, приходили, вот раненый был, кололи, остальные смотрят. В мирное время после операции соберут, а перед операцией опять раздают. В красной аптечке такие, там одна ампула вот такая – промедол, а остальные мы даже не использовали.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане и роль влияния на неё факта присутствия войск НАТО? С учётом Вашего опыта можете ли Вы указать различия или сходство в действиях войск НАТО и СССР в Афганистане? Какие ошибки допускают иностранные военные в ИРА? Как это влияет на память о советско-афганской войне?

Сейчас, я уже генералом был. Они же проводят «Партнёрство во имя НАТО» или мира, да, можно сказать, и «во имя НАТО». Семинары проводят, нас вывезли, там был казах, таджик и афганец – генерал. Это

было в 2007 или 2008 году. В Румынии проводили. Ну, группа была, семинары проводят. Американцы проводят там занятия, отставные, но всё равно. День проводим, два. В субботу генерал афганец говорит: «Пойдём пиво пить». Потом спрашивает:

– Что ты такой?

Я говорю:

– Да я нормальный. Ты вообще не обижаешься, что я там против вас воевал? Я там командиром разведроты был.

– Да нет, – говорит, – нормально.

Он как раз из-под Кабула был. Номера всех полков знает. И всё время против нас воевал, возраста, примерно, моего. Он потом призвался и генералом стал. Ой, говорит, я там был, я там был. Вы, говорит, хорошо воевали, честно. А эти (натовцы), говорит, вообще не воюют, ракетами стреляют, никогда пешком не ходят. Если спланируют какую-нибудь великую операцию за год, куда-то идут, то с авиацией ракетами проутюжат, потом прошли – трупы соберут с автоматами. Никогда не рискуют, с космоса везде всё видят.

Не только он, другие тоже хорошо отзываются про Советский Союз. Честно воевали, честно умирали.

Что больше всего запомнилось?

Я лично вспоминаю те бои, где сам лично участвовал. Где пронесло, где была опасность – это же бои. Они с автоматом, ты с автоматом гоняешься. Когда попадаешь в засаду, когда сам делаешь засаду. Вот это вспоминается, а хорошие моменты, где я там отдыхал – это я не вспоминаю.

Многое могу рассказать. Вот был один случай, когда меня окружили. Уже был опытным, уже год прошёл. Мы по горам пошли за душманами. Контактная стрельба, я хотел их догнать и случайно отделился от своих основных сил. У меня была всего одна группа, там 6–7 человек, не больше. Мы за гребень ушли, уже связи нету. У нас же, как я уже говорил, прямая связь была в пределах видимости. А я уже за склон, в другую сторону – и зажали меня. И мы забежали в дома, у них дома – с этой стороны минарет, с этой, а на втором этаже они сообщаются. На втором этаже тоже забор. Они там живут, здесь – отец, здесь – сын. Это как бы квартира. 30 на 40 такой дом и ворота, такие массивные, деревянные ворота, такие прочные. И мы туда забежали и сразу заняли углы. Те нападают, хотят нас живьём взять. Потому что, во-первых, у нас боеприпасы с собой только, мы же

не можем там долго отстреливаться. Мы никогда очередями не стреляли, только по видимым целям.

Там человек 30–40 было вокруг нас, с автоматами, гранатомётом. У нас с собой 3–4 магазина патронов, на один день боя хватит, если, конечно, стрелять не как в кино. Если даже видишь, но мандраж, то целишься – и то можешь не попасть. Поэтому я всегда учил своих стрелять только по тем целям, в которые ты точно попадёшь. Если видишь, что далеко, лучше не стреляй тогда. Ты и себя обнаруживаешь, и того предупреждаешь.

Они уже пошли в атаку, когда они кричат «Аллах Акбар». Жутко, честно говоря. Туда забегают, несколько человек уже у ворот лежит. И они поняли, что всё – мы никуда не денемся – и они окружили полностью дом. И у солдат моих мандраж пошёл. Я по углам поставил – они стреляют. На втором этаже можно ходить, там рёшетчатый заборчик, кирпичная кладка через один с дырками. С этих дырок стреляем. Они уже подошли вокруг дома, мы их не видим, там мёртвая зона, слепая зона – не видим. Потом с гранатомета как даст по башенке. И оттуда выползает один мой боец, голова красная, кровит, оглушённый, но живой. Выползает и падает. Те же все друг друга видят, и уже паника, чувствую. Должен же быть какой-то выход. У них на первом этаже скот держат. Смотрю, дырки нет нигде, стал искать, там солома была, я пнул её, а там дырка. Я выскочил в неё, летом было, там всё сухо. У них на втором этаже балкон-туалет для жителей, а внизу – для отходов от скота. И чтобы этого никто не видел, они дувалом с двух сторон огораживают. Я нырнул, оттуда вышел, метров сто там никого нет. Я вернулся, сказал своим, что там никого нет, выходите и выносите Михайличенко тоже. Сам активно стреляю, делаю вид, что мы здесь. Они в этот лаз, Михайличенко оглушённый, сам не может. Там чуть-чуть жижа была. Я говорю, только тихо, не орите, не кричите, не разговаривайте. Они пошли, я ещё с углов пострелял. И потом тоже нырнул, а те чувствуют – тишина. И опять «Аллах Акбар» и пошли, а там уже пустой дом был. А мы уже метров сто ушли – и туда через гребень, а там уже связь есть. Наши там уже были.

Мы там могли все остаться. Там сколько было их трупов, они уже в атаку пошли. Уже обнаглели, сейчас возьмём их живьём. Это никогда не забудешь. Если вот так стоять и дальше ничего не делать – мы бы там остались. И я нашёл, потому что в любом доме, где скот держат, обязательно должна быть такая дыра, куда они выкидывают навоз. Они же не будут всё это выносить через двор. Вот это и спасло. Я всех вывел, никого не потерял.

Фамилия, имя, отчество	**Беккелдиев Чолпонбек Исмаилович**
Национальность	кыргыз
Год рождения	1961
Годы службы	1986 – 1988
Место службы	Кундуз, Баглан
Занимаемая должность во время службы	Начальник обменного пункта фельдъегерской почтовой станции (Кундуз), секретарь комсомольской организации 3-го гвардейского мотострелкового батальона 149-го мотострелкового полка 201 дивизии (Баглан)

В какой период Вы проходили военную службу в СА СССР?

Я служил три года на флоте, с 1979 по 1982 год на двух флотах: Балтийском и Северном. В 1982 закончил школу прапорщиков связи в Самарканде, на начальника радиостанции Р-140. По завершении служил в Казахстане, в городе Аягузе в 78 танковой дивизии и оттуда уехал в Афганистан в 1986 году.

Знали ли Вы о предстоящем направлении Вас в Афганистан?

Я служил в войсках связи начальником станции фельдъегерской почтовой службы 78 танковой дивизии в г. Аягуз. В военное время должность начальника ФПС – капитанская, в мирное время – прапорщик. Мне было 25 лет. К нам присылали разнарядки. Это значит: 40-я армия просит офицеров столько-то, прапорщиков столько-то на такие-то должности: командиры взводов, старшины рот, командиры рот. И согласно разнарядке они смотрят – у нас в Аягузе, где я служил в танковой дивизии, заменяемый район с тяжёлыми климатическими условиями. У меня была надежда, что меня отправят в Германию, потому что мне давали отпуск, чтобы я женился, потому что там служба для холостяков – 3 года, женатому – 5 лет.

Учитывалось ли военным командованием СА СССР желание военнослужащих срочной службы служить в Афганистане?

На тот момент я не был военнослужащим срочной службы, был прапорщиком. Я был на полигоне, приезжает машина с посыльным – срочно сказали прибыть в управление кадров дивизии. Мне говорят: «Вам пришла разнарядка на командира взвода обеспечения». Я говорю:

«Я связист, какая взаимосвязь?» Кадровик капитан Хрусталёв говорит: «Товарищ прапорщик, вы коммунист? Партия поставила задачу, вы поедете принимать должность командира взвода материального обеспечения». Потом я только узнаю, что на эту должность должен был идти прапорщик с мотострелкового батальона танкового полка, а у него жена была на сносях и двое детей. У нас в дивизии было много семей, где мужья не вернулись с Афганистана, и его жена сказала: «Или ты в Афганистан уедешь, или я под машину брошусь, решай!» Они, короче, там всполошились, а должностей нет: кто-то на учениях, кто-то приехал, кто-то уехал. И вот там вспомнили меня, что есть прапорщик, неженатый, и, короче, Родина поставила задачу. Мне было положено 3 дня для сдачи должности, документов, машины и личного состава. Мне сказали, что я могу со следующего дня ехать в отпуск на 45 дней, а обходные за меня уже подписали.

Откуда Вы получали сведения (телевидение, СМИ, рассказы очевидцев, слухи)?

Все про Афганистан знали, у нас в дивизии многие служили. Я был готов к войне, у меня два одноклассника уже прошли через Афганистан. Тем более, я жил в одной комнате со старшим лейтенантом Жунисалиевым Маликом Ануарбековичем, который перед этим только приехал с Афганистана, служил начальником разведки батальона в Желалабаде, кавалер ордена «Красная звезда».

Какие навыки и знания Вам прививались, что считалось наиболее приоритетным и необходимым (сапёрное дело, горная подготовка, стрелковая подготовка и т. д.)?

У нас в Аягузе на полигоне для Афганистана готовили водителей. Я там встретил даже с моего села солдат, которые жили в казарме танкового полка. Они приехали на подготовку в 85-м году, и потом в 86-м году я их нашёл в Афганистане. Например: Маметов Жаныбек – он служил в Файзабаде. Другого нашёл в Северном Кундузе – Бактыбаев Сталбек. Перед отправкой проводили сборы по обучению медицине, сапёрному делу и стрелковой подготовке.

Испытывали Вы гордость от предстоящей службы в Афганистане?

Я встретил лейтенанта Сыдыгалиева Касымкула, вместе были на пересыльном пункте в Ташкенте и уехали в Афганистан.

Мы в Кабуле видели высоких, голубоглазых и бледненьких офицеров, русские мужики офицеры. Мы им говорим: «Что, ребята, в Афганистан за льготами приехали?» Они такие: «А-а, нам какая разница, где помирать». «А что так мрачно?» «А мы только с Чернобыля, облучённые, нахватались», – говорят. Бордовые карточки им какие-то льготные дали, и они приехали в Афганистан, с их слов, помирать от радиации или пуль. В Афганистане была большая нехватка лётчиков, некоторые за 10 лет войны служили по три-четыре раза, год службы – в Союзе отдохнули – и опять в Афганистан. Лётчики по году служили, а мы по два года. У нас есть кыргызы, которые служили солдатами в Афганистане, потом закончили школу прапорщиков и опять в Афганистане служили. Это Ументбаев Аскар, он служил 2 раза. Или Субаходжоев Маадатбек. Он после срочной службы закончил военное училище и опять поехал в Афганистан служить. Коммунисты, комсомольцы были люди высокого долга. Патриотами своей страны.

В ходе подготовки к службе в ДРА доводилась ли до советских военнослужащих информация об этой стране, её населении, традициях и культуре проживающих в Афганистане народов?

В Афганистане раздавали книжку «Памятка советскому воину-патриоту, интернационалисту». Там вкратце есть все сведения о стране, народах, проживающих там.

При отборе в состав ограниченного контингента войск в Афганистане военнослужащим каких национальностей отдавалось предпочтение? Был ли специальный отбор среди военных по национальному, языковому или антропологическому признакам?

Когда вводили мусульманские батальоны, 1 и 2-ой, они думали, что, если больше ввести в Афганистан мусульман из Средней Азии, будет меньше жертв, потому что в Афганистане были и туркмены, и таджики, и узбеки и т. д. Цель была, чтобы мусульмане с мусульманами нашли общий язык. Думали, мусульман введут, то там только одежды и будут отличатся, всё остальное похоже, язык, вера. Думали, меньше жертв будет, но они забыли, что за 60 лет советской власти поменялся менталитет. Советские мусульмане от афганских отличаются очень. Это небо и земля, другая идеология.

Расценивали ли Вы предстоящую службу в Афганистане как позитивный шаг в Вашем будущем карьерном росте, возможность получения в перспективе определённых социальных льгот, улучшения своего материального благосостояния? Были ли среди военнослужащих корыстные побуждения (контрабандный провоз дефицитных товаров и предметов, наркотики, повышенная зарплата и т. д.) для службы в Афганистане?

Там надо писать о том, что человек остаётся человеком, где бы ни был. Те же коммунисты могли совершать проступки различные. Это уже не партийная принадлежность, а человеческий фактор играет роль. Были и те, кто ради должностей и шмоток ездили в Афганистан. Карьеристами их называли. Я к таковом себя не отношу. Я ехал выполнять свой интернациональный долг.

Соответствовал ли уровень полученной военной подготовки реальным условиям службы в Афганистане?

В Афганистане все части, десантные, сухопутные, были распределены по заставам. Количество – 30 человек, танковый, мотострелковый взвод, во время проводки колонн они должны были проверять дороги, потом выставлять боевую технику и сопровождать колонны, и обеспечивать проводку колонн, своим огнём связывать нападающих. Колонна идёт ещё в сопровождении бронемашин, БТР, БМП. По дорогам стояли и наши, и афганские заставы вперемешку. По ночам идёт стрельба, утром идёшь проверять дорогу, смотришь, наши заставы стоят укреплённые, а афганские все вырезанные, взорванные, трупы лежат. Потому, что крайне беспечно относились к событиям. Они жили в контейнерах. Афганцы подходят и говорят, что помощь нужна. И помогали, аккуратно или спереди, или сзади БМП в плащ-палатку тела укладываешь, везёшь и выгружаешь. И нас, бывало, обстреливали...

Замалчивались ли в советских СМИ данные о потерях среди военнослужащих СА СССР, если нет, то насколько они соответствовали реальным данным.

Про Афганистан писали в газетах «Правда», «Красная Звезда», «Комсомольская правда», «Фрунзенец». Были и дивизионные газеты. Журналы «Советский воин», «Знаменоносец», «Коммунист». В окружных писали про солдат. Там были фотографии героев с наградами и репортажи с мест событий.

Каким образом Вы добирались до Афганистана?

Я прибыл в Ташкент, встретились там с Касымом Садыгалиевым, где-то дней пять жили вместе на пересыльном пункте на улице генерала Петрова, рядом с авиационным заводом имени Чкалова. Неделю почти ждали разнарядку, куда же нас пошлют. Там собирали офицеров и прапорщиков со всего Союза. Они ждали разнарядку со штаба ТуркВО, и потом каждый день в четыре утра по громкоговорителю объявляли фамилии: прапорщик такой-то, капитан такой-то «С вещами на выход!» Большой список фамилий. Каждое утро ребята всё, что есть, оставляют остающимся и на грузовых машинах едут на военный аэродром «Тузель». Там через таможенный досмотр проходят, декларацию заполняют. Согласно договорённости солдат по списку, а офицеров по загранпаспортам пропускали. В Москве оформляли загранпаспорт, синяя книжка, внутри – место следования: «Командировка в Афганистан». Паспорт был действителен с удостоверением личности офицера или прапорщика.

Прилетели в Кабул в августе, солнце стоит в зените, жара неимоверная. Муэдзин кричит, везде пальба, стрельба. Огромный самолёт ИЛ-76 ТД (транспортно-десантный) в два яруса, мы на втором ярусе с Касымом сидели. Там встречают офицеры прапорщики переменного состава и зачитывают по фамилии. Мы не успели даже с Касымом попрощаться, как нас разделили и увели. Там машины, иномарки, все вооружены автоматами, пистолетами. Наши военные самолёты сопровождают вертолёты. Они там кругами летали. Афганские самолёты гражданские – «Боинги». Мы тогда первый раз увидели «Боинги» афганских авиакомпаний «Бахтар» и «Эйрафган». Они взмывают – и прямо над горами, а наших могут подбить. Пообедали, вышел на улицу, смотрю, появляется Касым. Я обрадовался, там встретили ещё наших земляков, прапорщика Айбека Исмаилова, он приехал из Германии, впоследствии он служил в Файзабаде. Жили в модулях, столовые были в ангарах. Жара. Первые впечатления: как будто в какой-то карантин зашёл, потому что мух столько, туалет из контейнеров облеплен мухами, и запах на всю жизнь этот лизола. Лизол – это дезинфекционное средство, хуже, чем хлорка, нос и рот выжигает. Лампочка облеплена мухами, а чтобы лампочку не выкрутили, колючей проволокой обвязали. По вечерам показывали фильмы на открытой площадке. Там стрельба, здесь стрельба. Потом, интересно же, подходишь к забору, дальше – колючая проволока, там солдат стоит в бронежилете, нас охраняет с автоматом. Так необычно, такая жара, а он в тяжёлом бронежилете.

Время подошло, Касыма забрали в Шинданд, меня забрали на АН-12-м в Кундуз. Сразу же нас привезли в штаб дивизии, в отдел кадров. Я жду назначения на должность командира взвода. Там смотрят личное дело, удостоверение и говорят: «Вы же были начальником фельдсвязи дивизии?» «Да». «Как раз у нас две должности освободились на почте в Кундузе, мы вас оставляем на должности начальника обменного пункта, вы согласны?» Я говорю: «Ну, нормально». Оказывается, рядом со штабом дивизии, в центре от гарнизона Кундуза находится станция СПФС. Личный состав пункта – человек 15, штук 5 машин. Начальником фельдсвязи дивизии был капитан Чистяков. Два прапорщика были, один латыш, другой русский, мы их заменили – я и старший прапорщик Катан, молдованин, который прибыл с Кабула.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, в качестве кого?

Вначале я был начальником обменного пункта фельдъегерской почтовой станции 201-й мотострелковой дивизии в Кундузе. Началась у меня служба. Почта, письма солдат, личные дела, ордена, медали – всё шло через нас. Вечером я принимал почту с Кабула, с самолёта АН-12, потом распределял почту. Рано утром, в 5 часов утра вставал, забирал сухпайки, одного солдата для сопровождения. Приезжали на аэродром – там встречали два вертолёта. Вертолёт никогда один не летает, один – ведущий, другой – ведомый. Спрашивают: «Куда?» «В Файзабад». Там стоял 860-отдельный мотострелковый полк армейского подчинения 77701, который раньше был в Оше. Потом летали в северный Кундуз, там тоже стояли части нашей 201-дивизии, потом летали в Хайратон, где был батальон материального обеспечения, перевал-база. В Ташкурган, где стоял 122-й мотострелковый полк нашей дивизии. В Пули-Хумри, там стояла трубопроводная бригада, армейские склады нашей дивизии. И 395-ый МСП.

В ноябре месяце пришёл приказ из дивизии о переводе меня на должность секретаря комсомольской организации 3-го мотострелкогого батальона 149-гвардейского мотострелкового полка. На всю жизнь запомнилось, как ехали по заставам на ознакомление. Я ехал на БМП взвода разведки, сидел впереди на броне. Короче, сплошной туман, дорога через камыши. Вдруг навстречу выскакивает БМП-2 7-й роты. Водитель-механик узбек, уворачиваясь от столкновения, повернул вправо, а там шли афганские пацаны, на маленьких одноколёсных тележках везли дрова. Он резко тормознул, я упал вперёд, и тут замкомвзвода каракалпак

Алишер Сабиров меня, 90-килограммового берёт за штаны и наверх затащил. Тогда я действительно почувствовал страх. Мог и погибнуть под машиной.

Часто попадали под обстрелы, в засады. Когда по Афганистану летал с почтой, нас два раза сбивали. Один раз сбили нас в октябре, когда мы с Пули-Хумри взлетели. Мы должны были взлететь и по прямой прилететь в Ташкурган, снизиться и приземлиться на металлическую площадку перед полком. Но вертолётчики из искадрилии советников, бесшабашно спустились ниже и летели вдоль лощины, маневрируя . И там был небольшой кишлак, пять домов, купола каменные, и на крыше, оказывается, ДШК. И мы стремглав промчались, а выстрелы раздались вдогонку. В ведомого не попали, попали по нам, потому что вертолёт летит и – раз – вибрация, дальше – опять вибрация. Что такое? Что случилось? Говорят: «Сиди и не мешай!» В салоне были мешки с почтой, а я со своим солдатом сижу на мешках. Я с парашютом ПН-48, автоматы. Прилетели в Ташкурган, вертолёт вибрирует, потом приподнимается, наконец кое-как сел. Вышли, спрашиваю: «Что случилось?» Говорят: «Прапорщик, сто лет нам жить, смотри». Оказывается, они прострелили лопости. Я тогда первый раз увидел устройство лопостей, они из дюрали с магнием, а внутри устройство, как пчелиные соты. Там всё было в ошмётках.

Были ли Вы ранены?

В 87-м в апреле меня легко ранило, сквозное пулевое в левую ногу, прошла по касательной. В полк съездил, назначили антибиотики, конечно, был инфицирован, заживало пару месяцев. Вроде, кость не задета была, но садиться, вставать трудновато было. До отпуска летнего зажило.

Второй случай. 2-го марта приехал старшина 7-й роты с полка, командир роты пригласил. Баню истопили. В автолавке военторга купили боржоми, чёрную икру, хам (ветчина) и т. д. И на следующее утро, 3 марта, нежданно-негаданно начались боевые действия. Ни о чём не думаем, солнечная погода. Мы выехали на 9 улицу. И спереди нас, напротив самоходной артиллерийской установки, подорванной ранее, обстреляли. Нам пришлось отступить в развалины. Населённый пункт – одно название, развалины были. Мы начали перебегать с солдатами, скрылись в развалинах, и они накрыли нас миномётным огнём, бах – и ранение. Помню, вскрикнул «Апа!», больно было, тысяча иголок. Посмотрел – ноги дрожат аж, стою, не падаю. Бронежилет лёгкий, слава богу, был, ноги, живот весь в крови, струится, булькает. Два шага сделал, ноги не слушаются. Упал, потерял сознание. Так хорошо, так

светло, будто в рай попал. Потом через какое-то время слышу шум в ушах, открываю глаза, смотрю, солдаты плачут. «Товарищ прапорщик, что с вами? Нас обстреляли, ранили», кому-то в голову, кому-то в руку. Вместе со мной были ранены рядовые Сангилов и Чернов. Мне повезло, бронежилет помог, ранение получил по обеим ногам. Лицо, часы – 16 мелодий, играли, но в стекле дырка была. Потом наложили жгут на ноги и сделали укол промедола (шприц с тюбиком), выдавалось каждому солдату. Недавно на меня вышла жена моего солдата Артура Котожекова по социальным сетям и сказала, что муж хочет поговорить со мной, который вывез меня из-под обстрела. Он был мехником БМП-2. Сейчас он живёт на Алтае.

Привезли меня в миномётную батарею, которая стояла на территории сахарного завода в южном Баглане, единственного в Афганистане, который строили чехи. Там подъехал фельдшер батальона прапорщик Сивухан, сделал уколы во вторую ногу. И смотрю, там стоит солдат и встречает, плачет: «Байке, что с вами?» Каримов Бактыбек, в данное время живёт в селе Заречном около Байтика. Я говорю: «Успокойся, всё нормально». Привезли в госпиталь Пули-Хумри, там бабка-рентгенолог орёт: «Чё как беременный, переворачивайся!» Я говорю: «Больно». «Всем так больно». Перевернули, всё там порезали. Берцы, штаны, всё в крови было. Я лежал, лечился там 2 месяца. Месяц из них лежал в гипсе на растяжках со сломанной левой ногой, правая – в осколках. Сухожилия перебиты были у меня.

В 88-м году в мае начался вывод, и с вывода было много раненых. Пули-Хумри подчиняется не нам, армейское подчинение, у нас полк другой был. Так как у меня полк был в Кундузе, меня направили долечиваться в медсанбад в Кундузе.

Как проходило лечение? Какие условия в госпитале?

Лечение проходит странно. Мы лежим на стиранных-перестиранных простынях, матрасы тоже полугнилые, но, самое главное, всё чисто. У нас такие квадратные наклейки на дырках. Приходит солдат из числа больных, берёт, срывает, потом бензин Б-70 авиационный берёт и вокруг раны стирает клей. Потом раны промывает фурацилином. Вытаскивали осколки сами, целый коробок спичечный, потом потерял его. Дырки после опять заклеивают клеем БФ и куском марли.

На ноге был лангет. Я месяц там лежал, и хирург говорит: «Так, сынок, сколько хочешь лежать?» «До излечения». «Так можно и до победы в Берлине лежать, пошли, вставай». А я на костыли не мог встать,

ноги там уже атрофировались. Поправился, блин, потому что уколы, антибиотики, жратва хорошая. Мы-то на сухпайке сидели, а там кормят, как положено, телевизор есть, кондиционер. Привёл меня в спортзал, вот палка, по палке прямо ходишь по линии. Прыгай на мат, больно, терпи. С мата – на землю. Даёт мяч, я должен ногами пинать. В кровь, до чёрного пота меня гонял, потом говорит: «Всё, ложись, отдыхай». С 88-го до 92-го без сухожилия был четыре года, потом на Кубе пришили. В счёт долга Советскому Союзу у нас афганцев лечили в госпитале имени Франка Паиса, соратника Фиделя Кастро, через фонд «Мир и согласие», председателем которого был Карпов, шахматист.

Для меня самые светлые дни – это когда лежал в госпитале. Когда трёхразовое горячее питание, телевизор, хоть новости посмотришь, а в провинции Баглан даже света нет. Чешские или германские летучие лампы использовали, туда добавляешь солярку, если в части, то керосин, немного соли, и чтобы осела. Она трещит, но не так коптит, как чистая солярка, утром просыпаешься – весь нос чёрный.

В батальоне готовят на полевой кухне, а на заставе ничего нет такого. Всё консервированное: картошка, лук сушёный, хлеб заспиртованный, батоны 66-го года, например, тушёнка, сгущёнка, консервы. Минтай привозили, из банок просроченных делали пол на землю, как брусчатка. Там летом пыль, зимой грязь по колено. Земля, как пудра, если что-то упало с рук, в пыли ищешь на ощупь. Говорили, что приехавший с Афганистана надышался на 4 килограмма пыли за два года.

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск?

Мы были в разных местах. У них отдельная часть, со своей охраной, ограждением. Один раз весной 87-го года, когда мы сидели, через забор был афганский полк Шабона, там пальба. Командир подполковник Вячеслав Белоусов говорит: «Что-то у них случилось?» «Да, наверное, пьянствуют, зарплату получили». А наутро офицеры-афганцы прибежали: «Самсарак!» (обман). Ночью Шабон расстрелял своих замполитов, офицеров, взял полк свой и ушёл в Андараб, в горы к моджахедам. Также летом в северном Батлане ушёл к душманам целый оперативный батальон Царандоя.

Как Вы оцениваете моральных дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов? Среди каких слоёв местного населения и какой поддержкой они пользовались?

Там столько банд, сколько национальностей. Одна банда – узбеки, другая – хазарейцы (это же наши кыпчаки), третья – пуштуны, четвёртая – ещё кто-то. Они воюют за территории, за земли, за воду. И вот они договариваются с нами: «Вы в нас не стреляйте, мы в вас не стреляем, на ваших не нападаем, стреляйте в них». И между собой воюют, там такая же гражданская война; то между собой воюют, то вместе против нас – им больше попадало, чем нам.

Были ли факты неуставных взаимоотношений среди советских военнослужащих? Как относились к вновь прибывшим солдатам старые военнослужащие? Оказывали они поддержку молодым солдатам, делились ли боевым опытом и профессиональными навыками? Чётко ли придерживались в боевых частях требований Устава?

Дедовщину мы старательно пресекали. Старослужащие часто заботились о молодых. Офицеры приходили, политотдел, пропагандисты рассказывали новости. Спрашивали солдат о доме, о том, пишут ли они письма домой, осматривали солдат насчёт ссадин и синяков.

Учитывалась ли национальность и религиозная принадлежность советских военнослужащих при направлении в боевые части? В каких частях наиболее широко представлены выходцы из республик Средней Азии и Кыргызстана? Почему?

Были разные национальности, и религиозность не учитывалась. Но в подразделениях были обязательно таджики-переводчики из числа солдат срочной службы. Хотя сами сносно объяснялись.

Отношения между солдатами срочной службы и офицерами ограниченного контингента советских войск в ДРА? Степень доверия между ними?

Например, в Союзе можешь оскорбить солдата, накричать на него: «Встать, смирно! Строевым шагом марш!», а в Афганистане отношение другое. Солдат убирает комнату, солдат готовит пищу, копает, утепляет, топит буржуйку, выносит золу, таскает и греет воду для мытья. В свою очередь, солдаты просили о чём-то, когда в Союз ехал, просили передать посылки-передачи домой.

Как часто происходили конфликты между советскими военнослужащими и местным населением Афганистана? Причины конфликтов?

Моя самая главная задача была – беречь солдат. «Комсомол – это ладно, коммунист – это тоже высшее требование, главное – беречь себя, потом, идеалы советские были сильные. «Не ходите в мечеть, не воруйте, не врите, не берите то, что плохо лежит», – так идеологически готовили их. Сколько раз приходилось выезжать на разборки с местными, потому что солдаты побили кого-то или ещё что-то. Об этом зачем рассказывать? В таких условиях, когда гибнут друзья, кровь, проявляются и хорошие, и негативные стороны человека. У нас пишут только о героической стороне, а об остальном умалчивалось.

Помощь Советского Союза в развитии инфраструктуры в Афганистане и участие в строительстве различных объектов народнохозяйственного назначения? Роль и участие советских военнослужащих в реализации данных проектов?

Кроме наших войск, в Афганистане были наши советники – наши офицеры, генералы по линии МВД, погранслужбы, сухопутных войск, то есть по всем линиям. По партийной линии, по сельскому хозяйству и промышленности советники были. Аграрная страна, промышленности практически нет. Это Советский Союз в Шибаргане месторождение газа открыл, газ перегоняли в Союз, ПТУ открыли в Мазари-Шарифе, готовили газовиков-афганцев. Домостроительный комбинат в Кабуле построили, и панельные дома они строили в Кабуле. Металлургический комбинат «Джангалак» в Кабуле, дороги, линии электропередач. ГЭС в Сурубе, тоннель через перевал, Саланг в горах Гиндукуша.

Там в основном серпами убирали урожай, а советский трактор приходит, почему-то они красного цвета были, они взяли и расстреляли, техника тут при чём? Советская машина приходит, масловое и новое, они берут кабину, сносят и ставят туда деревянную, разрисовывают, цепи ставят – и из машины КАМАЗ становится «барбухайкой». Сундук деревянный, наверху на крыше люди едут, накрытые одеялом, никакой техники безопасности.

Отношение местного населения к советским солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии, и оценка их роли в военной кампании в Афганистане? Как выражались симпатии афганцев в отношении советских военнослужащих?

Мы очень много организовывали встреч с местным населением. У меня было любимое занятие, мы брали фильмы, которые я брал в Пули-Хумри, и в нашем гарнизоне показывали своим и афганским солдатам. Солдаты таджики-переводчики им переводили. Бывало, местные приезжали, организовывали концерты. Их музыка похожа чем-то на индийскую. Когда танцуют, они цокают языками. У нас во дворе части росли цветы, и мы срезали их и дарили афганкам, а афганцы дарили деньгами, у них так было принято.

Потом афганцы организовывали выставки военной техники и оружия, трофеев около Царандая. Туда приходила местная ребятня. Девочки не лезли, а мальчики любопытные, они намного лучше знали русский язык, чем взрослые. Конечно, через слово мат, но очень интересно было. Они угощение организовывали, плов у них – мясо отдельно, рис отдельно. И, конечно, афганский кабоб – афганский шашлык.

Доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень распространения употребления наркотиков (какие?) среди советских военнослужащих? Меры, предпринимаемые командованием по пресечению данных негативных фактов?

Если выпил, накурился на заставе, то ничего с ним не сделаешь; если в гарнизоне, то можно посадить на гауптвахту. На заставе – только штрафные работы. Наркотическое средство чарс было очень доступным, везде в магазинах и дуканах продавали. Бывало, солдатам так просто давали, чтобы пристрастить.

Существует ли необходимость принятия комплексной программы реабилитации инвалидов войны в Афганистане и людей, получивших ранения?

В Америке и в других странах у участников локальных конфликтов есть институты, выделяются фонды, огромные, миллиардные средства на реабилитацию, трудоустройство, полный соцпакет, а у нас ничего нету практически. То есть реабилитации никакой не было, никакой психологической помощи не было. Сейчас дают ошибочно цифру 7141, а по другим данным кыргызстанцев через Афганистан прошло 13 тысяч, а сейчас 5 тысяч с чем-то осталось.

Считаете ли Вы целесообразными следующие инициативы:

- чтобы эта война была признана как боевые действия в защиту Отечества (СССР), как вооружённая схватка с международными силами терроризма;

- чтобы все 500 тысяч человек, прошедшие через Афганистан, получили официальный статус защитников Отечества, приравненного к статусу участников Великой Отечественной войны;

- чтобы льготы участников боевых действий в Афганистане были приравнены к льготам ветеранов Великой Отечественной.

В 83-м году они же признали войну, было постановление правительства приравнять льготы ветеранов-афганцев и ветеранов войны. К воинам-интернационалистам прибавить тех, кто был в Анголе, Никарагуа, в локальных конфликтах – законом уравняли. Но это всё на бумаге, а на деле другое. Квартиры, машины дали инвалидам, а остальные афганцы? Я знаю многих афганцев, бумага у него с контузией – он порвал: «Ой, на работу не примут». А потом время проходит, у него голова болит, а ни архива, ни документов нету.

Какие изменения до и после 1991 года Вы можете отметить в вопросах предоставления льгот участникам войны в Афганистане? Что именно изменилось и в какой степени?

В 85-м году пришёл к власти Горбачёв. Началось отрицательное отношение к вводу в Афганистан, то есть когда вывод начался в 88-м году, там было: «Родина нуждается в вас», «Мы надеемся на вас», «Вы – наша гордость». А приехали – везде все на местах, те же райкомовские или исполкомовские, говорят: «Ребята, что вы хотите, льготы? А кто вас туда посылал?»

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли случаи принятия отдельными военнослужащими ислама или перехода в данную религию?

В то время не было такого, чтобы уходили в религию. Может, были те, кто носил тумар, из кыргызов или крестик у русских – в Союзе это было запрещено, а там позволяли.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане и роль влияния на неё факта присутствия войск НАТО? С учётом Вашего опыта, можете ли Вы указать различия или сходство в действиях войск НАТО и СССР в Афганистане?

Американцы запираются, если за город выезжают 10 машин, не меньше едут. Их там камнями закидывают. Тоже большие потери, но они же скрывают. Я знал одного американца-лётчика, военного атташе США, который воевал в Афганистане. Через него организовал экскурсию на

американскую базу у нас в «Манасе» своим школьникам из школы № 6 им. Панфилова.

Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации, объединяющей и представляющей интересы бывших воинов-афганцев?

Работаю ответственным секретарём Совета ветеранов Великой Отечественной войны. Также с 2015 года военрук средней школы № 37. С 2002 по 2015 годы работал военруком в гимназии № 6 им. И. В. Панфилова.

Что было самое трудное?

Я два раза доставлял погибших солдат, в Украину и в Узбекистан. Я сказал им по-кыргызски: «Что вы делаете? Я такой же солдат, как и ваш сын, только с погонами и звёздами. Я там ранен был в ноги. Твой сын умер геройски, я же не виноват, что тоже не умер». Самое страшное – смотреть в лицо родителям солдат. Привезти погибшего солдата к родителям.

Афганистан, конечно, – это прошлый этап в истории жизни, но у «афганцев» надо учиться просто честности, патриотизму и любви к Родине. Почему? Потому что они присягу давали Родине и выполнили свой долг до конца. Потому что там испытание голодом, холодом, жарой. Там были инфекционные заболевания, ранения, контузии. Несмотря на это они преодолели нечеловеческие трудности. Просто они с честью выдержали. Конечно, многие не выдержали, стали больными и остались просто людьми.

Ч. Беккелдиев за мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга, награждён знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

Фамилия, имя, отчество	**Бугубаев Темирбек Шажусупович**
Национальность	кыргыз
Год рождения	1955
Годы службы	1979 – 1984
Место службы	Шинданд
Занимаемая должность во время службы	Лётчик-истребитель

Я закончил среднюю школу имени Чкалова в Нарыне. Это тоже, наверное, сыграло роль в выборе моей профессии, потому что Валерий Павлович Чкалов был военным лётчиком. Готовился я начиная с 6-го класса. Закончил 10 классов в 72-м году. После школы начался отбор через военкомат. Проходили в военкомате военно-летную комиссию, сперва в городе, затем в областном. После документы высылались в то училище, которое ты хотел – я выбрал Харьковское высшее военное училище лётчиков имени дважды героя Советского Союза Грицевца Сергей Ивановича. В 72-м году в июле месяце поехал в Харьков. Там тоже прошел военно-летную комиссию, там проходят по первой группе, которая включает в себя не только элементы здоровья, но и другие качества, имеется в виду психологический отбор. Затем на разных тренажерах испытание вестибулярного аппарата, затем сдавали экзамены. Было 4 экзамена, по математике, по русскому язык письменно, физика и литература сочинение. По результатам был зачислен 1 августа в училище. С Кыргызстана мы поехали 30 кандидатов, из них мы поступили вдвоем. Потом нам сообщили, что по врачебно-летной комиссии на одно место конкурс был 25 человек. Из 7 тысяч отобрали только 300 кандидатов.

Как проходит учеба на лётчика?

Месяц был курс молодого бойца, ну как обычно. Утром подъём в 6 часов, физзарядка и изучение уставов и военных дисциплин, общевойсковая подготовка. С 1-го сентября началась учеба. 7 месяцев мы проходили теоретическую подготовку. Изучали все предметы: физика, математика, аэродинамика и общие дисциплины. Изучали самолёты.

Курс наш был экспериментальный, раньше летали только со второго курса, а мы летали с первого. Первый самолёт на котором летал – это Л-29 Дельфин чехословацкого производства. Отбор был жесткий,

зачеты должны были сдать на хорошо и отлично. Когда инструктора начинают крутить, человек начинает себя чувствовать очень неловко. Но ежедневные тренировки помогают человеку усилить свой вестибулярный аппарат. Я самостоятельно вылетел в конце мая. Дают 20 вылетов на самолёте по кругу и по результатам допускают к полёту. Мне не было еще 18 лет. Инструктора предупреждали, что водители получают права в 18 лет, а тебе Темирбек нет 18-ти, у водителя на земле есть время остановиться и подумать. А тебя нет, потому что самолёт в воздухе не останавливается. Случается, нештатная ситуация – самолёт сгорает за 18 секунд и вот за это время надо принимать решение. Слава богу я вылетел самостоятельно, потом начались ежедневные полёты.

Со второго курса начались полёты на боевое применение. Бросаешь бомбу, стреляешь неуправляемыми ракетами и стреляешь по наземным целям пушкой. Один раз погода испортилась, я в таких условиях не должен был летать, только в хорошую погоду должен был летать. Дождь начался, гроза, ничего не видно, страшно. Но нас хорошо обучили. Когда идешь по приборам вестибулярный аппарат тебя подводит и теряется пространственное положение, меня тянуло влево почему-то. Все как положено сделал и сел. На следующий день полковник басистый такой был, инструктор Гагарина, вывел на плац и поблагодарил. Было приятно.

Затем два года мы отлетали на Л-29. Затем к нам поступили истребители МИГ-21. И мы на них стали летать, в то время они были грозным оружием. Очень хороший самолёт, для становления военного лётчика был безопасным. На нем отрабатывали полёту по кругу, в зону, полёты на сложный пилотаж, полёты на малых высотах, полёты в стратосферу. К концу обучения к 76-му году остались 96 человек, которые были пригодны для истребительной авиации. Остальные все равно заканчивали и могли идти в транспортную, бомбардировочную авиацию, в вертолетное училище, командирами роты, замполитами, диспетчерами, так что диплом училища все равно оставался. Выпустились мы лётчиками-инженерами тактической авиации. Когда я закончил училище, мне сказали, что ты первый со Средней Азии закончил это училище.

Куда попали после учебы?

После окончания училища был распределен в Туркмению, в город Кизил-Арват, где проходил военную службу. Очень жаркая страна, воды там не хватает. В части оказались старые самолёты МИГ-15, МИГ-17. Они только переучивались МИГ-21 к ним только поступили и иногда они у нас спрашивали. Я прослужил в Кизил-Арвате с 76-го по 84-й год.

Это близко к Афганистану, вы туда сразу полетели?

В апреле 78-го года началась апрельская революция, народ победил, начались преобразования. Мы в это время как близкая часть, сидели в повышенной боевой готовности. Тогда Бабрака Кармаля мы называли Колей Бобровым, Фиделя Кастро – Федей Костровым, В Иране аятолла Хомейни – Толя Хомяков.

В декабре 79-го года по просьбе правительства народа Афганистана, так было заявление ТАСС, 28 декабря 79-го года мы перебазировались на аэродром Шинданд, чуть ниже Герата. Прилетели мы туда эскадрильей 16 самолётов МИГ-21. Тяговооруженность МИГ-21 чуть меньше единицы, но для разведки и боевого применения очень хороший самолёт, потому что он по технико-тактическим данным не уступал Фантомам. В Иране, Ираке, Пакистане там были Фантомы.

Как только сели, нас стали обстреливать, но по самолётам не попали. Там нас кругом окружала целая дивизия, рядом был вертолетный полк, давали отпор. Основная задача прикрытие войск, разведка, уничтожение дальних целей. У военных лётчиков служба идет год за два, если налетаешь определенное количество часов. Когда я прослужил 30 лет у меня была в льготном исчислении за 80 лет, потому что в Афганистане день за три. Очень помогли мы афганскому народу, вели разведку и очень мне нравилось летать на задания, связанные со свободной охотой. Когда летишь на высоте 3-4 километра тебя не видно пока не пролетишь над душманами. Если видишь, что в предполагаемом районе находятся душманы, пикируешь, бросаешь бомбы, с управляемых, неуправляемых ракет, с пушек стреляешь и вызываешь вертолеты. Они приходят и очень качественно работают, потому что фактор неожиданности. Зона охвата была 350 километров.

Учитывалось ли военным командованием СА СССР желание военнослужащих срочной службы служить в Афганистане?

Это было в добровольно-принудительном порядке. Когда все твои товарищи выходят и вызываются служить, ты же не останешься.

Соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

Условия службы в Афганистане, когда мы прилетели туда недостатка в продовольствии мы никогда не испытывали, у лётчиков реактивная норма пайка, четырехразовое питание. Из-за того, что мы служили в Кизил-Арвате, там погода жарче, в Афганистане горы и там было прохладнее.

Полевые бани были, каждую субботу. Мы сами в трубе делали дырки, обложили камнями, керосина много было у нас и в палатке – вот тебе и баня. Мы жили в двух казармах на аэродроме Шинданда. Прилетало самолётов 16.

Мы отточили там свое мастерство, потому что летали постоянно. Обеспечение нас оружием и боеприпасами хватало. Когда летали в Союзе там определенное количество, а там полный комплект боеприпасов. На МИГ-21 можно было подвесить тонну бомб, 64 управляемых-неуправляемых снарядов, и находились две встроенные пушки ГШ-23 со скорострельностью 3800 в минуту. Обычно бросали и фугасные бомбы, по укреплениям в ущельях бросали разовые кассеты РБК – 250 штук. Кинули, ставишь на время и через некоторое время они взрываются.

Из-за того, что мы приносили душманам очень большие неприятности, голова лётчика оценивалась в миллион долларов, если живого или неживого поймают. Мы менялись раз в 6 месяцев. В то же самое время начали переучиваться на СУ-17, истребительно-бомбардировочный вариант самолёта. Имеет больше боевой нагрузки – можно подвесить 4 тонны бомб, две встроенные пушки калибра НР-30 и неуправляемые ракеты можно больше подвесить. Самолёт с изменяемой геометрией крыла, в боевых условиях очень практичный. СУ-17 – это самолёт, который все делает сам. В машине находится цифровая вычислительная машина, туда вводишь координаты и когда подлетаешь машина все делает сама. Вот на этих самолётах начали воевать мы уже в 82-м году. Четыре раза я входил туда полгода там и назад, полгода там и назад.

Домой писали про Афганистан?

Поначалу нам запрещали писать, все записывали как учебные полёты, упражнения: полёт в зону, полёт на сложный пилотаж. Потом, когда в начале 82-го разрешили, начали писать «боевой вылет». Каждый из нас выполнил более 300 боевых полётов, за такое обычно дают Героя. Но так как мы вначале писали, как учебные полёты, нам давали боевые ордена.

Участвовали ли Вы в боевых действиях?

Мы участвовали в боевых операциях, в том числе и в Панджшерском ущелье. Попадал под обстрелы. Мой однокурсник Володя попал под обстрел, и пуля попала в сердце ему. С самолёта ты не ощущаешь по тебе стреляют или нет, просто видны вспышки как в кино, а вот можно лететь прямо туда, а можно со скольжением. В него, наверное, случайно попали.

Потом в целях безопасности стали сбрасывать до километра, потому что ДШК бьет до километра. Данные получали из разведуправления, вертолётчики летали, с земли разведчики или мы сами проводили разведку. Приходит телеграмма с координатами, прилетаешь туда, если там вооруженные, то считаешь это противником. Запрашиваешь разрешение на работу, отрабатывали. Прилетают вертолеты, садятся туда, изымают оружие и документы, пленных и там разбираются дальше. Были ошибки данных и приходилось перепроверять. У них же племенные отношения, приходит оттуда и сообщает, что в этом селе находятся душманы. Поэтому летели туда и проверяли, вертолеты, самолёты. Свободная охота велась только в районах, где были душманы.

Имеете ли Вы боевые награды?

Я был награжден в октябре 80-го года орденом Красной Звезды, и позже медалью «За боевые заслуги».

Брали ли пленных, какова их дальнейшая судьба?

Пленных привозили в аэропорт Шинданд, видно было. Потом их передавали ХАДу, как у нас служба безопасности.

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск? Как часты были совместные операции, и какая роль отводилась в них афганским союзникам?

С местными разговаривали, там еще сидел на ИЛ-28 афганский полк. Они получали подготовку здесь во Фрунзе, 5-е центральные курсы куда входил Токмак, Кант и Фрунзе-1. Они говорили на русском хорошо. Они были зависимы. Их семьи, родственники же там. Если они пойдут бомбить, то душманы могут отомстить их семьям, поэтому им приходилось лавировать.

Какие были отношения между офицерами и солдатами?

Взаимоотношения с солдатами были хорошие, мы всегда хорошо относились к солдатам, к обслуживающему персоналу.

Учитывалась ли национальность и религиозная принадлежность советских военнослужащих при направлении в боевые части? В каких частях наиболее широко представлены выходцы из республик Средней Азии и Кыргызстана? Почему?

Я считаю себя самым старым воином-афганцем, уже семейный с детьми. А вот человек, который попал туда в 18 лет… У нас многодетные

семьи и менталитет «Аллах дал, Аллах взял», а в России многодетных семей нету, один или два. И если у них мальчика убили, то начинаются вопросы. Поэтому в основном брали со Средней Азии. Когда мы туда входили, там все дивизии были с запаса призваны в основном со Средней Азии, поэтому за 15 тысяч, которые погибли, более половины погибло азиатов. У нас много погибло авианаводчиков, в основном со Средней Азии.

Помощь Советского Союза в развитии инфраструктуры в Афганистане и участие в строительстве различных объектов народно-хозяйственного назначения?

Первый год в Афганистане – непонятная страна. По сравнению с нашими городами страна очень бедная. В основном этажных домов там не было, в основном хижины и народ там был необразованным. Только благодаря Советскому Союза там начали строить школы, больницы, госпиталя и афганский народ стал чувствовать себя более спокойно, когда армия тебя защищает. Они были рады помощи Советского Союза, как и сейчас Кыргызстан – мы же нуждаемся в помощи России.

Отношение местного населения к советским солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии и оценка их роли в военной кампании в Афганистане? Как выражались симпатии афганцев в отношении советских военнослужащих?

Мы выходили в город Шинданд, в близлежащие магазины, покупали на чеки. Мы в основном покупали очки, радиоприемники, матерям покупали платки, очень красивые ткани были, когда едешь домой брали метра 3-4. У нас у лётчиков был огромный отпуск – 50 суток плюс дорога. Родители жили здесь в селе Калинин, в Нарыне. Вначале нам за боевые не платили, только в конце 80-го, когда я второй раз туда попал начали давать чеки. Потом начислили, сказали дадим, но не помню дали - не дали.

Продавцы нормально относились в Афганистане, а вот в Германии, где я служил в 84-89 годах, когда моя жена говорила по-русски, с ней могли и не заговорить. А если на киргизском, то нормально все давали.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций?

Стресс снимали. Кто-то пил. Готовили брагу, виноградный сок в стиральную машину, сахар туда, привязали перчатку. Часа на три-четыре

стиральную машину ставили. Она была градусом не знаю сколько, но наверное как пиво было.

В Афганистане сухой закон. Я не пил. В 74-м году я был кандидатом в члены КПСС, в 75-м – коммунистом. У меня еще аллергия на спиртное. Туда был отбор, кто мог вытерпеть увиденное, когда твои товарищи умирают, на моих глазах тоже самое было. Вот вроде бы рядом сидишь, он пошел в туалет, а ему вырезали нос, уши, ниже пояса. И такое было.

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли случаи принятия отдельными военнослужащими ислама или перехода в данную религию? Задумывались там о боге?

Задумываться, не задумывались, но если ты знал Куран и попал в плен, тебя не расстреливали.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане и роль влияния на нее факта присутствия войск НАТО. С учетом Вашего опыта можете ли Вы указать различия или сходство в действиях войск НАТО и СССР в Афганистане?

Тут в основном все решает геополитика, чем больше у тебя территория, тем лучше, чем дальше от тебя противник, тем для тебя лучше. Вот с такой целью туда СССР шел и американцы, потому что американцы на своей территории 200 лет еще ни разу не воевали. Лучше воевать на чужой территории. Вот к нам 19 боевиков зашло и что у нас случилось. Поэтому каждое уважающее себя государства заботится о том, чтобы не зашли на его территорию, поэтому такие великие державы как Россия и Америка действуют по этому методу.

Что больше всего запомнилось в Афганистане?

Я вспоминаю, что это было трудно, жарко, кровь, пот. Люди были очень дружны, друг к другу относились как своим родственникам, как к своим матери и отцу. Вот такое было отношение друг к другу. Сейчас в Кыргызстане трудные времена, но такого отношения между родственниками я не чувствую. А там помочь друг другу было очень для себя важно. Там по национальностям не делились, все были равны.

Фамилия, имя, отчество	**Дунганаев Тыныстан Султанканович**
Национальность	кыргыз
Год рождения	1962
	1981 – 1983
Место службы	Северный Кундуз
Занимаемая должность во время службы	Командир орудия

В какой период Вы проходили военную службу в СА СССР? В каком военном округе, воинской части Вы проходили первичную военную подготовку?

Родился 19 ноября 1962 года в селе Кочкор Нарынской области. 20 октября 1981 года призван в армию в городе Фрунзе, в ноябре 1983 года демобилизовался. С Октябрьского райвоенкомата нас повезли в Ленинский, где был пункт укомплектования призывников города Фрунзе и Чуйской области. На следующий день нас уже было 150 человек. С аэропорта «Манас» мы вылетели в Душанбе. По приезде нас повезли на автобусе на военный полигон, который находился в горной местности. Мы пробыли там три дня. Далее уже в военной форме всех посадили на поезд, и через трое суток мы уже были в Ашхабаде. Нас распределили по Туркестанскому округу: город Ашхабад, Чарджоу, Мары, Тэджен. Я оказался в учебке (сержантская школа), где мы проходили подготовку младшего командирского состава. Через полгода в Ашхабаде мы сдали экзамены, по итогам которых нам присвоили звание младшего сержанта. Далее нас направили в Узбекистан в город Термез, где мы три месяца в качестве младших командиров обучали новобранцев летнего призыва. После обучения нас вместе с новобранцами отправили через Ташкент в Кабул, оттуда военным самолётом мы прилетели в Кундуз.

После распределения я попал в северный Кундуз, где располагался артиллерийский полк, там и началась наша служба.

При отборе в состав ограниченного контингента войск в Афганистане военнослужащим каких национальностей отдавалось предпочтение? Был ли специальный отбор среди военных по национальному, языковому или антропологическому признакам?

Нас было 40 человек в батарее. Русских было всего двое: один с Магадана, другой с Владивостока. В основном все ребята были из

Средней Азии и Кавказа, но были и с Татарстана и Чувашии, внешне схожие с афганцами. Только в конце 1982 года были призваны ребята из России.

Соответствовал ли уровень полученной военной подготовки реальным условиям службы в Афганистане?

Основной упор делали на физическую и огневую подготовку, к тому же особенный акцент уделялся морально-психологической подготовке. Нас обучали общению с населением, разбираться в обычаях и традициях местного населения, ориентировке на местности, умению пользоваться оружием. По крайней мере, за три месяца каждый из нас умел стрелять и защищаться. Далее нас обучали в качестве командиров орудий.

Какие были условия службы?

Мы жили в палатках и зимой, и летом. Но в основном мы сопровождали колонны до места назначения, где приходилось ночевать под открытым небом. Во время сопровождения ты мог наткнуться на мины или на внезапные засады со стороны моджахедов. Были и обстрелы. Местность была пустынной, поэтому всегда был дефицит воды. Климат там совсем другой. Я вот в селе жил, в Кочкорке, поранишь руку – кровь идёт, могли даже песком посыпать, и никакого заражения не было. А там, если что-нибудь случится – уже заражение. У нас в полку была санчасть, в которой были два хирурга и одна медсестра. У каждого из нас были обезболивающие, и мы умели применить их в случае необходимости.

Из-за сухого климата и жары в местности обитали фаланги, каракурты, скорпионы. Их укус смертельный. Другое дело, если умереть в бою, а умереть от укуса змеи обидно, а случай такой был.

А ещё в марте-апреле начинают цвести маки, вокруг вся земля красная, красота. А в конце мая маки быстро выгорают из-за засухи, и при стрельбе трассирующими пулями они начинают гореть. Вокруг всё горит где-то дней десять, и все фаланги и скорпионы бегут в сторону наших палаток. Это, конечно же, нагнетало страх. Спасало лишь то, что среди нас был один туркмен, который мог вылавливать и отгонять их одиночной стрельбой. Его и ставили дневальным.

Газет и журналов не было, почта доходила через месяц-полтора. Порой руководство заставляло писать ребятам письма домой, потому что родители начинали спрашивать: «Где мой сын?» Тогда всем выдавали конверты, бумагу и выставляли охрану, чтобы ребята могли написать

письма. Телевизора тоже не было, но благодаря дизелю освещение было, хотя шум стоял при этом сильный.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, в качестве кого?

Не сказал бы, что часто были нападения, но такие случаи бывали. Моджахеды внезапно появляются, внезапно исчезают. Бывает, даже не успеешь орудие установить, даже выстрелить не успеешь, снова отбой, потом опять могут появиться и так дальше. Во время службы была Мармольская операция по освобождению пленников – специалистов из СССР, в частности инженера, конструкторов по строительству заводов, где я был в качестве командира орудий. В этой операции принимала участие вся 40-я армия. Поскольку высоко в горах у моджахедов находился и аэродром, и мечети, и пещеры, в которых они непосредственно жили, привыкшие всё время воевать, они создали для себя защитные ограждения, туда тяжело было проникнуть. Мы стреляли из гаубицы М-30 (пушка), из боевых машин («Катюши») днём и ночью. Для пехоты и десантников давали освещение путём осветительного снаряда для их продвижения по верикальным горам. Спустя 10 дней нам удалось освободить пленников.

Основная задача была – сопровождение колонн из Союза. Часто было так, что три дня мы были в полку, через каждые три дня встречали груз – колонны от 100–150 до 200 машин мы сопровождали вглубь Афганистана. Там граница – Амударья – там встречали и в Кишим, Файзабад, Мазари-Шариф. Бывало, неделю находились в дороге; бывало, три дня. В общем, всё время сопровождали колонны. Когда три дня были в полку, всё время жили в палатке, летом и зимой. Офицеры жили в модулях, в деревянных домиках, штаб там находился. А мы, солдаты, – в палатке. Зимой у нас была буржуйка-печка. А так, что зимой, что летом, когда сопровождаешь колонну, выступаешь ночью в охрану то на улице, то в салоне автомашины, когда как. Вот так прошли полтора года в Афганистане.

Когда я попал в Афган, у нас были орудия М-30 – это маленькие гаубицы. Тогда не было брони, был ЗИЛ-130-й, туда складывали 10 ящиков снарядов, в каждом ящике по 2 снаряда. Я как командир был в салоне, но там разницы нет, если нападение, обстрел, то и салон не спасает. Потом где-то мы год отслужили – и поступило нам другое орудие: Д-30 с тягачом вместе, МТ-ЛБ. Там уже на тягаче ящики, а мы внутри салона.

При нападении каждый командир орудия самостоятельно принимает решение: когда остановиться, а когда приступить к стрельбе. Так, расчищая дорогу, мы продвигали колонну.

В батарее всего 6 орудий. Третье орудие считается основным, и я был его командиром. Из командного пункта от корректировщика поступает вводная: ориентир, цель, по которой мы стреляем.

Когда идёт колонна, впереди идут сапёры, за ними – пехота, а потом 2–3 машины гражданские и потом орудие, опять же, через 3–4 машины – следующее орудие. Интервал между ними – 30–40 метров, и по бездорожью. Зимой – снег, слякоть, грязь; летом – пыль и засуха.

Зимой мы были сначала в шинелях, потом начали выдавать бушлаты, а афганцы ходили в калошах, босиком. Говорят же, в Афганистане жарко. Нет зима как зима, по крайней мере, в Кундузе. Летом – панама, зимой – ушанка.

Каковы были потери наших войск в ходе выполнения боевых операций?

Да, потери были. Первый раз во время рейда наша машина (ЗИЛ-130) вместе с расчётом подорвалась на мине. Мы с кабины слетели в сторону, нас подобрала пехота, и они нас отправили в госпиталь. А когда я прибыл в полк, я узнал, что все четверо погибли.

Другой случай: я сидел в МТ-ЛБ в тягаче. И по нам начали стрелять из гранатомёта. В салоне весь расчёт погиб. Узбек-водитель без двух ног остался.

Артиллерия считается безопасной, другое – дело пехота или сапёры. Они часто в бою, и поэтому у них большие потери. Мы в 3-х – 10-ти километрах, по корректировке стреляем, затем другую позицию занимаем. Там тоже очень нужна физическая сила, моральная подготовка. Выгружали ящики, подготавливали пушку к стрельбе, затем снова отбой и снова на новую позицию, и так по нескольку раз в день. Если долго стоишь на месте, более 8 часов, то уже надо копать окопы. То есть без дела не сидишь, всё время были заняты. За последние полгода службы наша батарея охраняла полигон. И даже там опять копали окопы под орудия и под перемещение. Вокруг нас было заминировано сигнальными и фугасными минами. Афганские собаки часто попадали на эти мины.

Был и суицид. После нарушения кто-то из командиров сказал, что отправит солдата на дембель после Нового года, и он застрелился. Другой застрелился из-за девушки: получил письмо, где она написала, что ушла к другому.

Одноклассники служили в Германии, Чехословакии, в Монголии – они рассказывали о своей службе, там, конечно, совсем другая картина. А мы попали в Афган, и целых два года в такой обстановке: никаких увольнений, никаких самоволок. Утром, когда развод, замполит доводит до сведения информацию о 40-й армии, что произошло за сутки. Кто попал в плен, кто погиб, и т. д.

Были ли факты неуставных взаимоотношений среди советских военнослужащих? Как относились к вновь прибывшим солдатам старые военнослужащие? Оказывали они поддержку молодым солдатам, делились ли боевым опытом и профессиональными навыками? Чётко ли придерживались в боевых частях требований Устава?

В учебке или до армии мне рассказывали про дедовщину.

В учебке все были с одного призыва. Там командирами были сержанты. В общем, всё по уставу. А в Афгане дедовщины не было. Старослужащий может, максимум, попросить котелок помыть, но чтобы носки кому-то стирать – такого не было. Потом через два-три дня – первый бой, и после этого все они как бы друзья-товарищи. Я не видел, чтобы оружие другому чистили. Каждый чистит своё оружие. Старые военнослужащие всячески оказывали поддержку, помощь молодым солдатам, делились своим опытом. Учили, как маскироваться в окопах, как сэкономить воду.

Отношение местного населения к советским солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии, и оценка их роли в военной кампании в Афганистане? Как выражались симпатии афганцев в отношении советских военнослужащих?

Кундуз уже в то время считался миллионным городом, но он не был похож на город, мы часто проезжали через Кундуз. Мы находились в северном Кундузе, а там одна долина: пустыня, короче, песок по колено. Другие части Афганистана – горная местность. Мы видели местных жителей, некоторые наши ребята торговались с ними, когда они шли на базар, а вот в махаля зайти было невозможно. Иногда местные пускали скот, чтобы остановить колонну, а мы не имели права давить скот, и приходилось остановиться. В это время у каждой брони кружатся местные мальчуганы, подходят, говорят «бахшиш» – это по-ихнему «подарок», предлагают жвачки, сигареты, как-то отвлекают. Если упустишь момент, доли секунды, они уже закрепляют к машине магнитные мины. У них мины и английского производства, и итальянские. Потом с этого села

выезжаешь, начинаются взрывы. Не всегда удавалось обнаружить, куда они закрепили мины. Вроде, осмотришь всё, нигде нет, они ребят специально обучали, куда закреплять.

Я видел фильмы про Афган, где жёны офицеров едут в колонне в магазин за покупками. Это, по-моему, чушь – не было такого у нас. Не встречал такого. Последние полгода мы стояли в охране в круговой обороне и на круглосуточном дежурстве. Я в то время стал замкомандира взвода и часто ездил к водокачке за водой. Это где-то 18 километров, впереди – броня, машина в середине и позади – броня. Приезжаешь, пока воду заполняешь, подходят духи и предлагают свои сигареты (чарс) в обмен на алюминиевые ложки, вилки, кастрюли.

Потом я смотрел фильмы про Афган, про Кавказ, где на патроны меняли, такого у нас не было. Или в начале такого не было, мы же ушли в 83-м году, а война-то закончилась в 89-м.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций?

В боях да, стресс бывает. Только что отправили груз 200, груз 300. С лёгким ранением остались, покуришь там, посидишь, потом уже забываешь. Там надо быстро забывать, человек привыкает.

Два года на сухом пайке. Была столовая – ангар, где выдавали тушёнку в горячем виде. Картошку через год увидел, даже не картошку – клейстер в банке. Хлеб тоже в банках. Сухари. Потом только привезли хлебопекарню, где можно было достать дрожжи. И начали делать брагу. В дуканах повидло, джем продаётся, элементарн, оказывается, дрожжи добавляешь и ставишь. Кто что найдёт: фляги, баки. Там же погода жаркая – через 2–3 дня бурлит прямо. И все они – о-о-о! Я раза два-три пробовал – нормально. Сейчас я знаю, что первач надо ещё раз проводить через фильтр, но там мы пили от души, снимали стресс.

Что больше всего запомнилось?

Афганистан вспоминаем, когда соберёмся вместе, в день вывода войск. А в остальное время каждый занят своим делом. Чаще вспоминается бой, их крики «Аллах Акбар», множество мечетей, откуда слышны молитвы. До армии я никогда не слышал азан. В первый день прямо дёргаешься, потом два года эти крики нас сопровождали. В боях их даже не видно, но их крик стоит в ушах: «Аллах Акбар». Вот это часто вспоминается.

Картина: палатка, движение, позиция, стрельба. Эта стрельба ежедневная, как работа. Что кушали, вспоминаешь, сравниваешь.

Один раз Новый год встречали, лампочку покрасили в фиолетовый цвет стержнем от ручки. Вешали и украшали всем, кто что придумает. Стола не было, купили печенье, конфеты днём в магазине. Вечером пришли с караула, 2–3 часа сидели, комбат пел, он хорошо играл на гитаре. Казахи пели песни, армяне барабанили на тазике, узбеки танцевали. Вот это был весёлый момент, когда все сидели и отдыхали. А так, там веселиться не было возможности. Было желание, но…

Фамилия, имя, отчество	**Жуматаев Эркин Үркүнбекович**
Национальность	кыргыз
Год рождения	1956
Годы службы	1981 – 1983
Место службы	Меймене, Пандшер
Занимаемая должность во время службы	секретарь комитета комсомола 177-го отдельного отряда специального назначения (второй Мусульманский батальон)

История такая, что есть в каждом поколении люди, которые воевали, наши деды в Великую Отечественную войну. У меня тоже были такие, по линии отца и матери два деда не вернулись с фронта. Один из них хорошо известен нашим кыргызстанцам – это Кубат Джуматаев. В своё время был первым секретарем обкома комсомола Джалал-Абадской области. Мог ведь остаться, не воевать, однако ушёл на войну добровольцем. Сначала учился в военно-пехотном училище в Пишпеке, потом попал на Юго-Западный фронт в районе Чечни, рядом со Сталинградом. Последний бой он принял, будучи политруком роты под Моздоком – они пошли в атаку со своей ротой, уничтожили около 80-ти фашистов и два танка, заняли три населённых пункта. Но слишком рано вырвались вперёд, соседние роты отстали, и полукольцо вокруг них фашистское замкнулось. Когда его бойцы погибли, Кубат Джуматаев связал последние 4 гранаты в связку и бросился под танк, погиб в 1942-м году.

С ним служил кыргызский поэт Темиркул Уметалиев, он рассказывал, что они вместе служили, и Кубату Джуматаеву нравилась военная служба, после войны хотел остаться на офицерской должности и продолжить служить. Однако его мечта, к сожалению, не сбылась. Меня его подвиг подтолкнул стать офицером и продолжить дело деда. Когда ещё учился в школе, особенно после 8-го класса, решил стать кадровым военным, готовился к поступлению в военное училище.

В 1978-м году закончил. После выпуска из военного училища первая моя должность была командир взвода, служил в городе Балыкчи. В 1980-м году эту часть только создавали – раньше её не было. Была специфическая часть – отличие по вооружению, личному составу, офицерским кадрам. Когда создавали часть, я был приглашён на собеседование в г. Алма-Ату, в штаб округа, прошёл собеседование и получил назначение – командир группы специального назначения. В общевойсковых частях это называется «командир взвода», а в спецназе – «командир группы». Так получилось, что нашего секретаря комитета комсомола оставили по семейным обстоятельствам, а меня туда рекомендовали и назначили секретарём комитета комсомола отряда. Большей частью служил на командных должностях, и только в Афганистане, короткое время был на политической должности.

Для чего вас готовили?

Нас готовили для Синьцзяна. Политика была такая, мы и сами не знали, с какой целью создавали такую часть. Потом сказали, что готовили для Китая. Если бы в Китай отправили нас, никого, наверное, не осталось бы в живых – наш отряд из 500 человек, что бы мы могли сделать против китайского народа? Мы об этом ничего не знали, спецназ – и всё – готовили день и ночь, особенно первое время, на полигонах пропадали, стрельба, вождение, прыжки. До этого я десантной подготовки не имел, а там прыжки днём и ночью, и в Капчагайское водохранилище прыгали с парашютом, прямо в воду. Сначала нам не хотелось одевать голубые погоны, так как 4 года мы учились, и погоны у нас красные были общевойсковые. Нам приказали переодеться в голубые погоны, берет, прошли всю подготовку и позже оценили службу в десантных войсках.

Национальный состав – кыргызы, казахи, узбеки, таджики уйгуры – не зря назывался Мусульманский батальон, русских было меньше, большей частью только офицерский состав. Первый мусульманский батальон создавался в Чирчике, а наш назвали вторым.

Знали ли Вы о предстоящем направлении Вас в Афганистан? Какие у Вас были представления о предстоящей службе после того, как вам объявили об отъезде на войну?

До этого про Афганистан уже слышали, нас же создали при 22-й отдельной бригаде специального назначения в Капчагае. Эта бригада уже была до нас, служили там люди, которые побывали в Афганистане, они приезжали и рассказывали про Афган. Через два года службы

их отправили в Афганистан, а после вывода войск – обратно в часть в Капчагай. Когда же Союз распался, эту часть отправили под Ростов-на-Дону.

Учитывалось ли военным командованием СА СССР желание военнослужащих служить в Афганистане? Многие ли из Ваших сослуживцев и ровесников желали проходить службу в Афганистане?

Я был уже женат, сын родился в 1980-м году, только-только начал ходить. С садиками тогда тяжело было, и перед самым отъездом я отвёз сына родителям в Ошскую область Араванского района, жена хотела работать. Чтобы его отвезти, взял отпуск по семейным обстоятельствам. Никто не знал, что нас отправят в Афганистан именно, когда я уехал. В это время дали команду с Москвы, и начали готовиться и грузить эшелон. Приходит ко мне домой телеграмма от командира части: срочно прибыть. Никаких объяснений, думаю, почему? Ведь только взял отпуск. Пришлось взять билет на самолёт в Алма-Ату. Приехав в Капчагай, пошёл сразу домой. Уже вечер был, я-то не знал, что эшелон грузится и часть уходит. Жена говорит: «Вместо тебя уже назначили другого, ты не показывайся, два часа ночи, эшелон уходит». Я ответил, что так не пойдёт, вещмешок свой собрал пошёл к командиру. Там офицер, которого вместо меня взяли, увидев меня, обрадовался, подбежал и говорит: «Пойдём к командиру, доложим, что ты прибыл!» У него на тот момент на попечении был больной отец и его сестра. Мы доложились, и его оставили (к сожалению, он умер в 2020 году от коронавируса). Так он остался, а я уехал. Все мы были патриотами, к примеру: офицеры Дюсекеев Мукан (ныне генерал, проживает в Казахстане) и Макашев Сергей попали в аварию на «Запорожце», врезались в асфальтоукладчик, лежали в госпитале. Макашева С. выписали, и он с нами был, а Дюсекеев М. сбежал из госпиталя, у него было 5 переломов лицевой части, он догнал нас уже на границе с Афганистаном и тоже поехал с нами туда воевать.

Как вы заходили в Афганистан?

В 1981 году вместе со своей частью, отдельным отрядом специального назначения, мы 29-го октября вошли на территорию Республики Афганистан. В то время нельзя было через официальный Термез заходить, потому что к этому времени было объявлено всему миру, что в Афганистане находится ограниченный контингент советских войск. Если ограниченный, то другие части нельзя заводить. Мы пошли через

пустыню, недалеко от города Кирки, там стоит авиационная часть, дошли туда эшелоном, а дальше уже через пески, через реку переправились паромом на территорию Афганистана. До этого поработал отдельный горный батальон, спустился со стороны Афганистана, как будто он делает зачистку до границы. Батальон дошёл до границы, потом мы соединились и вместе зашли на территорию Афганистана. У меня не было визы и загранпаспорта, все остальные подготовились, паспорта взяли, визы. Я прилетел и сразу с самолёта ночью уехал со всеми эшелоном, я и не знал, что часть нашу будут отправлять туда. В загранпаспорте ставили штамп, прибыл в такую-то часть. Согласно штампу в паспорте нам платили чеками Внешпосылторга, всё остальное время – советские деньги.

Когда прибыли в Афганистан, увидели: с одной стороны – бедная страна, с другой – в дуканах (магазинах) есть всё то, чего у нас не было. Японская аппаратура, фотоаппараты, магнитофоны, ткани, джинсы, мы и в глаза не видели такое в Советском Союзе. У нас страна была, как нам казалось, более развитой – народ хорошо жил, а там народ плохо жил, а в магазинах было всё. И кока-колу мы попробовали там в первый раз, и джинсы привозили для своих семей. С одной стороны, феодальное малоразвитое государство, но торговля у них была более развита.

Мы морально готовы были к войне, учились на военного в мирное время. Советских военных отправляли советниками в разные африканские страны, но в Европе же войны не было. В любом случае, у меня было две возможности остаться в Союзе: один раз, когда был в отпуске, второй раз – после ранения, но я поехал туда снова. На войне не знаешь, что будет завтра, на своих ногах уйдёшь или тебя унесут.

Были ли среди военнослужащих корыстные побуждения (контрабандный провоз дефицитных товаров и предметов, наркотики, повышенная зарплата и т. д.) для службы в Афганистане?

Зарплату платили чеками, тратили на мелкие расходы, чеки меняли на местные деньги и покупали джинсы и отправляли семьям. Питание есть, вплоть до сигарет всё выдают – куда тратить? Зрелищных организаций, кинотеатров нет, находишься только в своей части. Деньги просто хранили – чеки считались валютой, могли на них отовариваться в магазинах «Берёзка», покупать дефицитные вещи. Кто-то копил на машину, машины тогда в дефиците были, купить «Жигули» было тяжело. Карьеристы могли приехать в штаб округа, поставить штамп «прибыл-убыл», в нашей части таких, естественно, не было.

Как проходила адаптация вновь прибывших военнослужащих к новым условиям службы и климату?

В Афганистане офицеры обычно службу проходили два года, солдаты – меньше, полгода в Союзе готовили их, потом только отправляли. В первое время их в бой не брали, сначала должны привыкнуть, адаптироваться к местности, старослужащие должны их обучить навыкам ведения боя, потому что любая беспечность приводит к потере личного состава. Любая оплошность могла привести к гибели. Чужая земля есть чужая земля, хоть и вокруг нас наши части были, афганские войска – царандой.

Изменилось ли Ваше мнение и оценки в отношении причин необходимости присутствия советских войск в ДРА?

Проводились политзанятия, но когда мы вошли в Афганистан, особо объяснять уже не надо было. Там мы видели бедных людей. Необразованные, грязные, жили в не очень хороших условиях. И зарабатывать негде, заводов, фабрик нету. Сельское хозяйство не развито, летом нет воды. Почему они и кочуют там постоянно, летом воды нет, через горы переходят границу, идут в Пакистан. Со стройматериалами туго, недостаток, народ там бедный очень.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, в качестве кого? Были ли Вы ранены? Каковы были потери наших войск в ходе выполнения боевых операций?

Первый бой случился, когда мы вошли в Афганистан. Сразу же по дороге впереди идущая БРДМ подорвалась на мине, то есть для нас устроили засаду – обстреливали с высот, дорога была заминирована. В БРДМ погибли 6 человек. Вертолёты и авиация поддерживали, и нужно было с этой зоны быстрее выскочить.

Мы попали в провинцию Фарьяб, город Меймене. Там местный аэропорт был, где мы и базировались. Постоянно в одном месте не сидели, вылазки, выезды в другие населённые пункты были, чтобы освободить от душманов. Жили в палатках, ещё подземки были – землянки. В землянках жило управление, я был в управлении, остальные жили в утеплённых палатках с буржуйкой. Наша часть была отдельная, и условия были более-менее, врачи хорошо работали, анестезиолог был, хирург, начальник пункта. Воду пили только кипячённую. В больших частях, когда в командировку в Кундуз приезжал, вши были, а у нас в отряде не было, была хорошая санмедобработка, и в месте, где проживали, воздух

чище был. В Меймене за нами было закреплено 10 вертолётов, мы могли действовать по всем направлениям, там местность более пологая, гоняли душманов, они убегали.

Во втором бою я получил тяжёлое ранение. Ранен был в ночном бою в населённом пункте Меймене. Душманы напали на населённый пункт, хотели захватить банк и местную тюрьму, чтобы освободить своих товарищей. Местные власти приехали к нам, командиру доложили, так и так, помогите. По-видимому, было получено добро со штаба армии, и нас, один взвод (до того как в Афганистан вошли, это был мой взвод) второй роты, второй взвод начали отправлять. Я, хоть уже командир другой был, всё равно с ними поехал. Завязался ночной бой, стрельба, грохот, взрывы, и в один момент я почувствовал, что мне по правой руке сильно ударили чем-то тяжёлым, рука онемела, от меня справа был пулемётчик Иванов, он сразу осел, ушёл вниз. Потом вызвали санитаров, его увезли в санчасть – три пули попали в него, одна – в сердце. Вторым рейсом забрали меня. Когда меня привезли в санчасть, то Иванова уже снимали со стола – врачи сильно переживали, что ничего не могли сделать – сердце есть сердце. Три пули попали в него, одна пуля мне – в руку. Могла попасть и в другие части тела, я был в бушлате, ноябрь месяц, из грудной части бушлата торчала вата. Стреляли в нас сбоку из засады, бушлат был разрезан будто лезвием. Сознания я не терял, во-первых, молодой был, во-вторых, готовился, не зря учился в военном училище, и в-третьих, пуля попала в руку. Рука всё-таки не внутренние органы, было бы намного тяжелее, я видел лейтенанта, которому в живот пуля попала… На теле в пяти местах дырки, он месяц продержался, потом – истощение организма, сердце не выдержало, и умер. Ранения в ноги, руки можно вылечить, сделать операцию, но когда внутренние органы – это страшно! Через живот мы получаем энергию, а на уколах долго не продержишься, какая бы современная медицина ни была.

Меня забрали вторым рейсом, я вышел с бронетранспортёра и тут же подбежали бойцы: «Давайте мы вас отнесём!» Готовы были на носилках или даже на себе тащить до санчасти. Я говорю: «Нет, я сам дойду!» Потихоньку дошёл. В санчасти условия, конечно, – это не госпиталь, не стационар. Врачи сделали обезболивающий укол, перевязали. Только на следующий день вертолёт прилетел с Кундуза – это региональный центр, там большое количество наших солдат было. Там стационарный медсанбат был, и первую операцию мне сделали там.

После ранения я выписался с госпиталя и приехал в Капчагай. Я не говорил домашним, что могу вернуться в госпиталь, хотя предлагали

остаться. Даже предложение было от начальника политотдела, замполита бригады полковника Зайцева, который сказал мне: «Всё, отвоевался, мы тебя оставляем, поедет другой!» Я не согласился, ответил: «ВсЁ равно поеду!»

Через полтора года нас отправили в Пандшерское ущелье. Там ранее была база подготовки боевиков, добывались драгоценные и полудрагоценные камни типа лазурита. В самом Пандшерском ущелье главарём был известный Ахмад-шах Масуд, он контролировал эту зону и почти половину Афганистана, то есть это государство в государстве, которое не признавало центральную власть. Он управлял своим владением, как хотел. В 1982-м году в мае месяце большими силами с привлечением многих частей было захвачено Панджшерское ущелье, но не до конца. Отряд наш стоял в населённом пункте Руха. После того как этот населённый пункт был взят и все остальные части вышли, нас оставили там. Тяжело было, раз в месяц заходила колона с боеприпасами, продуктами, нефтепродуктами и уходила. Больше всего потерь было там, потому что вокруг душманы – и день и ночь никакого покоя. Хорошо, что в то время были разработаны пограничные системы, и мы закладывали и закапывали их под землю до полуметра – и откуда идёт человек, с какой стороны сразу поступал сигнал дежурному. Заранее эти территории были нашей артиллерией пристреляны, сигнал поступает, дежурный сообщает – и залпом огонь туда, сюда. Современные «Катюши» были, большого калибра самоходные орудия, и, естественно, они подавляли. Кроме этого, вокруг нашей части были посты.

Хотя боевая обстановка была хуже, допустим, в Пандшерском ущелье, но условия, если бы не бои, как курортная зона, ни жарко ни холодно. Пыли, грязи меньше, вода чистая, горная местность. Одно было плохо – в горной местности техника нам мало чем могла помочь, только артиллерия и миномёты могли достать наших врагов. А так по скалам, по горам же не ходят танки, боевые машины, всё остаётся внизу. Всё, что нам надо было, с собой брали: боеприпасы, пищу – и уходили на рейды. Стрелковое оружие только… в лучшем случае миномёт и мины с собой брали. Тяжело было. Душманы не отличались от нас, так как у них было стрелковое оружие, как и у нас. Единственное преимущество было в том, что, если нам становилось туго, по рации обращались к командованию, и оттуда уже артиллерия била по указанным координатам. Когда же совсем тяжко было, звали вертолёты, но они пока до нас прилетят, это порядка 50-ти километров, и над горной местностью вертолёты простреливаются.

Когда нас оставили в селении Руха, Ахмад-шах Масуд пообещал своим подчинённым, что в течение месяца Мусульманский батальон уничтожит или мы уйдём сами, типа, выдавим. Однако мы были серьёзно подготовлены и нас поддерживали, через месяц у него ничего не получилось. Позже Ахмад-шах Масуд пообещал за голову нашего командира – «кара майора» – миллион долларов. Командиром был Борис Тукенович Керимбаев (к сожалению, год назад 12-го февраля он ушёл от нас). Когда все планы Ахмат-шаха Масуда рухнули, он пошёл на переговоры, потому что начал терять среди своих авторитет. Это уже произошло после того, как я уехал с Афганистана, путём переговоров нашу часть оттуда вывели.

В Пандшере я был после ранения, поэтому выходил на заставы, смену караула, смену личного состава с постов. Тяжело было: по горам лазить, на себе всё тащить – пустой же не пойдёшь. Пока туда, сюда сходишь, даже ноги отказывают, особенно, когда вниз идёшь. Иногда даже мысли были, когда стреляют с разных сторон, чтобы лучше бы уж пуля попала – успокоился бы уже. До того уставали сильно. Был у нас один товарищ, командир взвода, он попал в госпиталь от физического истощения, от постоянных нагрузок. Никто не уходил, часть специфическая была. Пассивную позицию отряд не занимал, выходили по разным направлениям, проводили зачистку. В Пандшере я был полгода, потом уехал в Ташкент, взял отпуск, путёвку в Центральный военный дом отдыха в Подмосковье. После отпуска вернулся в Ташкент в госпиталь и сказал им, чтобы долечивали скорее, чтобы долго не лежать. За 3 дня они мне все анализы, рентгеноснимки сделали и через 3 дня операцию сделали, где-то около 3-х часов делали операцию. Я сам пришёл своими ногами в операционную, сказали: «Считай», я начал считать и улетел. После операции спросил, кто делал её, сказали, что полковник Занозин. Хорошо сделал, спасибо ему!

Служил я до 1983-го года, за это время тяжёлое ранение получил, лежал в госпитале. Несмотря на то, что не долечился, сложная операция предстояла, сказали, что кости раздроблены. Эту кость на руке обещали через год поставить. С ноги, с малой берцовой кости, снимем и в руку поставим. В ташкентском госпитале наружные раны зажили. Так как я был офицером, старшим лейтенантом, условия были хорошие: отдельная палата, цветной телевизор – в те времена он был дефицитным. Кормили в столовой отдельно как фронтовиков, питание отличалось, было усиленным, мог спокойно там лечиться и получать зарплату.

В ташкентский окружной 340-й госпиталь постоянно со всех концов Афганистана поступали раненые. Первое время от Ташкента дальше никуда не отпускали. Среднеазиатский военный округ, у кого ранение легче, тех отправляли по другим местам, у кого тяжелее – оставались в самом Ташкенте. Это позже стали отправлять в Россию, в Ленинград и другие госпиталя, потому что слишком много было раненых в этом госпитале, даже спортзал переоборудовали в травматологическое отделение – рядами койки по 10 штук стояли – и лечили. Мест не хватало, а потом уже начали рассредотачивать, отправлять в другие регионы. Когда я только поступил в госпиталь, со всей руки только мизинец шевелился. Врачи сказали, что у меня нервы перебиты и что отправят в Ленинград. Я отказался ехать – и хорошо, потому что когда отёк начал потихоньку спадать, другие пальцы тоже заработали, видать, нервы просто зажаты были.

Наша часть была одна из самых боевых – 177-й отдельный отряд специального назначения подчинялся штабу округа, главному разведуправлению в Москве. Естественно, в одном месте мы не сидели, постоянно то в один населённый пункт, то в другой, с одного конца Афганистана на другой конец отправлялись. И, естественно, были и потери среди личного состава, я не стал лежать в госпитале год, поругался с врачом. Он мне: «Вот тебе отпуск на месяц – через месяц можешь идти в Афганистан, можешь к нам возвращаться!» Может, одумаешься, типа.

Тогда молодой старший лейтенант, 25 лет, рвался в бой, решил ехать назад в свою часть и улетел в Афганистан. Пробыл год, за это время мы потеряли однокурсника, с которым 4 года в одном училище учились, Ахмедова Калыбека. Были и другие потери, ранения. Через год вернулся на «капремонт» в госпиталь, сделали операцию, с ноги берцовую кость вставили в предплечье. Хирурги оказались специалистами высокого класса, день и ночь оперировали, привозили больных, раненых со всего Советского Союза, ими получен большой опыт работы.

Брали ли пленных, какова их дальнейшая судьба?

Душманы попадали в плен, мы их могли держать только в течение трёх суток, потом сдавали властям. За эти три дня мы могли допрашивать и получать ценную информацию, затем передавали местным властям. Выявлять из пленных самых отъявленных было нелегко, для этого из местных жителей сажали кого-нибудь внутрь боевой машины, чтобы его не видно было. Когда мимо проводят, он говорит – это вот инструктор

с Пакистана, а это вот простой человек, его задурманили – вот так отсеивали. Напрямую он не может сказать, потому что местные его же самого могут потом уничтожить, поэтому так скрытно, через местную милицию. Простых сразу отдавали в милицию, остальных могли оставить, но через трое суток потом всё равно выдавали.

Домой письма писали?

Я особо не писал домой. Про моё ранение жена узнала через других. Мне же в правую руку пуля попала, я даже писать не мог. Оказывается, один из наших товарищей домой написал, а наши семьи все жили в одном доме в Капчагае, три подъезда было, которые нам выделили. Жёны сидели, общались, одна читала письмо и говорит: «Жуматаева ранили, лежит в Ташкенте в госпитале». Через чужое письмо до неё дошло, что я ранен, в Ташкенте лежу, потом она прилетела в Ташкент. Был у нас погибший такой, С. Березин, родственники также не знали, что он погиб, лежит в морге в Ташкенте. Больше месяца прошло, лишь маленькая дочка стала рисовать солнце, цветы, небо чёрным карандашом, тогда жена Березина заподозрила неладное. Моя жена знала телефон госпиталя, так как приезжала, когда жена С. Березина попросила позвонить в госпиталь. В то время дозвониться тяжело было, но дозвонились и спросили: «Березин С. не поступал к вам?» А им отвечают, что он уже месяц лежит в холодильнике. Его жена была в шоке.

Это было в самом начале, когда никто не предполагал, а когда первые потери пошли, командиры стали заставляли писать: в случае моей гибели моё тело прошу отправить туда-то – и адрес писали. У офицеров же семьи есть, родители, непонятно, куда отправлять, а когда уже точный адрес есть и желание человека, то сразу туда отправляют. Это потом стали уже сообщать о гибели.

Когда я повёз тело замполита первой роты Батуева Бату Бимбаевича в Улан-Удэ, тогда я писал уже. Так получилось, что все были заняты, и в это время замполит на мине подорвался. Командир приказал отвезти тело домой в Улан Уде, я как был в полевой форме, так и полетел. Приказ есть приказ. Я даже к своей повседневной форме не мог доехать, она была в штабе. Так в полевой форме, в панаме поехал в Ташкент. В Ташкенте запаяли в цинковый гроб. «Чёрный тюльпан» – когда в одном направлении загружают погибших, а в том направлении он был один. Мне дали билет на пассажирский самолёт, сказали, что тело будет загружено – этим занимались специальные службы. Билет был через Алма-Ату в Иркутск. Я сразу написал в Капчагай, чтобы сообщили жене Бату Бимбаевича,

что он погиб, пусть жена вылетает в Улан-Удэ. Я в Алма-Ате вышел на час навестить свояченицу. Приезжаю, сажусь в самолёт, а там жена Бату Бимбаевича. Тоже летела в Иркутск, так как в сам Улан-Удэ прямых рейсов не было. Она увидела меня и заплакала: «Всю жизнь мы были вместе и теперь летим тоже вместе, только я наверху, а он в грузовом отсеке».

Мы прилетели в Иркутск, а с Иркутска должны были перегружаться на поезд. Поездом нужно было добираться до Улан-Удэ мимо озера Байкал. Я думаю: как так, лето, август месяц, а тут его жена с дочкой, они в таком состоянии. Что делать? Лётчики мне сами посоветовали, что пассажирские самолёты не летают в Улан-Удэ, но есть почтовые самолёты – кукурузники. Я пошёл к кукурузнику и договорился, заплатил со своего кармана. И мы кукурузником через час были в Улан-Удэ. Прилетаем в аэропорт – никого нет, хотя я дал телеграмму с Ташкента его семье и в военкомат. Прилетел, выгрузились. Я взял такси и поехал в военкомат, ведь они должны помогать. Приехал в военкомат – никакой реакции, не то что помощь, вообще там. Разочаровался, опять сел в такси, приехал. Хорошо, братья Бато Бимбаевича приехали на грузовике, гроб загрузили. Надо было ехать не в сам Улан-Удэ, а дальше в село, 50–60 километров. Жену посадили в кабину, мы – сверху и поехали. Мало того, что такое отношение было в военкомате – привезли тело, а на следующий день мы поехали в Улан-Удэ. Хотели в областной газете дать некролог, что погиб Батуев Бато Бимбаевич, оказывая интернациональную помощь. Такой некролог не пропустили в газету. Всё было секретно, как говорится, не хотели народ будоражить. Не пропустили, нельзя, говорят, народу объявлять об этом. Кто-то гибнет, кто-то празднует. На похоронах я два дня находился, потом только уехал. Приехал в Алма-Ату, хотел улететь, а военный комендант, что-то от меня ждёт, типа, чеки же у нас там есть. А я хожу грязный в полевой форме. Я накричал на него, я что, играться приехал, я боевого товарища своего похоронил. Такой контраст, в трёх подъездах семьи офицеров, а вокруг всё мирно. А наши семьи живут там, ожидают, что кто-то может погибнуть, чей-то муж, чей-то брат, сын. Остальные даже знать не знали, живут без всяких забот, пока кто-то не приедет сам или не привезут его. В ожидании.

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск? Как часты были совместные операции? Какая роль отводилась в них афганским союзникам?

Операции нужно было согласовывать с местными. Иногда скажешь: «Мы туда идём», – а там эти люди уже ушли, поэтому приходилось идти на хитрость. Могли сказать, что мы туда пойдём, а сами шли в другом направлении. Свои планы для себя составляли, а для прикрытия могли сказать и по-другому, потому что без этого успеха не будет. Они всю жизнь воевали, то с англичанами, то ещё с кем-то. Большей частью для них война как бизнес – если убил шурави, если докажет, то ему кто-то платил. Если сведения добыл или ещё что-то – всё это было отработано. Может быть, и наши платили, может, особисты, не знаю.

Отношения между солдатами срочной службы и офицерами ограниченного контингента советских войск в ДРА? Степень доверия между ними?

В нашей части было два особиста, контролировали – уполномоченный, оперуполномоченный. Если в полку один особист был, то у нас на 500 человек – два особиста, и они не могли не считаться друг с другом. Каждый мог выдать то, что скрывает другой, прямо в штаб округа могли доложить. Поэтому наши из отряда не очень любили их. С другой стороны, может, это и нужно было, потому что, если совсем без контроля, могло быть и мародёрство. Бой есть бой, душманов убивали, могли деньги у них вытаскивать, присвоить себе. Особисты могли после боя солдат по карманам прошманать, офицеров не трогали. Если этого не делать, то все могли этим заниматься. Была такая необходимость.

У нас был направленец, он не был карьеристом, всегда был с нами, докладывал вышестоящим. Мнение его было решающим, потому что наш командир мог пожалеть нас, а ему что? Чужой человек. Всё согласовывалось со штабом армии, местные мелкие вопросы мог решать сам, заставить. Были случаи, когда наши из-за его глупости теряли людей и чуть не расстреляли его самого, потому что целесообразно было вот так решить проблему, а он решил по-другому. Из-за него взорвалась боевая машина, люди погибли. Может быть, его решение было правильным, кто его знает? В то время все обозлённые были, чуть не расстреляли.

У нас формальностей было меньше, чем в Союзе, тем более, когда бой идёт, некогда разбираться. Там командир всегда прав, тем более наш командир всегда за нас горой стоял. Если бы он не жалел нас, за миллион долларов, может, кто-то и предал бы его, а так как он был нам и отцом, и командиром, и вообще хорошим человеком, естественно, его никто не предал, наоборот, его всегда защищали.

Отношение местного населения к советским солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии, и оценка их роли в военной кампании в Афганистане?

В провинции Фарьяб, где мы стояли в городе Меймене, мы спокойно разговаривали, потому что в этой местности большинство были узбеки. А с узбеками-то общаться легче, а вот с таджиками – у них же совсем другой язык. В Пандшерском ущелье нам дали переводчика, и общались только через него, а в провинции Фарьяб мы без переводчика обходились. Особого контакта не было: часть, вокруг посты. Только к нашим врачам они обращались, у них же медицинское обеспечение хуже было – феодальное государство, за всё надо платить, а к нашим врачам они бесплатно приходили, лечились, особенно женщины.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций?

Стресс снимали кто как, и спиртное тоже помогало, потому что в ходе боя некогда думать, надо действовать, командовать, чтобы никто не растерялся. Если командир не будет руководить боем, получится бардак. И только после боя, когда уже назад на территорию своей части возвращаешься, начинает трясти, анализ в голове хочешь не хочешь, пока не уснёшь, это всё прокручивается в голове. Рядом была смерть, товарищи погибали, кому-то ногу оторвало, руку – это всё же идёт с анализом, что и с тобой могло случится.

Были ли специальные программы по реабилитации раненых военных?

После того как меня вылечили в Ташкенте, тогда я даже карандаш не мог держать, тяжело было, меня, естественно, с войск убрали, сказали, что годен к нестроевой службе, и отправили служить в военкомат. Выписался с военного госпиталя и сразу попал в Ош, в горвоенкомат старшим лейтенантом, оттуда меня рекомендовали в Кызыл-Кию – там служил. К этому времени у меня рука зажила, карандаш мог держать и писать мог. В Оше был военный мотоцикл, я им пользовался, ездил. Реабилитация прошла в рабочем порядке, отдельной реабилитации у меня не было. Потихоньку начал писать, сначала больно было – 9 сантиметров кости на руке заменили. Слава Богу! Врачи своё дело хорошо сделали. Через год мог уже спокойно на перекладине висеть, на мотоцикле ездил, то есть всё нормально было.

Доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень распространения употребления наркотиков (какие?) среди советских военнослужащих? Меры, предпринимаемые командованием по пресечению данных негативных фактов?

Было и спиртное, вокруг, конечно, были предложения от местных – наркотики и всё остальное, но мы понимали, что наркотик – это в первый раз, а во второй раз? Мы видели в других частях, если командир за этим не следит, то кто-то и военнослужащих может принять наркотики и своих расстрелять, у них же начинаются галлюцинации и другое восприятие.

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную государственную помощь как бывший воин-интернационалист?

Оттуда приехал, небольшая несправедливость была, была небольшая ошибка в отношении меня. Один политработник взял меня на заметку, а когда я вернулся, могли предложить лучшую должность, но меня отправили на нижестоящую. Ничего страшного, через год уже мне предложили вышестоящую должность. Тогда такого отношения к нам не было. Тогда никто серьёзно не воспринимал тех, кто прошёл такое испытание. Когда служил в Оше, пришёл, написал заявление, встал в очередь на квартиру. В этот момент в России, тогда ещё Советский Союз был, один солдат, раненный в ноги (у него ноги отказали), в коляске прибыл в райком партии насчёт квартиры. И там ему сказали: «Я вас в Афганистан не посылал!» В то время в газету «Правда» один корреспондент большую хорошую статью об этом написал. ЦК КПСС отправил во все регионы своих инспекторов. И один из инспекторов прибыл в Ош, потом я узнал, что его фамилия Шпиливой.

Я сидел в кабинете, работал, около шести часов вечера – телефонный звонок. В трубке представился первым секретарём горкома партии Матыевым, сказал, чтобы я срочно приезжал домой. Я говорю, что сейчас опечатаю кабинет, приеду на автобусе домой. Он ответил, что пришлёт за мной машину. Оказывается, Шпиливой узнал каким-то образом мой домашний адрес, где я снимаю квартиру, и приехал туда. А там моя жена и её сестра, свояченица. Спросили, как и что? Моя жена рассказала, что как я приехал после Афганистана: «Ему здесь всё раем кажется, никуда не ходит, ничего не просит». В таком духе рассказала. Подьехал в Черёмушки, где мы снимали квартиру. В квартире прохладно было. Я только захожу, шинель хотел снять, а мне говорят, да не снимай, у тебя здесь холодно. Они там сидят вчетвером. Я вхожу в зал, у меня Шпиливой спрашивает: «Ну как, сынок?» Молодой был, в звании старшего лейтенанта, а

Шпиливой, секретарь, в возрасте уже был. Я говорю: «Хорошо!» Поговорили – и через два дня мне выделяют трёхкомнатную квартиру. Если бы он не приехал, молодой офицер трёхкомнатную квартиру вряд ли получил бы. В новом доме, квартира № 1, в хорошем районе, центр Оша, даже адрес помню: улица Хохлова, 190. У меня только один сын был, жена, положено было максимум две комнаты, а мне трёхкомнатную сразу выделили. Вот так повезло! В этой квартире даже год не пожили, когда мне предложили замвоенкомом в Кызыл-Кия, эту квартиру отдал начальнику политотдела. Переехали с семьёй в Кызыл-Кию, там тоже вначале пообещали, а потом стали говорить, что нет свободных квартир. И тут я позвонил обкому партии, Кондакову. До этого с ним встречался, когда эти события были, и он мне дал телефон, обращайся, если что. Он поговорил с первым секретарём обкома Жусубалиевым, и всё сразу решилось, выдали ордер на трёхкомнатную квартиру в новом доме.

Как часто Вы ностальгируете по периоду службы в ДРА? Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан?

Хотелось бы посмотреть, как там сейчас, если бы была возможность, но особого желания нет. Думаю, ничего не изменилось там, потому что развития нет. Постоянно война идёт внутри, междоусобная.

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли случаи принятия отдельными военнослужащими ислама или перехода в данную религию?

Про Бога не вспоминали, коммунистами все были. Может, не было особо ситуации, к тому же, были молодыми, воспринимали всё по-другому.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане и роль влияния на неё факта присутствия войск НАТО?

Американцы им особо и не помогают, только бомбят, обстреливают, их самих мало по личному составу, вроде, собираются вывести свои войска. Особо не воюют, стоят, сами себя защищают.

Против нас воевали все мусульманские страны, Америка их подначивала, что вот неверные вошли, вы куда смотрите? Эти боевики откуда? Против нас воевали вплоть до негров, мы в бинокль видели, уже немолодые, наёмники настоящие, которые воевали за деньги. Со всего мира туда поступало вооружение: и с Америки, с европейских стран, англичане хорошо помогали. Все воевали против нас.

Вы поддерживаете связь с сослуживцами?

Связь с нашей частью осталась. Когда вывели войска из Афганистана, нашу часть расформировали, боевое знамя передали в Центральный музей Москвы. Боевые товарищи в Казахстане воссоздали такую же часть и наименование дали такое же: «177-й отдельный отряд специального назначения». Из Москвы привезли наше боевое знамя, и сейчас оно хранится при этой части. И нынешнее боевое казахское знамя, и знамя нашего отряда, которое было получено при Советском Союзе. На первом посту у них два знамени. И каждый год 29 октября (дата вхождения в Афганистан) мы встречаемся ежегодно в парке 28-ми панфиловцев в Алматы. Только в 2020 году однополчане не смогли встретиться друг с другом в связи с пандемией коронавируса. На встречу приезжают с Кыргызстана, с Казахстана, большинство приезжают с России, Украины. Сейчас легче в общении с боевыми товарищами, сотовые телефоны, вотсап – общаемся!

Фамилия, имя, отчество	**Жунушалиев Турганбек Шакирович**
Национальность	кыргыз
Год рождения	1958
Годы службы	1978 – 1980
Место службы	Кабул
Занимаемая должность во время службы	Рядовой солдат

В какой период Вы проходили военную службу в СА СССР?

Я родился 31-го мая 58-го года, в селе Жылуу-Булак, Тюпского района, Иссык-кульской области. Был призван в 1978 году в ряды советской армии, в то время был Советский Союз и я служил на Дальнем Востоке.

В каком военном округе, воинской части Вы проходили первичную военную подготовку?

Карантин и учебку прошел в Дальневосточном военном округе.

Что Вам и обществу было известно о ситуации в Афганистане и действиях советских войск? Откуда Вы получали сведения (телевидение, СМИ, рассказы очевидцев, слухи)?

Мы слышали про Апрельскую революцию в Афганистане 78-го года на политзанятиях в армии. Специальные офицеры, замполиты рассказывали о политической ситуации, военных действиях в мире, честно и открыто. Поэтому я слышал в армии об Апрельской революции в Афганистане. Мы получали новости через «Красную Звезду», которую издавали для армии. По радио и телевидению мы немного слышали про ситуацию в Афганистане.

Про Афганистан, про его народ нам рассказывали до того, как мы туда попали, что они отсталые, темные, и что за столько лет эти проблемы остались нерешенными. Но мы знали о том, что они мусульмане и что они очень строго придерживались религии.

Какие были первые впечатления от Афганистана?

Афганские события начались в декабре 79-го года. Мы с Дальнего Востока на самолёте полетели в Новосибирск, оттуда в Термез и дальше в Кабул. Когда вышли из самолёта, то первое, что я почувствовал – это

пыльный воздух, и ощущение того, что попал в другой мир. Мы увидели других людей, афганскую милицию и армию, одетых в свою форму. В то же самое время там были и советские войска и солдаты. Позже я понял, что там также грузили раненных в самолёты для лечения в Союзе, возможно в Ташкенте или других городах. Там один раненый в голову казах кричал нам по-казахски: «Эй, откуда вы приехали, друзья?». Мы ему отвечали, что из Советского Союза. Тогда он кивнул и лег опять, ему трудно было держать голову. Нас торопили, офицеры распределяли нас по другим частям, но увидев раненного в голову казаха, других раненных, солдат с костылями, я понял сердцем, что здесь идет тяжелая война. Мне было больно видеть, что мои ровесники-солдаты были ранены, стали инвалидами.

Нам было по 19-20 лет и мы защищали афганский народ от захватчиков и террористов, который прикрывались исламом. Мы прилетели из Термеза в Кабул и там офицер нам говорил: «Следите за собой, учитесь беречь себя здесь война идет». Таким как мы, которые уехали далеко от родного дома, которые ничего не видели и попали на войну, Кабул оставил совсем другие впечатления. Я помню как мы стояли испуганные в чужой стране, среди чужого народа. Там я впервые увидел бородах, одетых в шаровары людей, и не понимал о чем они говорят. Днем в Кабуле не так страшно, но ночью было очень опасно. Мы заметили, что стратегические объекты, правительственные здания были оцеплены военными.

Какие были условия службы?

Мы жили в палатках, там не было условий для службы как в Союзе, не было даже место для умывания. Питание тоже было неполноценным, иногда были моменты, когда не было месяцами хлеба. В основном питались консервами, тушенкой, сухпайком.

Солдаты болели желтухой, тифом. Мы были в Баграме, в Джелалабаде, в пустынях там качество воды плохое. В таких местах как было много лягушек, змей и когда у нас не оставалось воды, мы были вынуждены пить воду из открытых источников. Я тоже попал временно в госпиталь и нас лечил один русский полковник, который сказал нам позже, когда мы поедем в Союз мы будем болеть желтухой и тифом, так как здесь вода плохая.

Брали ли пленных, какова их дальнейшая судьба?

Мы участвовали в операциях в горах, попадали в засады, много солдат погибло. Один раз, когда мы уже были дембелями, в палатку к

офицерам пробрались душманы и перерезали им горло, отрезав головы. Началась операция по нахождению тех, кто это сделал. Мы прочесывали горы, искали их. Конечно, те кто это сделал убегали. Мы искали их день, два, три и поймали в горах вооруженных людей. Пленных мы отдавали в комендатуру и они сами их допрашивали и действовали.

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск?

С местными афганскими военными были отношения. В Баграме была авиабаза и когда на них напали душманы, мы выехали из Кабула оказать им помощь. На трех больших ЗИЛах-130 и УАЗе мы выдвинулись в сторону Баграма. Мы ехали в надежде, что с нашими лётчиками все будет в порядке. Вдруг послышался звук тормозов впереди идущего УАЗа. Навстречу шла машина, перевозящая местных афганцев и УАЗ резко дал право и избежал столкновения. Идущий позади него ЗИЛ также резко затормозил, но как бы он не старался он врезался в машину, везущую афганцев. Машина афганцев была полностью забита людьми, они часто едут битком, в кабине, на крыше. Слышались крики, стоны, стояла пыль. Командир роты вышел из УАЗа, выстрелив в воздух приказал второй и третьей машине следовать в Баграм во главе со старшиной роты. Водитель первой машины и сидящий рядом лейтенант погибли на месте. Среди афганцев тоже были погибшие и получившие ранения в результате столкновения. По приказу командира погибших начали выносить в одно место и оказывать помощь пострадавшим. Через некоторое время мы увидели людей, которые взяв в руки камни и ножи стали приближаться к нам. Кто-то отчаянно крикнул: «Душманы идут!».

«Всем в машину», раздался приказ. Солдат стали забрасывать камнями и в ответ они стали отстреливаться из автоматов. Наши солдаты пытались зацепившись за кузов, залезть внутрь, но камни и ножи не давали им этого сделать. Многие падали вниз. Вдруг раздались выстрелы с другой стороны. Оказалось, что прибыла афганская полиция Кабула и афганские солдаты. Командир переговорил с ними и ситуация нормализовалась. Мы объяснили ситуацию и сами они поняли, что это был несчастный случай. Взяв с собой убитых и раненных, мы поехали в Баграм. Местные солдаты конечно понимали нас солдат, которые приехали из Союза.

Были ли факты неуставных взаимоотношений среди советских военнослужащих?

Дедовщины не было в Афганистане, я ее не видел, хотя, честно говоря, в Советском Союзе дедовщина была, были случаи, когда деды издевались и «воспитывали». В Афганистане не знаю как в других, но в нашей части не было дедовщины. Мы же были на поле боя, где кто-то умирал, кто-то был ранен, кто-то кричит «мама-папа» - откуда там может быть дедовщина?

Отношения между солдатами срочной службы и офицерами ограниченного контингента Советских войск в ДРА? Степень доверия между ними?

Отношения с офицерами были хорошие, так как и мы и они были на войне, они не особо считали себя выше нас. У нас был командир роты Фокин, начальник штаба Шубочкин и они нас не делили, не разделяли, говорили о том, что нужно соблюдать дисциплину, быть собранным, следить за собой, быть ответственным и готовым ко всему.

Отношение местного населения к советским солдатам?

В Афганистане в основном население бедное и поэтому они посылали к нам детей и они часто просили у нас еду. Просили хлеб, тушенку и часто хотели обменять что-то на еду. Мы не понимали их языка, но понимали их состояние, помыслы, как и они наше. И среди них были люди, которые нормально относились к нам.

Душманы разные бывают. Один раз мы возвращались с задания и услышали плачь младенца в одном доме. Оставили двоих на охрану у дверей и зашли внутрь. У них не было даже еды, чтобы поесть. Ребенок плачет, они поставили чайник «кёре», похожий на наш кумган на камни, разожгли под низом саман и сидели все и смотрели на него. Дети конечно же будут плакать, голодные, исхудавшие, уже торчат кости, худые шеи. Бедная измученная семья. Тогда мы собрали хлеб, тушенку, сахар и другие продукты среди солдат, отдали им и уехали. Сколько они еще прожили, кто знает, но мы помогали простым людям, сочувствовали им – изменится ли их жизнь? В то время у нас в Советском Союзе была хорошая жизнь и мы думали, смогут ли они достичь нашего уровня.

Доступность наркотических веществ в Афганистане?

Дети иногда приносили наркотик «чарс» и предлагали нашим солдатам в обмен на продукты. Конечно в поле бывало, что наши солдаты и курили чарс. Не сказал бы, что солдаты привыкали, это было для поднятия настроения, для развлечения.

Какие изменения до и после 1991 года Вы можете отметить в вопросах предоставления льгот участникам войны в Афганистане. Что именно изменилось и в какой степени?

При Союзе можно было на поезде бесплатно поехать в любую точку страны туда и обратно. Были курорты, где можно было отдохнуть, поправить здоровье. На мой взгляд, из те кто был в Афганистане, многие больные, пережили стресс, нервные потрясения, также раненные, и другие проблемы. Я сам инвалид второй группы. Налог на землю не платили, давали уголь. После Союза был развал и было не до помощи афганцам, страна сама была в тяжелом состоянии. Затем у нас стране ввели льготы для афганцев в 1993-м году. Нам дали бессрочное свидетельство о льготах.

Очень жаль, что число воинов-интернационалистов с каждым днем все уменьшается. До 2005-го года мы пользовались электричеством бесплатно, лекарства и проезд также были бесплатными. Раз в год нам давали путевку на курорт, чтобы мы могли поправить свое здоровье.

Сейчас мы получаем 6 тысяч, а инвалиды – 7 тысяч сомов, больше никаких льгот нет. Этого, честно говоря, мало. Но и на этом спасибо. В разных странах разные льготы, они есть и в России, Казахстане – это зависит от страны.

Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан?

Мне не хочется ехать в Кабул, потому что прошедшие дни итак не дают мне покоя. Мне хотелось бы пожелать, чтобы не стреляли на афганской земле и не гибли люди.

Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации, объединяющей и представляющей интересы бывших воинов-афганцев?

Я член союза ветеранов афганцев, как и другие воины-интернационалисты.

Хотелось бы добавить, что многие говорят, что афганская война была бесполезной для Советского Союза. С одной стороны, в иностранную страну послали молодых людей 18-ти, 19-ти, 20-ти лет, сколько тысяч погибло там, не вернулись в свою страну, на свою землю живыми. В то время была такая политика, вокруг Советского Союза не должно было быть очагов напряженности. Нужно было обеспечить безопасность границ. Если бы не мы вошли первыми, то туда бы вошла Америка и поставила бы там крылатые ракеты. Тогда руководитель Демократической

Республики Афганистан Бабрак Кармаль обратился к Брежневу, то время еще был министр обороны Устинов и по соглашению с ними мы вошли.

Мы вошли туда не чтобы захватить землю и народ Афганистана. Мы хотели сохранить и защитить демократическую народную революцию, которую начал Бабрак Кармаль. Было много душманов, граница была открыта и из Пакистана и Ирана прибывало много врагов. Оружие прибывало из Америки, Франции и других стран, которые говорили афганцам, чтобы они защищали свои земли от неверных, от шурави. Среди местных тоже были те, кто так говорил и разжигал огонь войны. Из-за этого до сегодняшнего дня война в Афганистане продолжается. Они до сих пор не пришли к единству.

Поэт и журналист Турганбек Жунушалиев выпустил книгу, которая посвящена 30-летию вывода контингента Советских войск из Афганистана. В ней можно найти стихотворения, посвященные афганской войне. Здесь одно из них в переводе на русский язык.

Под вихрем пыли в сумеречном поле
Едва заметен солнца красный полукруг,
Пронзает ветра гневный свист до боли
Весь шар земной окутав будто вдруг.

Смиренно сникли стебли камыша
Их шелест будто плач за упокой.
Лежит от пуль упавший не дыша,
По нем шуршат лишь стебельки меж собой.

Знобит всё тело ветер ледяной,
По крышкам гроба с грохотом стуча.
Останови стрельбу, солдат, постой!
Как будто в уши мне, тебе крича.

Фамилия, имя, отчество	**Крамарев Александр Петрович**
Национальность	русский
Год рождения	1962
Годы службы	1981 – 1982
Место службы	Акча, провинция Джаузджан
Занимаемая должность во время службы	Командир БМП, 1-я рота, 154-й отряд спецназа

В какой период Вы проходили военную службу в СА СССР? В каком военном округе, воинской части Вы проходили первичную военную подготовку? Знали ли Вы о предстоящем направлении Вас в Афганистан?

Я родился 3 марта 1962 года в городе Фрунзе. Закончил 55-ю среднюю школу в Попеновке и в 80-м году был призван в армию. В Чирчик, как потом выяснилось, в 15-ю бригаду специального назначения. Ну, тогда мы не знали об этом, молодые были все. Шла подготовка к принятию присяги, и единственное, что как-то показывало, что часть непростая, это то, что по центральной аллее висел такой баннер, как сейчас говорят, и там были названы имена восьми погибших и 64-х раненых. Ну, и в процессе мы потом поняли, что мы служим в частях специального назначения 15-й бригады. Только на присяге мы увидели знамя и поняли, что это спецназ.

Сама подготовка наталкивала на мысль, что у нас своеобразное подразделение. После присяги буквально мы метали гранаты РГД-5 – боевые. Вот он нас строит, комбат Стодеревский:

– Ребята, это наступательная граната, заряд пороховой, мелкие осколки, убойная сила 15 метров. Для того чтобы её привести в боевое действие, нужно откручивать пробку, разогнуть усики, вытащить кольцо и кинуть.

Мы все откидали. Опять нас строит:

– Ребята, вы бросали боевую гранату РГД-5.

Опять всё про неё рассказывает, а сам вытаскивает кольцо и бросает нам под ноги. Мы вот так стоим!

– Кругом, ложись! – легли, взрыв!

Все встали.

– Все живы?

– Живы.

– Фигня это, а не граната!

Он по-другому сказал, правда.

– Отошли на 30 метров!

Отошли. Вставляет, ложит около себя, накрылся шинелью, бах – взрыв:

– Фигня это, а не граната, ребята.

Потом стрельбы, у нас у всех был тогда АКМСЛ, 7,62-миллиметровый автомат и к нему прибор ПБС – прибор бесшумной стрельбы. Глушитель, по-простому. Когда мне автомат давали, эти глушители были положены командирам отделений, вот у меня был этот ПБС. Для него специальный патрон был. Нож разведчика был – чёрное лезвие и там два ПМ-овских патрона, в ручке прямо. Но нам только показывали его, вот так заряжается, но не давали, потому что это редкая вещь.

Подрывная подготовка не как у всех. Было минно-подрывное дело, и дали кому-то рельс, кому-то бревно. Мы изучали, какой взять заряд, – вот у вас стоит пластит и динамит, выбирайте, как, что взорвать, как можно меньше. Я рельсу выбрал, а чтобы рельсу взорвать, с обеих сторон нужно поставить. Я посчитал, что 100 граммов достаточно. При этом всем нам наш инженер выдал бикфордов шнур, только 10 сантиметров, а спички были простые, не сапёрные, и на ветру это всё плохо загоралось. В итоге вышло так, что у меня уже половина сгорела, а кто-то только поджёг. Все улетели в укрытие, но всё обошлось, слава богу. Вот исходя из этой подготовки: кроссы, учения – чувствовалось, что впереди большие события, короче.

Учитывалось ли военным командованием СА СССР желание военнослужащих срочной службы служить в Афганистане?

До 25-го октября мы занимались по обычному плану, никто ничего не чувствовал. 26-го началась какая-то неразбериха, все бегали, суетились. И я как раз был дежурным по батальону. Заходит наш комбат Стодеревский. Собрал всех в комнате и говорит: «Мне нужно 8 человек, личных телохранителей». Кто-то пошёл, кто-то не пошёл, в общем, четверых он отобрал ребят, которые вызвались сами, добровольно. А у меня так получилось. Командир роты и мой взводный заходит и говорит:

– Ты со мной поедешь?

Я говорю:

– Куда?

– Ты со мной поедешь?
– Куда?
– Со МНОЙ поедешь?!
– Поеду!
– Бери военный билет в строевой части, вечером будет машина.

Часть где наша стояла, по речке ниже стоял как раз тот самый «мусульманский батальон». Этот батальон, 4–5 рот, был укомплектован техникой, всем необходимым. А мы как разведка называли себя «горнокопытными», у нас только были машины ЗИЛы, которые нас довозили куда-то на время учений. Вечером 26-го я приезжаю в седьмой бат, меня подводит командир и говорит: «Вот это машина, ты ею будешь командовать». Я ещё не знаю, что это такое, и командир мне: «Это БРМ – боевая разведывательная машина на базе БМП». Вот так я стал командиром БРМ первой роты.

30–50 человек шло на замену. Майские ушли. Ушло три замены, получается. Мы призвались в мае, и только 29 октября 81-года мы пересекли границу – это была доктрина Генштаба, причём не только мы одни – это был наш 154-й отряд, сформированный на базе 15-й бригады, и ещё был Капчагайский 177-й отряд. Мы одновременно вместе 29 октября пересекли границу. Мы встали около Мазари-Шарифа, они – у Маймене, поближе к Ирану. От Чирчика до Термеза мы ехали по железной дороге с погруженной техникой. Там спешились, доукомплектовались и пересекли границу.

Заходили мы туда, все тельники, всё голубое было снято, просто как первый мотострелковый батальон из Кундуза, как пехота. Никаких значков, ни определений, ничего. Допустим, если частям ВДВ, Псковской, Витебской, 350-му полку десантников разрешалось, там видно было, береты носили, тельники, у нас всё было снято. Хотя наша форма такая же, как у них. За всё время боевых действий мы стояли недалеко от посёлка Акча, 300 километров от Мазари-Шарифа. Потом я в мае 82-го демобилизовался. И в 84-м отряд был переведён в другое место поближе к Кабулу. За всё это время было три места дислокации. В 86-м перебросили в Джелалабад.

Что Вам и обществу было известно о ситуации в Афганистане и действиях советских войск? Откуда Вы получали сведения (телевидение, СМИ, рассказы очевидцев, слухи)?

До этого нам рассказывали про войну, уже были первые Герои Советского Союза, Чапик, Мироненко, которые подорвали себя и врагов.

Из рассказов тех, кто там был уже, которые приезжали на замену, понимали, что там идёт войнушка по-настоящему. Но пока не коснётся, никто не знал. У нас получилось так, из нашего призыва майского первый был Лямин, который пошёл в спецроту. Курс молодого бойца прошёл – и по собственному желанию в июне месяце он был там уже, в Кабуле. И каким-то образом он там погиб во время боевой операции от разрыва сердца. Я не знаю, как, отчего – нас отбирали всех, все спортсмены – так получилось. Его повёз Сергей Солодовников, на низах он жил. Его повёз, вернулся, через два месяца его убили. Его повезли. Его повёз уже наш Илья Борисович Тольский, но ему повезло, он вот эту цепь случайных таких совпадений прервал, он вернулся живым, хотя повёз двоих убитых наших из Фрунзе, но сам уже здесь в 16-м году скончался от болезни.

Считаете ли Вы свою подготовку к службе в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане достаточной? Кто занимался боевой подготовкой призывников (сержанты, офицеры, военнослужащие, имеющие опыт боевых действий)?

Когда Первый мусульманский батальон вернулся 10 января в Чирчик, уже руководство стало готовить наши части, потому что никто такой специфики боёв не знал. Ни десантники, ни пехота, ни мотострелки. Они не знали, как воевать с душманами, с их засадными действиями. А у нас всё строилось на поле, крупномасштабное, батальоны, а тут всё исподтишка. Вот и подготовка началась.

Каждые полгода на базе нашей бригады формировалось подразделение, которое шло на замену ребятам Кабульской 459-й роты спецназа, которая находилась в непосредственном подчинении генерала армии. В процессе подготовки, на курсе молодого бойца уже проходил отбор. Потом полгода прошло, конечно, тогда ещё был другой строй, нас собрали, и все писали заявление, что добровольцами едем туда.

Через два месяца боевой учёбы мы уже приняли присягу, наш командир Стодеревский пропадает – и всё. Где он? Нету, в командировке. Через месяц приезжает в пакистанском маскхалате, тогда ещё такого не было, чтобы рожок к рожку был прикручен изолентой: «Игорь Юрьевич, что вы там делали?» «Учил десантников воевать». На следующий день нас всех построили, и ему дали орден «Красной Звезды».

В ходе подготовки к службе в ИРА доводилась ли до советских военнослужащих информация об этой стране, её населении, традициях и культуре проживающих в Афганистане народов?

Что мы знали об Афганистане? Два-четыре часа в неделю в лингафонном кабинете мы изучали фарси на разговорном, скажем так, уровне. Кто такой? Где командир? Откуда пришёл? Какая машина? Сколько патронов? Вот такое вот буквально. Ну и общие данные, что это за страна, феодальный строй, там используют бедность этих дехкан душманы разные. Полевые командиры используют в своих целях вслепую.

Как проходила адаптация вновь прибывших военнослужащих к новым условиям службы и климату? Соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

Условия жизни – палатка на 50 человек, на 2 метра закопана в землю, сверху только сама палатка, но она утеплённая. Вход-выход, буржуйка. Всё. То есть если обстрел, то прямого попадания не будет, только если миномётная. Те миномёты, которые у них были, не могли нас достать, потому что километр шёл до боевого охранения. Это значит, батальон и девять капониров – это огромные ямы для техники, перед нами минные поля, поэтому достать было невозможно.

Мы зашли в октябре, и ушёл я 16-го мая. За это время желтухи не было, хозвзвод собирал верблюжью колючку, её заваривали, и перед боевыми выходами мы фляжки заполняли этой жидкостью и шли. Она такая сладковатая, типа чая зелёного, но она именно дезинфицирующе действует. В основном вся эта инфекция летом вылезает. Желтухой у нас человек пять переболели всего. Тиф, чума – такого тоже не было, потому что нам прививки сделали.

Вши были, потому что пока вся эта неразбериха, нам баню привезли только через месяц. Вот это доставало – в одном и том же ходишь, они такие маленькие, белые, злые. Сначала просто одевали другое чистое, в одном и том же ходить – ужас, заросли, как эти бородачи. Потом приехала эта баня – на базе ГАЗ-66, ставится палатка, там парогенератор – пока ты моешься, всё пропаривается, стирается. И тогда мы вздохнули в общем-то.

Солдаты получали чеки?

Некоторые ребята просто готовились к дембелю. Рядовые получали 20 чеков в месяц, сержанты получали 30, ну, это ерунда. Но иногда, что говорить, попадались у пленных деньги тоже. У нас 6-я рота была авторота, имела возможность выехать, ну, им передавали в основном, чтобы купили что-то сладкое, водки, кто-то джинсы заказывал. Когда

привезли туда магазин, в нашем подразделении женщина появилась где-то в апреле. Там появилась кола, какие-то шмотки наши, печенье, конфеты.

После 82–83-го солдату было разрешено иметь джинсы, батник, набор платков для женщины, но это было негласно. Офицеры с собой тащили Sharp'ы, косметику – они же могли в отпуск выехать с этим всем барахлом. У нас же всё строго было. Я себе собирал, думал, коллекцию патронов привезу, от малокалиберной до ДШКовского патрона, а потом уже на таможне подумал, на фиг они нужны, сейчас из-за них меня тормознут, подошёл и отдал. Себе джинсы я купил на чеки уже здесь в «Берёзке».

Питание хорошее было?

В расположении нас кормили очень даже хорошо. Один раз у нас был перерыв, и до смешного, мы перехватили караван верблюдов – они везли материал, какие-то продукты, но в одном нашли автомат, поэтому весь караван тормознули до выяснения. А у нас мясо закончилось – пришлось верблюда пристрелить и пустить в котёл. Мясо типа говядины, но покрупнее волокна, но тоже съедобное. На боевых – спецназовский паёк. Он очень компактный, размером с книжку, там 125 грамм тушёнки, 125 грамм сала, сосисочный фарш, шоколадка, сухой спирт, чай, суп сухой, соль, перец. Это на один день – вот так хватало. В основном готовили вечером, а так шоколад перехватил. А уже когда в расположении, там готовили как положено: первое, второе.

Как проходил обычный день солдата?

Обычный день с понедельника по пятницу – это боевая учёба. С утра зарядка, внутри кросс мы бегали зимой, когда пыли нет, потом завтрак, уборка помещений и так далее. Ну и занятия – стрельба, изучение материального – механики свою технику вылизывали, мы своё оружие чистили, стирались, мылись. В то же время была дежурная рота, которая находилась на боевом дежурстве.

Домой письма писали?

У нас не было конвертов, и нам выдавали зарубежные конверты, специальные такие, длинненькие, на английском всё написано, где, что, куда. Почему выкупалось, когда мы служили в Чирчике, было просто в/ч 64411, тут мы полевая почта 35651. Тут уже ничего не попишешь, отцы выкупали на раз-два. Где ты? Вот там, вот и всё.

О чём писали?

Писали, что стоим, охраняем, ничего не делаем, возим зерно. Потом, когда приехал, про войну рассказывал, потому что никто не верил, что там война. Ещё только первые цинки пошли, и то не говорили, что в Афганистане: «При выполнении служебного долга», такая формулировка была. Но уже люди-то не дураки, стали понимать, откуда всё это идёт. Я пришёл 21-го мая, у отца было пятидесятилетие 30-го мая. Вот он собрал всех своих сотрудников:

– Ну, что там?

– Война там. За всё время, что я там был, в нашей роте пятеро убитых, пятнадцать раненых.

– Да ну на фиг, как это так?

– Вот так.

Изменилось ли Ваше мнение и оценки в отношении причин необходимости присутствия советских войск в ДРА?

Стратегия была такая. Существовало два военных блока – НАТО и Варшавский договор. И, учитывая появление новых видов оружия, разведки, появление американцев в Афганистане для нас было, как удар под дых. Они разместили бы там новые пусковые установки, средства связи, разведки и могли бы нас прощупывать на многие километры, прямо до Сибири можно было бы смотреть. Контролировать пуски ракет, взлёты самолётов и так далее. В общем-то почему Амина убили, когда брали дворец Амина? Убили потому, что пошла информация, что он ведёт двойную игру. С одной стороны, каждый месяц в наш ЦК КПСС даёт телеграмму о вводе войск, а сам в то же время с американцами договаривается. Даже говорили, что было пересечение американского разведывательного самолёта перед взятием дворца, то есть там тоже какая-то операция готовилась. Но это только на неофициальном уровне.

Насколько отличались официальные заявления руководства СССР в отношении Афганистана от реальной ситуации? Замалчивались ли в советских СМИ данные о потерях среди военнослужащих СА СССР? Если нет, то насколько они соответствовали реальным данным?

Первая какая-то реальная информация появилась, по-моему, в «Комсомольской правде» в 84-м году. Там была обширная статья именно про наше подразделение, что воюют, никакой халтуры. Потом, помню, в 82-м году на 7-е ноября Леонтьев спел песню «Похоронка» – его потом 3 года не выпускали на эстраду.

Кстати, к вам приезжали певцы?

Певцы к нам не приезжали. Певцы пошли где-то в 84-м, 85-м, поехали Кобзон, Розенбаум.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, в качестве кого? Каковы были потери наших войск в ходе выполнения боевых операций? Количество потерь афганских мятежников? Брали ли пленных, какова их дальнейшая судьба?

Мы только зашли, значит, на следующий день нас как необстрелянных повезли. С нами был советник, я не знаю, кто он, не представлялся, как минимум, наверное, подполковник. Мы окружили кишлак небольшой такой. Оттуда стали выскакивать душманы, кто на конях, кто как. Ну, их подавили, ну, убили чуть, грубо говоря. И вот этот советник подошёл к раненому, ну, не знаю, для острастки что ли, и прямо в голову с ПээМа – бабах! Ну, такого, как в кино, чтобы стошнило, такого нету. Просто противно стало, когда эта плоть разлетается. Потому что с такого расстояния голова, как арбуз, лопается просто. Ну это не бой, это, скажем так, были показательные выступления.

А уже потом, когда сами поехали, непосредственно у меня как получилось? Получилось так, что наш сектор был недалеко от входа из видных домов кишлака, ну, то есть там жил богатый, и вокруг кишлака были рисовые поля. Что такое рисовые поля? Это такие небольшие делянки с бортиками, и там вода в рис заходит. И вот выбегает душман с винтовкой и бежит. Я в него очередь дал, вторую дал – он бежит. Я говорю, странно, как это так, а метров 50 всего, я не мог промазать. Я уже на одиночный поставил, раз-раз, он упал. Подошёл, он ещё дышит. Всё, что я стрелял, – я попал. Просто, оказывается, не в сердце попал, не в жизненно важные органы. И вот винтовку забрал, конечно, он уже не жилец был, всё с ним, от него толку нету. Вот это было первое боестолкновение.

Ну, ещё такого не было, злости, может быть там, убивать, намеренно, ненамеренно, просто. Один раз был такой случай, окружили, обшманали дом. В туалет зашли, там висит мешок холстяной, там лепёшки горячие ещё и винтовка, ну, древняя ещё, которая заряжается со ствола, пуля такая конкретная там. Как произведение искусства, но оно заряженное, порох там на полочке лежит, всё как положено. Ну всё это взяли, старику пинка и под зад – и всё. Отнесли, дали комбату. Вот такие были вещи, пока 21-го ноября не получилась трагедия.

Мы находились от Мазари-Шарифа в 300 километрах. Комбат специально выбрал такое поле, чтобы подобраться было тяжело, единственно, речка была в 50-ти метрах, но там можно было сделать блокпост хороший. Всё заминировали вокруг, окопались, нас было просто так не взять. И поступил приказ – отвезти какие-то документы в Мазари-Шариф. Два БТРа поехали туда. Поехали – сдали, а обратно ехать, им командующий этого сектора говорит: «Сопроводить колонну 50 машин». Это нонсенс вообще. Колонна уже стояла 3 дня – уже знали, что она пойдёт, куда она пойдёт, за нас шла в Шибирган. И как поставишь БТРы, 50 машин? Старший лейтенант Руковишников принял решение: впереди сам ехал и сзади другой БТР поставил, всё, больше никак. А нужно было либо вместе их ставить, либо впереди, либо сзади, но это уже потом выяснилось.

Ну, конечно же, уже об этом знали духи и приготовили засаду. Полколонны пропустили и остальных начали долбать. Такое узкое место Тимурак, там буквально 6 метров полотно дорожное, и здесь дувалы стоят, и здесь и в них бойницы, естественно, всё подготовлено. В БТРе с левой стороны сидит механик-водитель, а справа сидит офицер, и одной струёй гранатомётной их обоих положило. Вышел БТР из строя, ну, ребята отстреливались, сколько могли, конечно, там по радиостанции, но это было 40 километров. Тревожная группа туда полетела, но они приехали уже поздно.

Обстрелы длились по-разному. Бывало, едем, БТР или БМП когда едет – большой шум, ещё в шлемофоне когда находишься, понимаешь только тогда, когда по броне попадают пули. А так ты можешь даже не заметить. Они могут шмальнуть метров с трёхсот для острастки. А конкретно, разные бывают засады. Допустим вот, мы, когда первый раз попали в засаду, как получилось.

Нужно было одному из афганских гарнизонов подвезти продукты, а они находились где-то в 50-ти километрах ниже нашего расположения. Дорога плохая, там арыки, буераки. Ну, туда мы заехали, помогли им, как раз на них духи наседали, мы их отогнали, отдали продукты. Тогда нашего командира батальона вызвали в штаб в Кабуле, и его заместитель тоже был на операции, а так получилось, что нужно было срочно выезжать. Обычно приказ был такой – два раза по одной дороге не ездить. Те, кто руководили этой операцией, они нарушили это дело, то есть они думали, что быстренько приедем и вернёмся. Ага. Мы туда приехали, а на обратном пути нас уже ждали. Получилось так, что механик-водитель заболел, наводчик-оператор мой Заика сел за механика-водителя, я – за

наводчика-оператора. Я ехал на головной машине, и справа раздаётся взрыв, в дувал, сажусь по-боевому. Я его вижу, он достаёт гранатомёт, я пушку опускаю и – бах. Снёс там вроде бы как. Пока там начинаем связь ловить, смотрю в триплекс – он опять поднимает голову, ну, я опять с пушки выстрелил. Машина встала, ревёт, мы не двигаемся. У БМП есть масляный радиатор, он находится сверху, прямо на уровне горизонтальном. Что он делает? Он охлаждает коробку передач. Вот это попадание в дувал – осколок попадает в масляный радиатор, масло течёт, передача не включается. И мы стоим на горочке. Опускаю пушку, сколько могу, всё равно метр выше его летит. Он это понял через пять выстрелов. Он уже спокойный, я только над ним, прицел его сбивал. И в конце концов вызвали помощь, четвёртая машина, которая за мной шла, обогнула, стала передо мной, стали натягивать канаты, и граната попала от этого духа в четвёртую машину. И хорошо тем, что у БМП силовой агрегат впереди. Действие гранатомёта – он прожигает броню на расстояние 30 сантиметров, кумулятивный и внутри кузова, создаётся бешеное давление до десяти атмосфер, и до тысячи градусов температура, и если люки закрыты, то всем – хана. Но люки были открыты, слава богу, потом уже, когда двигатели ремонтировали, просто такую дырочку увидели, она прожгла, всё как положено – гранатомёт же наш, советский, ну вот. Всё обошлись так, никого не ранило, просто лёгкая контузия.

154-й отряд спецназа: с 81-го и по 89-й год погибло 177 человек. Это много, да. Если смотреть потери пехоты или десантуры, там, – это ещё по-божески. Это мы обученные, я почти полтора года отслужил на момент перехода границы. Мы стреляли со всех своих видов оружия, которые у нас были на вооружении: автоматы, пулемёты, пистолет. Ну, и нам рассказывали, с чем мы можем встретиться там.

К сожалению, в руководстве 40-й армии были в основном пехотинцы, и они придерживались масштабной тактики боевых действий. Были укрепрайоны, которые были хорошо вооружены. Эти генералы, полковники так и планировали. Сначала берётся подразделение, усиливается танками, артиллерией, подъезжаем, массированная артподготовка, потом авиация бомбит, и потом туда заходим. Ну и получалось, что мы пошли сначала на Сарыпуль, пришли, а там никого нету. Просто походили, посмотрели, даже кошки, собаки, живность, никого нет, потому что пока мы ехали, они уже все убежали. И единственно, удачное было у нас первое такое сражение – Джаркудук был у нас, такой кишлак. Перед этим руководство приняло решение, и пошли в другую сторону совсем, туда и техника поехала вся, потом

сосредоточились, нас погрузили на вертолёты и высадили вокруг этого кишлака. Джаркудук – это переводится «Глубокий колодец», то есть он по периметру колодец там, вся инфраструктура там, кишлаки там. В каждом доме у них что-то было военное, в одном – склад, в другом пекли лепёшки, в третьем перезаряжали патроны, в четвёртом радиостанция была, в пятом – ещё что-то там, мины наши потрошили, делали фугасы из них. И мы высадились по периметру, и двое суток – мы туда очередь – они в нас, мы туда – они в нас. Пока техника подъезжала. И вот тут, конечно, привлекли авиацию, то есть уже когда мы отходили на позиции, шла планомерная бомбёжка этих вот кишлаков, а потом вечером или утром опять туда заходили. Вот. Там мы увидели, для себя я увидел первый раз, смертника, кто такой смертник.

На второй день боевых действий, когда мы спустились чуть пониже, по нам стал стрелять ДШК. Это крупнокалиберный пулемёт Дегтярёва-Шпагина. У него такой специфический звук, его ни с чем не перепутаешь. Ну, залегли, снайпер его снял, подошли поближе, он, оказывается, прикованный цепью к этому пулемёту. Посмотрели по карманам, он – пакистанец. Пулемёт был на площадке, вокруг окопы, непонятно. Оказывается, они делали ещё углубление вниз и там зарывались. Мы давай смотреть, ещё и двоих нашли живых. Они землёй себя присыпали.

В одном из дворов пряталась группа мужчин. В обычной одежде, пешеварки, а один стоит, ну, китаец и китаец, кости набитые.

– Кто такой?

– Родственник.

Ну, мы ему объяснили, что он не прав.

– В гостях.

– Кто такой?

– Ну, вот дехканин.

Ещё раз отлупили. Инструктор подрывной подготовки из Китая.

Там, помимо милиции афганской «Царандой», есть такое понятие «ХАДовцы», офицеры-афганцы, прошедшие обучение у нас в Киеве, в Ташкенте, КГБшники по-ихнему. У нас было распоряжение таких ценных кадров передавать именно ХАДовцам. Утром ХАДовцы приехали, мы их туда отдали. В этой операции было уничтожено 296 душманов, заложников освобождено полторы тысячи, кучу оружия взяли всякого разного, просто ехали сверху, потому что все десанты были забиты. Два автомобили «КРАЗ», «ГАЗ-51», автобус и мотоцикл «Ява». На нём потом наш зампотех ездил от своей палатки до парка.

Сохранился ли боевой журнал отряда?

В штабе был офицер, дежурный, начальник штаба, который вёл боевой журнал. Все выходы, все работы там были указаны, кто приехал, кто уехал, кто умер, кого убили. Там воевало две бригады спецназа, 22-я и 15-я. 22-я взяла на себя всё, что ближе к Ирану, 15-я – на границе с Пакистаном. 22-ю бригаду вывели в Уссурийск, в Россию, и там документация сохранилась. Нас вывели в Ашхабад и потом в Чирчик, а потом развал Союза. Всё потерялось в архиве узбекской армии в начале 90-х. Когда стали уже всё воссоздавать, всего этого уже не было. Правда, год назад выяснилось, что одному лейтенанту попалась в Москве книга, где велись все эти действия. Она в Москве есть, эта книжка.

Имеете ли Вы боевые награды за участие в боях?

У нас в начале было негласное правило, медаль получишь, если раненый, «Красную Звезду» – если тебя убьют. Я пришёл без боевых наград, зато я живой, здоровый. И до смешного, стояли в Джаркудук, охранение боевое, и вертолёты, заходя на бомбёжку, не долетели и сбросили бомбы прямо на нас. Поучилось так, что мы стояли с этой стороны БТРа, а с той – рядовой один. И его посекло осколками, слава богу, легко, ну, за «Боевые заслуги» получил. От своих же.

По нам один раз с «Катюши» врезали. Вершина горы, притащили эти «Грады», мы заняли оборону на наиболее опасном направлении. А в это время артиллеристам дают команду: где-то там в 20-ти километрах нужно накрыть банду. Вниз туман спустился, а они не учли крутизну гор и не знали, что мы там. И по нам давай! Хорошо, что не попали. Я просто взял рожок с трассерами и весь высадил вниз, попаду – не попаду, потому что была или жизнь, или смерть. После этого они поняли – взяли повыше.

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск? Как часты были совместные операции, и какая роль отводилась в них афганским союзникам?

Мы им не доверяли. С регулярными частями нам не пришлось взаимодействовать, просто по приказу брали с собой афганскую милицию, якобы, тогда шумиха была в прессе, что советские мародёрничают, издеваются, расстреливают. Мы их больше брали как свидетелей, что ли, а боевой помощи от них практически никакой. Были те, которые приходили и мстили за смерть близких, те нормально воевали. Один раз получился такой случай: мы подошли к кишлаку, у

меня один царандоевец, я в ближайший дом зашёл, посмотрел – никого нету. Только захотел зайти в курятник, он меня оттолкнул, типа, «я сам». Туда заходит – и сверху на него дух падает с ножом. Они выкатываются, и я думаю… потом уже этого отбил в сторону, того пристрелил. Этот довольный такой, на мне бакшиш. «Бакшиш» – это подарок.

У нашего подразделения должен быть результат всегда. Со штаба давили, сходите туда, там рассадник, там нужно подавить. Комбат сходил туда, а там уже ждут, потому что мы с царандоевцами ходили, а они уже информацию передали, что пойдёт туда. Мы делали по-другому, официально-показательно делается выход туда, с царандоевцами, с артиллерией, а на самом деле ночью тихо-тихо пробрались за 20 километров, окружили и потом раздолбали. Где результат? Вон, пожалуйста, на складе, оружие, боеприпасы.

Как Вы оцениваете моральных дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов? Среди каких слоёв местного населения и какой поддержкой они пользовались?

В основном вооружение первых афганских формирований – это была винтовка «Лиенфилд», по-простому «Бур», потому что была во время англо-бурской войны, и англичане там со своим оружием засветились. Хорошая винтовка, она по каким-то параметрам нашу трёхлинейку превосходит. Ну, где-то устаревший образец, конечно, потому что техника тоже не стоит на месте. Серьёзно вооружены они были, скажем так, после начала американской помощи, когда вот пошли эти «Стингеры» – 86–87-й годы. Целенаправленно банды были уже обучены, сколочены, они уже знали подрывную технику, знали осадную технику. В этом плане нам, может быть, было легко, но в то же время и тяжело, потому что мы были первыми.

Душманы были в основном таджики, узбеки были, даже одного кыргыза встретили. Когда грузили, спрашивали:

– Ты кто такой? Узбек?

– Нет.

– Таджик?

– Нет.

– Туркмен?

– Нет, кыргыз.

Ну, мы его ХАДовцам передали. Как попал? Оказывается, ещё когда в 20-е годы тут банды бегали, его отец ушёл ещё мальчишкой туда, в Афганистан. А так там есть пуштуны, хазарейцы, на границе с

Пакистаном, якобы, есть племя, голубоглазые, рыжие ходят – о том мне неведомо, только разговаривали. А в основном так: узбеки, таджики, туркмены.

Были ли факты неуставных взаимоотношений среди советских военнослужащих? Как относились к вновь прибывшим солдатам старые военнослужащие? Оказывали они поддержку молодым солдатам, делились ли боевым опытом и профессиональными навыками? Чётко ли придерживались в боевых частях требований Устава?

Дедовщины не было. Наш командир дал разнарядки в военкоматы Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, чтобы ребята – аттестат не ниже 4, которые имеют спортивный разряд. Вот он собрал их, и это было первое в истории отряда – наш второй батальон был одного призыва. Все 62-го года, сержанты только 61-го, на полгода старше. А так был батальон одного призыва – ну, на уровне пацанском, ты меня плечом задел, я тебя там это. Потом у нас было так, мы только пришли, нас построили, и Стодеревский вышел, высокого роста мужчина, комбат. 180 и выше – сюда, ниже 180 – туда, отныне «вы лоси», вы – «рексы». Посохов бери «лосей», Тишаев бери «рексов». В воскресенье у нас праздник спорта, кросс и, когда позволяло время, мы устраивали схватки – одного «рекса» против одного «лося» – и давай кто кого. Здоровая конкуренция.

Отношения между солдатами срочной службы и офицерами ограниченного контингента советских войск в ДРА? Степень доверия между ними?

Офицеры с нами жили в палатках. У нас командиру батальона через пару месяцев подвезли вагончик, он и начальник штаба там жили. А так в палатках жили и офицеры, и солдаты, единственное, что офицерская палатка отдельно, но она такая же, как и наша.

Один раз лейтенант Василегин взял миноискатель и стал ходить везде. Нашёл магнитофон где-то там притаренный, нашёл штук пять джинсов, косметику. Но инициатива эта была какого-то проверяющего. Со штаба приехал: «Как у вас насчёт мародёрства?» Он это всё увидел и приказал показательно сжечь. Всё это сожгли, но потом Василегин боялся с нами ездить на операции. Врагом стал, не то чтобы убили, просто объяснили ему: «Не становись на линии выстрела».

Если сравнить армию в мирное время и военное, то там вся эта шелуха спадала. Там каждый офицер знал и солдат, что друг от друга зависишь.

Сейчас мой ротный Рукавишников в Питере живёт, всегда рад, чтобы я приехал. Стодеревский – он сейчас на Украине борется с бендеровцами, тоже переговариваемся, нормально всё.

Особисты вели надзор над личным составом, рядовыми, офицерами, чтобы не было предательства. Более широкие полномочия я не знаю. Представитель КГБ жил отдельно, что он там делал, мы не знали.

Отношение местного населения к советским солдатам?

С местными в основном разговаривали царандоевцы (милиция) или ХАДовцы, наша задача была разгромить, взять в плен и передать. У нас в каждой группе был узбек или таджик, и когда во время боя или перед ним разговаривали с милиционерами, они в основном – убили семью, убили брата – они шли мстить. А были те, которых просто в армию призвали – вот это было очень ужасно. В Дарзабе с нами поехала эта милиция афганская, мы попали под обстрел, они просто взяли и убежали.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций? Были ли специальные программы по психологической реабилитации военных? Если да, кто проводил их и в каких случаях?

После боя никак стресс не снимали. Водка на моей памяти была два раза. Тогда части за своими расходными материалами ездили в части, которые были в Союзе. Наш автовзвод, 50 машин, становились и ехали, мы их сопровождали. До границы сопроводим, там они 3–4 дня грузятся, потом к нам. И вот кому удалось водки привезти, меня два раза ночью будили, и там у нас земляк был Коля Рокушев, такой: «Пошли». Приходим, там глубокая ночь, всё засекречено, в автопарке там уши везде, глаза. Мне кружку налили, я её выпил, но вообще не почувствовал, ни в голове, нигде.

Один случай у нас был, мы так и не поняли – парень стал проявлять признаки психического нездоровья. Якобы он бегал по постам: «Ребята, я сейчас вам воды принесу». Мы так и не поняли, что там было. Его направили в Кабул, и мы его больше не видели. Такого чтобы падали, говорили «я не поеду» – такого не было.

Доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень распространения употребления наркотиков (какие?) среди советских военнослужащих? Меры, предпринимаемые командованием по пресечению данных негативных фактов?

Гашиша было валом, но мы не курили. У меня лично в машине всегда такой башик лежал. Почему, потому что основная продукция дехкан – это продукты сельского хозяйства и вот этот гашиш. То есть заходишь, стоит мешок с шалой и сверху этот пластилин. Кто-то курил, но у нас это не приветствовалось, даже кто курит, не приветствовалось. Хотя там было такое, что греха таить. Потом не приветствовались наколки: ВДВ, там, спецназ – нет.

Что делали после возвращения с Афганистана?

В политех я поступил ещё до армии, поэтому мне нужно было просто восстановиться. Когда я уже женился, не сразу, правда, я получил двухкомнатную квартиру. Тогда ещё были введены льготы, курортно-санаторное лечение и возможность раз в году выехать куда угодно в Союзе. Последние талоны у нас были до 2005 года. Он именной талон. В основном ездили в Москву, вплоть до того, что поехали, пиво попили и вернулись. Потому что нет родственников, талон именной, не продашь его, не обменяешь. У меня был случай, когда у меня отец умер, и я попытался туда поехать. Это надо было заявление в военкомат, куча всяких дубликатов, разрешение того парня, в общем, пока я всё это делал, уже пришло время хоронить, и я не успел всё это сделать. Сейчас это просто, всё в кучу сложили: курортно-санаторное, проезд, льготы – вот если не раненый, как я, получает 6 тысяч, инвалиды, раненые – восемь.

Адаптироваться трудно было к мирной жизни после войны?

После возвращения я где-то ещё пару месяцев выходил в город ночью, приключения искал, может, кто-то докопается, может, ещё что-то, но, как назло, никто не докапывался. Если долгое время находишься в одном режиме, перейти в другой трудно. Водку всё равно всю не выпьешь, а так ходишь, приключения ищешь. Из моего подразделения многие именно герои в мирной жизни себя не нашли. Кто-то пошёл в криминал, кто-то начал бизнесом заниматься… В итоге, когда был распад Союза, люди оставались один на один с собой, с несправедливостью.

Что вам помогло?

В 82-м я пришёл, в 84-м я женился. Необходимость кормиться, к чему-то стремиться. Нам некогда было, я и жена были студентами вечерними. После работы к 7-ми часам в политех – и до 11-ти. Этот режим помог. Я специально пошёл на стройку, чтобы получить квартиру, а на стройке тоже не забалуешь, там серьёзная работа. Наверное, эти обязательства,

необходимость поставили жизнь на первое место. Кроме этого, в 89-м году у нас образовалось ГВПО (городское военно-патриотическое общество) «Родина». Так как институт военруков уже ушёл с развалом Союза, мы занимались с детьми боевой подготовкой.

Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан?

Была возможность туда съездить. Только цена вопроса – 3 тысячи долларов. Российский Союз ветеранов организовывал поездку, потом диск нам показывали, проехали беспрепятственно, и прямо в форме ехали.

Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации, объединяющей и представляющей интересы бывших воинов-афганцев?

Мы все стоим на учёте в военкомате как льготники, в Союзе ветеранов Киргизии состою, но у нас своё городское военно-патриотическое объединение «Родина», которое с 89-го года занимается допризывной подготовкой.

Что вам больше всего запомнилось?

Операция при взятии кишлака Джаркудук, когда я увидел свою подготовку, подготовку своих товарищей и вообще мощь и силу советской армии. Эта операция была общевойсковой, там привлекалась артиллерия, авиация, танки. Это была успешная операция, было захвачено 392 душмана, куча техники, оружие. К сожалению, у нас тоже были потери, но их было только двое. Это по меркам военной тактики – успешная операция. Этот кишлак был рассадником террористов, откуда эти банды расползались по всему Афганистану. Разгром этого кишлака надолго успокоил все остальные, в кишлаки пришёл мир, можно так сказать.

Как жизнь показывает, эта тактика тоже была ошибочной, тогда просто Афганистан был огромной печкой, которая просто перемалывала ресурсы. При общем запустении жизни в России, в Советском Союзе, 86-й год уже пошёл, в Алма-Ате буча была, потом Приднестровье началось. Советский Союз просто не смог бы это всё поднять. Это было первое, надо было сразу это понять, вывести войска – и всё, другие какие-то меры принять. Сейчас уже говорят, что мы купились на американскую удочку, просто цель была – сделать демократический Афганистан, сделать буфер между нами и американцами, а получилась огромная мясорубка. Потом

надо было изучать историю, Афганистан ещё до нас пытались англичане два раза взять. Ничего не получилось.

Горбачёв сказал, что это было ошибочным. С одной стороны было такое ощущение, что какая цена? А с другой стороны, представишь, что ещё кого-то могли убить, как вот сходили на кладбище, посмотрели – просто пришли к выводу, что худой мир лучше, чем война. Ну вот вместо пацана пришёл орден «Красной Звезды». «Красная Звезда» вообще не котируется, просто на подушечке лежит – и все, разве это равнозначная замена? Нет. Мы были молоды, не понимали, что это война, просто были мальчишками. Ну, а сейчас уже ценишь жизнь, потому что нас не так много осталось.

Фамилия, имя, отчество	**Мадымаров Таирбек Камбарович**
Национальность	кыргыз
Год рождения	15.12.1965
Год службы	январь- сентябрь 1988
Место службы	Кундуз
Занимаемая должность во время службы	Командир инженерно-сапёрного взвода, сапёр в 541-м отдельном инженерно-сапёрном батальоне

Родился в селе Кыдырша, Карасуйский район Ошской области. Вырос я в селе Куршаб Узгенского района, там учился, окончил школу в 83-м году. После этого я поступил в Тюменское высшее инженерно-командное училище имени маршала инженерных войск Прошлякова. Учился 4 года и окончил в 1987 году. И после выпуска я по распределению попал в Афганистан. В Афганистане я ещё не был женат, женился позже, когда я служил на территории Казахстана.

В каком военном округе, воинской части Вы проходили военную подготовку? Знали ли Вы о предстоящем направлении Вас в Афганистан?

Меня направили в учебный центр Туркестанского военного округа, куда входила 40-я армия, действующая на территории Афганистана. Центр был на территории Туркменистана, населённый пункт назывался Гёок-Тепе. Там, в этом учебном центре проходили переподготовку все выпускники училищ, которые по распределению попали в Афганистан. Батальон назывался Батальон резерва офицерского состава, и там было около 500 лейтенантов. Там все были специалисты. Основную массу, конечно, составляли офицеры общевойсковых подразделений, то есть мотострелки, танкисты и другие специалисты – инженеры, медики, специалисты ГСМ, офицеры автомобильных войск. Нас по специально созданной учебной программе готовили для прохождения службы в Афганистане. Мы там изучали специальные действия: блокирование, охрана объектов, оборона объектов, разминирование, минирование, разведка – в общем, по всем предметам боевой подготовки.

Учитывалось ли военным командованием СА СССР желание военнослужащих срочной службы служить в Афганистане?

Точно не помню, спрашивали или не спрашивали, в основном распределяли без согласия. Во время Советского Союза такого не было, по-моему, только тех выпускников, которые закончили на золотую медаль. Вот у них спрашивали, и то бывало так, что их направляли тоже по служебной необходимости, несмотря на их желание или нежелание. Основная масса – мы проходили службу по распределению, куда нас направят. Уже в училище сказали, что это будет Афганистан.

Что Вам и обществу было известно о ситуации в Афганистане и действиях советских войск? Откуда Вы получали сведения (телевидение, СМИ, рассказы очевидцев, слухи)?

Конечно, я слышал про войну, боевые действия начались в 79-м году, а 1988 год – это было уже время вывода СА с территории ИРА, дело шло уже к выводу. Правда, мы ещё не знали, что будут выводить, но в 86-м году, я помню, что было уже объявлено – новое политическое мышление, гласность, перестройка – и в связи с этим политика Советского Союза, в том числе и по военному присутствию в некоторых районах, уже пересматривалась. Начали выводить с Афганистана, из других стран Восточной Европы.

Считаете ли Вы свою подготовку к службе в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане достаточной? Какие навыки и знания Вам прививались, что считалось наиболее приоритетным и необходимым (сапёрное дело, горная подготовка, стрелковая подготовка и т. д.)?

В училище уже проходили занятия по изучению опыта боевых действий в Афганистане. Я закончил инженерное училище. Назначение инженерных войск – это устройство инженерных заграждений, минно-взрывных инженерных заграждений, преодоление минно-взрывных заграждений, проделывание проходов в минных полях, то есть вот такие задачи выполняют инженерные войска.

Соответствовал ли уровень полученной военной подготовки реальным условиям службы в Афганистане? Какие основные недостатки и просчёты были Вами отмечены в подготовке? Как проходила адаптация вновь прибывших военнослужащих к новым

условиям службы и климату? Соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

В то время я был молодым офицером. Сейчас я уже учился в академии, в аспирантуре, защитил диссертацию кандидата военных наук, сейчас я понимаю, что подготовка в то время была очень серьёзной и тщательной, по сравнению, допустим, с тем, что в других армиях. У нас подготовка была очень хорошей. Почему? Потому что я закончил училище, 4 года обучался, и мы практически весь перечень задач инженерного обеспечения изучили в училище. Плюс к этому, сам факт распределения в Афганистан выпускников училища означал, что они должны обязательно пройти переподготовку, и мы несколько этапов проходили.

Первый этап проходил в рамках округа, то есть я попал в Туркестанский военный округ. Я там проходил переподготовку. Потом в Гёктепе мы закончили обучение, где-то месяц проходили подготовку, и направили нас уже в Афганистан. В инженерно-сапёрном полку, который размещался вблизи Кабула, в населённом пункте Чарикар, мы проходили ещё одну подготовку. Это была уже подготовка в масштабе 40-й армии.

Получается несколько этапов. Меня направляют, в округе готовят, причём в окружном учебном центре. Там очень большой, хорошо оснащённый учебный центр. Потом я прибываю уже в штаб 40-й армии, меня отправляют опять в сапёрный Чарикарский полк, и там мы проходили подготовку. Я точно не помню, но мы там изучали самые современные мины, которые поступали на вооружение советской армии. В то время они были ещё засекречены. Потому что это были мины со взрывателями неконтактного действия, то есть с сейсмическими датчиками, на определённом расстоянии они действовали на колебание земной поверхности. Если человек проходит, то на расстоянии сейсмический датчик подаёт сигнал в электронный взрыватель, электронный взрыватель обрабатывает эту информацию. Если колебание земной поверхности совпадает с шагом человека, то происходит, это самое, взрыв одной из пяти мин. Она взрывается и покрывает определённый участок радиусом поражения 25 метров. И так последовательно могут взрываться 5 мин на одном взрывателе. Вот такие мины были засекречены. И я сейчас понимаю, почему нам не давали в училище и давали современные мины непосредственно в том соединении, которое применяло эти мины. Поэтому очень хорошая серьёзная подготовка была.

Назначение мин бывает очень разное. Есть мины, которые прикрывают какой-то важный объект или место дислокации какой-то части. Есть мины, которые устанавливаются в глубине, на возможных путях действия или движения противника, то есть караваны были у них. У таких мин принцип действия чуть-чуть отличается от тех мин, которые просто прикрывают какой-то район.

Мы закончили подготовку в Чарикаре, там со мной был Стамбаев Нурлан, тоже с Кыргызстана, мы вдвоём там прошли подготовку, только он закончил Каменец-Подольское училище, потом приехали в Кабул и там целую неделю ждали самолёт, чтобы полететь в Кундуз. То есть меня распределили в Кундуз, а его – в Шинданд. И мы вдвоём там неделю жили и гадали, у кого будет первым борт – в Шинданд или Кундуз. И Нурлан Стамбаев говорит: «Как было бы хорошо раньше тебя улететь в Шинданд». Потому что там скучно было, в пересыльном пункте. И потом всё-таки я первый улетел, и он меня провожал. Недавно, когда он сына женил, я у него на свадьбе был. Я ему сказал, что, когда я улетал в Кундуз, я смотрел на тебя и думал, встретимся мы с тобой или не встретимся. И он говорит, что тоже так подумал. Слава богу, мы с ним встретились после службы в Афганистане.

Я был в Кабуле два раза. Второй раз, когда мы закончили переподготовку в Чарикаре, обратно в Кабул нас привезли в штаб армии, и неделю там жили. Там невозможно, нет условий поездить по городу, там не выпускают. Нас на автобусе возили в штаб, потом в пересыльный пункт. Пересыльный пункт – это возле аэродромов установлены палатки и КУНГи (кузов универсальный нулевого габарита), гостиницы, чтобы ожидать борт, самолёт.

В Кабуле в центре были двухэтажные, трехэтажные здания, напоминающие наши современные, остальные все строения – глинобитные. Центр не такой большой.

Изменилось ли Ваше мнение и оценки в отношении причин необходимости присутствия советских войск в ДРА? Насколько отличались официальные заявления руководства СССР в отношении Афганистана от реальной ситуации?

В то время я был лейтенантом, командиром взвода. Конечно, мы изучали в училище марксистко-ленинскую философию, научный коммунизм, надо признать, что в то время уровень образования был очень высокий. И мы, конечно, в рамках подготовки в военном училище проходили, что существует мировая система социализма, куда входили

многие государства не только в Европе, там, Чехословакия, Венгрия, Польша, но и развивающиеся страны, такие как Афганистан в то время. Сейчас я не могу всё вспомнить, Куба, Вьетнам, многие государства, руководство которых приняло решение пойти по пути социализма. И нам объясняли, что мировую систему социализма надо защищать – это как бы наш интернациональный долг Советской армии. А Советская армия, как известно, в то время была самой крупной из стран мировой системы социализма. Советский Союз оказывал не только военно-техническую помощь, но и финансовую, экономическую. Многое держалось именно на помощи Советского Союза. И это было первое.

Второе: считалось, что если начнётся война, то все государства, которые находятся вблизи к границам Советского Союза, при размещении там ядерного оружия и средств доставки ядерного оружия на территорию Советского Союза – баллистических ракет, аэродромов – будут опасны. В интересах Советского Союза было не допустить такого вблизи государства. Потому что мы знаем, что до этого были случаи, когда американцы пытались разместить ядерное оружие на территории Турции и других государств, а при размещении ядерного оружия на территории этих государств время подлёта средств доставки на территорию Советского Союза резко сокращалось. Естественно, это предъявляло дополнительные требования для соединений и частей Советского Союза по приведению к высшей степени боевой готовности. То есть надо было очень быстро вывести технику на запасные районы с мест дислокаций, которые были уже известны противнику. Они могли нанести удар по этим пунктам постоянной дислокации. Поэтому предусматривалось, что чем будет больше времени для того, чтобы вывести все в запасные районы, тем лучше. Исходя из этих условий, Советский Союз, конечно, пытался не допустить размещения ракет. Я думаю, что одним из оснований, по которым было принято решение о вводе советских войск в Афганистан, были вот такие основания.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, в качестве кого? Каковы были потери наших войск в ходе выполнения боевых операций?

В Афганистане я проходил службу в 541-м батальоне, это отдельный инженерно-сапёрный батальон 201-й мотострелковой дивизии. Впоследствии эта дивизия была выведена на территорию Таджикистана, в город Куляб. Потом эту дивизию переименовали в базу, теперь это база российских войск на территории Таджикистана. Штатное подразделение,

которое предназначено для выполнения задач инженерного обеспечения, это вот наш батальон был, 541-й.

Я приехал в январе 1988 года, потому что точно помню, что нас готовили в Чарикаре, а потом помню, что где-то в сентябре нас вывели. Получается – там 9 месяцев. Когда мы проходили подготовку, была объявлена гласность. До того многие темы были закрыты для общего доступа, например, потери в Афганистане, они не объявлялись. Потом, когда началась политика перестройки и гласности, начали потихоньку уже доводить до общественности, что в Афганистане у нас были потери. Это сейчас выясняется, что в Афганистане у нас были-то потери небольшие, но, тем не менее, они были. И когда об этом начали говорить, на территории Советского Союза не приветствовалось, потому что мы, когда выполняли задачи, в том числе по поиску мин, по проведению разведки местности на минирование, нам приходилось проходить очень серьёзные инструкции о том, что нельзя допустить потери личного состава.

За личным составом нужно смотреть, мины там были очень серьёзные, и нам приходилось во многих случаях не только инструктировать личный состав, но и в некоторых местах на наиболее опасных направлениях действовать самим. Требования были жёсткие, что каждый командир будет лично отвечать за потери там и так далее. А как я уже сказал, неофициальное название афганской войны – это минная война. Потерь там было немного – более 13 тысяч, ну, примерно я вспомнил, а раненых было очень много. Ранения в основном получали на минах. Мины устанавливали как моджахеды, так и правительственные войска, и наши советские мины тоже там были. Получалось, что и не разберёшь, где минные поля наши, где минные поля правительственных войск и так далее. Потому что, насколько мне известно, даже сейчас на территории Афганистана эта тема актуальна – там до конца минные поля не сняты.

Первый раз, когда я попал под обстрел... во время обстрела человек собирается, потому что необходимо выполнить поставленную задачу. Вот это сознание, когда ты должен выполнить поставленную задачу, не даёт человеку расслабиться, и человек становится собранным и всё там делает, по установке. Вот другое дело, когда опасность уже ушла, когда ты вышел и расслабился. Когда уже всё позади, начинаешь закуривать, и вот тогда начинается мандраж, руки трясутся и так далее. Почему? Потому что ты сознательно уже подумал, что «я сделал», всё уже. То, что от меня зависело, я сделал. И потом после этого наступает, на мой взгляд, естественная реакция человека на стрессовую ситуацию.

Я помню, когда первый раз попали под обстрел, всё было под контролем, только после того, как мы уже выехали, я почувствовал, что у меня мандраж. Сказать, что привыкаешь к этому, ну, невозможно. Невозможно привыкнуть, потому что это неестественно для человека. В обстрелах я был немного. Нас обстреливали, когда закинули обратно туда. Мой БТР вышел из строя, и нам пришлось со своими средствами разведки, с тротилом в ящиках (он нужен, чтобы уничтожать обнаруженные мины, взрывоопасные предметы прямо на месте накладным зарядом) ехать на гусеничной эвакуационной машине. У них выхлопные сбоку, там пыль, обстрелы.

Слава богу, в моём взводе не было потерь. Соседние взвода, предыдущие подразделения – до меня были потери. Я попал под вывод уже, во-вторых, промежуток небольшой – 9 месяцев всего лишь, так офицеры служат 2 года. Потом, в то время была установка – без необходимости крупные операции уже не проводить и так далее. В основном крупные операции были связаны с обеспечением вывода войск из РА. Конечно, для инженерных подразделений, то есть для нас, объём задач резко увеличился. Потому что мы должны были обеспечить вывод войск, которые находились на юге РА. Мы их первыми вывели, и потом уже, после того как были проведены операции по обеспечению вывода других частей, была выведена наша часть.

Инженерные подразделения везде нужны. Утром даже все движения между населёнными пунктами в Афганистане, автомобильные сообщения, для нас, частей и подразделений советских войск, начинались только после того, как были проверены дороги на предмет минирования. Мы утром вставали раньше всех, проверяли дорогу. Докладывали дежурному по центральному боевому управлению о том, что взрывоопасных предметов не обнаружено. И только после этого начиналось всё движение.

Естественно, когда начался процесс вывода войск, задачи резко увеличились. Уже в некоторых местах не только проверка, приходилось на БТРе вот так проехать, внимательно посмотреть, потому что времени нет, объём задач большой, дорога длинная, жарко. Вот минно-розыскные собаки – они же не роботы, они тоже устают. Тем более, летом они же не снимут шкуру. Они охлаждаются посредством языка – у них были во-от такие языки. Когда начинаешь толкать вожатых минно-розыскных собак, – «быстрее, быстрее» – они говорят: «Ну куда, товарищ лейтенант? Вы можете снять одежду, бронежилет, а они не могут снять ничего». Вожатые тоже очень хорошие, подготовленные были солдаты. Потому что они

уже перед отправкой на территорию Афганистана тоже шесть месяцев проходили подготовку, и их подбирали из числа тех, кто до службы в армии имел опыт обращения с собаками. Почему у меня появилось такое мнение, те вожатые, которых я видел и в других подразделениях, они нам придавались из роты разминирования сапёрного батальона, два расчёта, чтобы проверять дороги на наличие взрывоопасных предметов и боеприпасов, – этнически они были представители северных народов. Нанайцы, или какую-то другую национальность он мне сказал, я не помню. Они же постоянно собак держат в хозяйстве.

Я посмотрел со стороны – они очень хорошо ухаживают за собаками. Какой-то назначенный участок маршрута проверяем, и, когда мы прибываем в пункт назначения, наши солдаты в первую очередь умываются, воду пьют, потому что жарко очень. Жара была такая, что на БТРе невозможно было сидеть. А этих я посмотрел, они сразу, ничего не снимая, не снимая бронежилеты, в первую очередь собак искупали, напоили, накормили, и потом уже после этого смотрю, они сами купаются. Я удивился, подошёл и говорю: «Вы кто, откуда?» И вот оттуда и так далее. Я говорю: «Молодцы!»

Вши были, конечно, может, у кого-то и блохи были, но вши были, педикулёз, по-моему, называется болезнь. И тиф, малярия, гепатит. Что удивительно, местные не болеют. Может, они когда-то переболели этим, но я видел, как они пили из открытых источников, из арыка пьют и ничего – нормально. Наши солдаты пьют очищенную воду из фляжек, всё равно, бывало, заболевают. В столовой летом невозможно было находиться. Быстро покушаешь и убегаешь оттуда, потому что вся посуда, всё там чистилось хлоркой. И там такой запах стоял внутри столовой, что долго невозможно было. Без дезинфекции невозможно было, потому что там тиф, гепатит…

Отправляют на полевые или на боевые. Инженерные подразделения, как правило, придавались для усиления основных подразделений. То есть штурмовому батальону или другим подразделениям, которые где-то выполняют задачу, туда инженерно-сапёрный взвод взяли и придали, чтобы они сопровождали колонну, проверяли дорогу не только на маршрутах следования, но и в районах выполнения боевой задачи. И в течение месяца находишься в полевых условиях. Ни бани, ни нормальных условий. Вода ограничена. Конечно, начинают заводиться вши и так далее.

А прибываем в батальон, всё становится нормально. Прибываем, передаём в банно-прачечное для стирки, там под паром – всё нормально.

Я помню, когда с Афганистана приехал, вес был очень небольшой, потому что, во-первых, жара, есть невозможно. В полевых условиях, когда кушаешь, вообще есть неохота, потому что мух там много, особенно в районах, где мы прибываем и начинаем в яму складывать отходы, банки из-под тушёнки, сгущёнки. Вот это всё сбрасываем, и там мухи налетают. Пьёшь и вот так отбиваешься. Помню, солдаты шутили, что если мы будем потом вспоминать Афганистан на гражданке, то надо будет сделать очень жарко и набрать много мух.

Имеете ли Вы боевые награды за участие в боевых операциях?

У меня есть медаль «За боевые заслуги» за участие в операции по обеспечению вывода Файзабадского полка.

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск?

С правительственными войсками хорошие отношения были. Среди них были офицеры и военнослужащие, которые проходили обучение на территории Советского Союза, в Душанбе обучались.

Как Вы оцениваете моральных дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов?

Вот я в инженерном училище учился – неофициальная война в Афганистане ещё называлась «минная война». Почему, потому что на территории Афганистана применялись самые современные мины, инженерные боеприпасы, управляемые по радио, которые в то время только-только начали применяться.

Многие страны, и особенно государства НАТО, в том числе и находящиеся в непосредственной близости страны, были против политики Советского Союза. Против присутствия военных соединений и частей Советского Союза на территории Афганистана. Даже другие государства, которые не входили в состав НАТО, это Китай, Пакистан, Иран, то есть все граничащие с Афганистаном государства были против введения советских войск в Афганистан.

Поэтому, естественно, они снабжали моджахедов Афганистана и боеприпасами, и оружием, и военной техникой. В общем, 40-й армии пришлось воевать с отборными подготовленными группами вооружённых бандформирований, которые имели на вооружении самое современное вооружение, в том числе и инженерные боеприпасы – это мины, в том числе и радиоуправляемые. Это сейчас они уже массово

применяются, а в то время они были самые новые, и против них средства и приборы только принимались на вооружение. А в Афганистане они уже имелись, поскольку моджахеды снабжались, как я уже сказал, самым современным оружием.

Были ли факты неуставных взаимоотношений среди советских военнослужащих? Как относились к вновь прибывшим солдатам старые военнослужащие? Оказывали они поддержку молодым солдатам, делились ли боевым опытом и профессиональными навыками? Чётко ли придерживались в боевых частях требований Устава?

Сказать, что не было дедовщины, это не так. Надо честно сказать, да, было. Но, когда мы выезжали на боевые, когда у каждого солдата при себе были гранаты, полный боекомплект магазинов с патронами, то уже как командир я эти признаки не замечал. Конечно, солдаты мне не говорили, многое не говорили, приходилось у них допытываться – тебя никто не обижает? Но в батальоне такие признаки были: у кого синяк появится, у кого это, то. Начинаешь спрашивать, он такой обиженный ходит. В батальоне были признаки того, что существуют неуставные отношения. Замечаешь, как чужое стирают…

А вот когда выезжаем на боевые, там по-другому, признаков дедовщины не замечал. Минное поле проверяли, я сам шёл первым, потому что установка была такая, лучше самому лезть, чем потерять кого-то. Риск получения взыскания и отправки в Союз по несоответствию своей должности или по другим причинам – это было самое страшное. Уже всё – считай, что ты как офицер не состоялся.

Был случай, когда вытаскивали раненого, подорвавшегося на мине, с минного поля. Когда проверяешь минное поле, чтобы обеспечить безопасность от взрыва первого идущего, чтобы не пострадал второй, он идёт на расстоянии 10–15 метров сзади, уступом вправо. А следующий – также на расстоянии 10–15 метров сзади – опять уступом вправо. Таким образом, получается ширина 6–7 метров. Один человек проверяет всего лишь метр-полтора.

Я помню, одному солдату ставлю задачу, потом прихожу до раненого, смотрю – другой. Я говорю: «Эй, как так, я же сказал тебе?» Тот, который за мной пришёл, говорит: «Товарищ лейтенант, а мы молодых на минном поле не пускаем вперёд». Тогда я успокоился, подумал – молодцы! Хотя в батальоне я переживал, что молодых обижают, я уже успокоился, сам себе сказал, что «старики» (прослужившие больше, чем молодые) тоже

заботятся о молодых. Считалось крайне неуважительным делом пускать впереди себя молодого. Потом я сказал, что как я сказал, так и должно быть, а то, что там молодой-немолодой – это дело второе уже.

Какая зарплата у вас была, на что её хватало?

Зарплата была чуть более 300 чеков в месяц. На чеки можно было купить импортные товары в магазинах военторга у нас и на территории Советского Союза в магазинах «Берёзка». Перед выводом всё исчезло. Когда объявили гласность, все выкупали, даже те офицеры, которые держали чеки и думали, зачем я буду здесь покупать, лучше я поеду в Советский Союз и там в «Берёзках» закуплюсь. Они, зная о том, что нас скоро выведут, стали закупаться. Когда я приехал, вначале там было очень много всего, что можно было закупить, но тогда у нас денег не было. Когда объявили про вывод, то все начали закупаться. И под вывод кто будет завозить в военторг товары? А товары завозились качественные, помню, были телевизоры Sony, Panasonic.

Отношение местного населения к советским солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии, и оценка их роли в военной кампании в Афганистане? Как выражались симпатии афганцев в отношении советских военнослужащих?

В частях нас обязательно инструктировали. Были вот такие памятки солдату, офицеру. Там, я точно помню, что были указания, что нельзя вступать в разговор, ни в коем случае нельзя критиковать их образ жизни, уклад, обычаи и так далее, если даже они соглашаются с этой критикой. Вот такие памятки были. Если даже двое разговаривают между собой и критикуют, ни в коем случае нельзя вместе с ними критиковать. Ну и другие были памятки: ни в коем случае не выпускать оружие, потому что это у них как бизнес считается, добыть автомат и так далее. Даже маленький мальчик, у нас же у солдат как психология, если маленький ребёнок, то он не умеет стрелять и вообще безобидный. При Советском Союзе на территории так мы воспитаны были. А понять солдату, что у них не так, приходилось объяснять и так далее.

Командование нашего батальона, начальник штаба нашего батальона, которые нас инструктировали перед тем, как выехать на проверку участка местности или на маршрут следования колонны, – мы проверяли дороги на минирование – иногда нам говорили при инструктаже, перед тем как направить туда, на что надо обратить внимание, что поступила такая информация, что там замечены отряды боевиков и так далее. Как

я понимаю, это местное население, которое хочет жить мирно. Они не хотели, чтобы по их домам стреляли, были боевые действия, поэтому они скрытно от других сообщали подразделениям нашим: комендатуре, разведывательным подразделениям. И мне такие задачи ставились, и в указанных местах мы более подробно обследовали местность. Поэтому я думаю, что всё-таки основная масса жителей лояльно, нормально относилась. Конечно, среди них были те, которые по каким-то причинам ненавидели – то, что там армия иностранных войск, – это понятно, но по другим ещё причинам. Я лично ещё общался на севере Афганистана, даже в тех районах, где было напряжённо и проходили боевые действия, там даже узбеки, язык которых я понимал, не были ярыми сторонниками такого: «уходите от нас», такого не было. Просто мне с ними было интересно, их взгляды на жизнь. Разговаривал, общался – нормально. Обыкновенные люди со своими проблемами – надо какие-то хозяйственные вопросы решать, подходили там и спрашивали, можем ли мы достать водяной насос. Они подходят и говорят: «Ты казах?» Я говорю: «Нет, кыргыз». И они по-узбекски меня спрашивают – это нужно, то нужно.

Я разговаривал с местными жителями, с администрацией населённого пункта, где мы стояли на блокпосту. Он был заместитель местного самоуправления и говорил, что обучался в Берлине. Я говорю: «Откуда ты знаешь хорошо русский язык?» Он говорит, что обучался в Берлине в институте марксизма-ленинизма. То есть уровень был хороший, посмотришь там. Там же грамотность низкая, 90% людей неграмотные. Редко встретишь грамотного человека, который умеет читать и писать.

По молодости я не разбирался, кто там живёт из национальностей. Я даже не знал, что их язык похож на таджикский. Один раз мы выставляли блокпост. Мы проверяли дорогу для танка, который должен был встать на блокпост. Я их не знаю, мне дают задачу сопроводить до места. Они выезжают со своей танковой части. Стою, жду со своим взводом, они становятся за БТРами взвода, и потом мы ведём их. Первый танк я выставляю на указанном месте, потом – второй, третий и так далее. И вот один раз за мной танк ехал, у него был открыт люк механика-водителя. Механик-водитель высунул голову и ехал. У меня во взводе было три БТР-70. Я на своём ехал БТРе. Скорость движения в населённых пунктах небольшая. Почему, потому что людей много, вот эти их тачки, на лошадях, на ишаках. И вот один на ишаке прошёл местный, остановился за БТРом и начал разговаривать. Думаю, с кем он разговаривает, смотрю, а

он разговаривает с механиком-водителем. Тот высунул голову, остановил танк и с ним разговаривает. Я такой: «Ничего себе, ты что, знаешь их язык?» «Да, – говорит, – знаю». «Откуда ты знаешь?» «Я же, – говорит, – таджик. Я понимаю». Вот тогда я первый раз узнал, что таджикский язык похож на афганский. Потом уже я много раз встречал, на КПП специально выставляли солдата-таджика, который переводил местным, которые туда приезжали. Там были пуштуны, узбеки, таджики были. Я на узбекском разговаривал с ними. Даже таджики, которые живут в северных провинциях Афганистана, они понимают по-узбекски.

В полевых условиях когда размещались, мы устанавливали минные поля и сигнальные мины. Сигнальные мины с растяжкой, если заденут – издаётся звук, и ночью особенно хорошо, ракетница выстреливает. Ты видишь, откуда кто-то пытается войти в зону. И многие либо по указанию, либо специально лезут на минное поле. И приходится кричать, ругаться – эй, обходи. Некоторые не понимают до тех пор, пока не вытащишь автомат. Автомат – это серьёзный аргумент. Бывали случаи, когда приходилось предупредительные выстрелы в воздух делать. Но это было редко. В большинстве случаев нам удавалось находить общий язык в то время. Может, для других была проблема… Иногда приходилось проходить через населённый пункт пешком. И когда мы проходили, там топчаны есть. Чайхана, аксакалы сидят. Я, как нас воспитывали в селе: «Ассалом алейкум». Они так на меня смотрят и отвечают: «Алейкум ассалом». То есть нормально.

Это потом, когда нас вывели оттуда. И через два-три дня создали сводную группу и обратно нас закинули, потому что надо было из Таликана обеспечить вывод пограничников. Сводный отряд – это артиллерия, десантно-штурмовой батальон, автомобильное подразделение, в том числе и инженерные подразделения. Вот тогда сразу почувствовалось, что атмосфера поменялась. Сразу начались обстрелы. Многие блокпосты были разрушены. Многие из правительственных войск были убиты. Тогда они враждебно смотрели: вы же уходите, давайте быстрее уходите. Видимо, некоторые из них думали, зачем вы нас бросаете.

Я лично в 88-м году думал, что если нас выведут, они успокоятся. Главный же враг – мы. Мы же иностранные войска – может, они перестанут воевать. Я так думал. И потом, когда нас вывели, а потом через два дня закинули обратно и я увидел, как они друг с другом воюют, убивают, вот тогда я подумал: «Нет, здесь мира не будет. Мы уйдем, они будут друг с другом дальше воевать».

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций? Были ли специальные программы по психологической реабилитации военных? Если да, кто проводил их и в каких случаях?

При Советском Союзе у нас не было такого вида обеспечения, как адаптация, или лечение, или восстановление психологии после боевых действий. Почему я так говорю, потому что я ощутил это на себе, но надо было. Надо было организовать и любому военнослужащему пройти. Это потом я узнал, что в Соединённых Штатах и в других армиях такая служба существует и обязательно ветераны или участники боевых действий проходят как бы восстановление. У нас такого не было, может, и было, но лично я этого не проходил.

На чём это отразилось? В отпуск я домой приезжаю, и мне родители говорили, что я сильно изменился, ушёл в себя и так далее. Ну и другие проблемы, например, мне мама рассказывала, что раньше чтобы тебя разбудить ночью, мы очень старались, ты спал очень крепко, сейчас всю ночь шумел. Когда первую ночь я приехал после Афганистана домой, мне мама рассказывала, что я всю ночь не давал им спать. Снится кошмар, что на тебя идёт человек с автоматом, а ты стреляешь – и не получается выстрел, или не можешь магазин пристегнуть, или не можешь своевременно патрон зарядить. Даже жена моя говорит, когда начинает колотить меня ночью: «Я вот так провожу, – говорит, – у тебя кожа становится гусиная от напряжения». Конечно, всё это на здоровье обязательно будет влиять. Именно по психологии надо было восстановиться, потому что когда с минного поля вытаскиваешь человека, видишь кровь, вот это всё – это стресс, большой стресс.

У нас в советское время были очень сильные офицеры, заместитель командира по политчасти. Морально-психологическое обеспечение входит в их круг обязанностей. Может, существовали какие-то руководящие документы, но лично я не прошёл, потому что нас вывели на территорию Таджикистана, и после этого сразу в Термезе погрузили технику и отправили в танкоремонтный завод или ещё куда-то. У нас оружие там сразу в Термезе всё собрали, и потом на автобусе мы поехали на территорию Таджикистана в Куляб. И оттуда мы сначала передали личный состав – то есть солдат, которые не дослужили. Которые дослужили, пошли уже на демобилизацию. Которые ещё не прошли – они были распределены по округам. После этого нас, офицеров, привезли в Душанбе и стали распределять. Вот там нас спрашивали, кто где хочет служить. У нас были льготы после службы в Афганистане; куда хотели,

туда пытались направить. Конечно, не у всех получилось. Многие поехали служить не туда, где хотели. Были люди, которые попали в Германию, – в то время это считалось хорошо, потому что процесс объединения, там можно было машину купить, ну, и так далее.

Доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень распространения употребления наркотиков (какие?) среди советских военнослужащих?

Там был чарс. Чарс – это гашиш, на пластмассу похоже, вот такой пластилин, они были в пакетиках. Я не разбираюсь, но, по рассказам, они сильно действуют. Допустим, я встречался с офицерами, из которых некоторые курили.

Насчёт водки – как обычно, по праздникам, если достанет. Водка на территории Афганистана очень дорого – это же запрещено, и местные коммерсанты, если даже и продают, то они особо и не оглашают, что они занимаются таким видом деятельности. Или не знаю, по каким-то причинам там водка очень дорогая. В батальоне многие, чтобы отпраздновать день рождения или какой-то праздник, ставили брагу, самогон и так далее.

Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан?

Конечно, хотелось посмотреть, где мы проходили службу со своими однополчанами, но я понимаю, что обстановка там сейчас не та. У меня есть однополчане, которые разбросаны не только по бывшему Союзу, но и в дальнем зарубежье. С ними я по «Одноклассникам» переписываюсь. Там есть красивые места, где есть вода, где протекают реки. Хотелось бы посмотреть ещё раз.

Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации, объединяющей и представляющей интересы бывших воинов-афганцев?

Это наша проблема, в некоторых местах союз ветеранов организован хорошо, в некоторых – нет. Я живу в Ленинском районе – я его не знаю. А когда служил в Балыкчи, там немного афганцев, но мы были дружные. Здесь такого нету, потому что их много, как я понимаю. В Балыкчи я со своими до сих пор общаюсь с некоторыми.

Что больше всего вспоминаете?

Я вспоминаю местное население, мне было по-человечески жалко, что они живут в таких условиях. Во-первых, низкий уровень образования,

вернее, образования нету как такового. К учёбе есть доступ только у тех, кто имеет возможность. Сейчас не знаю как, но в то время основная масса была безграмотной. Уровень жизни очень низкий. Детей жалко – они бегают босиком, пьют из открытых источников воду, которая даже не очищается. Женщин жалко, потому что они ходят в паранджах. Было бы хорошо, если в Афганистане будет мир. А так, конечно, жалко их. Мне больше понравилось, что среди них очень много людей, которые хорошо относятся к советским солдатам, нормально общаются. Задаёшь вопрос – они отвечают. То есть у них такие же люди, как и мы все.

Положительные моменты, конечно, были. В батальоне постоянно у нас там у кого-то день рождения, кто-то по замене уезжает, были случаи, когда мы устраивали маленькие праздники. В общем, было много случаев, когда было нормально.

Фамилия, имя, отчество	**Мамаев Сагынбек Каракунович**
Национальность	Кыргыз
Год рождения	1969
Годы службы	1987 – 1989
Место службы	Баграм
Занимаемая должность во время службы	Заряжающий САУ

В какой период Вы проходили военную службу в СА СССР?

Я попал в Термез в ноябре 87-го. Там была учебка шесть месяцев. После шести месяцев 9-го мая 88-го отправили в Афганистан.

В Термезе везде войска, десантники, разведка, все части. Нас там готовили хорошо физически. Выходили на полигон, учили артиллерийскому делу. Было очень жарко. Нас обучал старший лейтенант Корушко, который прошёл Афганистан, он был наш комбат.

Учитывалось ли военным командованием СА СССР желание военнослужащих срочной службы служить в Афганистане?

В военкомате Нарына спрашивали у меня, поедешь ли в Афганистан, отвечал – поеду. Сказали: «А-а-а». Но потом в Бишкеке сказали, что поеду в Монголию. В итоге попал в Термез. Я не знал, что попаду в

Афганистан, а дома знали. Как раз, когда я ушёл в армию, вернулся мой старший брат из армии. Делали түлөө, и кто-то сказал родителям, что ваш сын поедет в Афганистан.

В Термезе один раз вывели на плац и объявили, что желающие могут остаться, все поедете в Афганистан. Вышел один казах, сказал: «Не поеду». Другие никто не вышел. Ну, они сами знают, оставили одних русских парней из Ленинграда, они очень хорошо на гитаре играли, одного русского ещё и чечена. Сказали, что они нам нужны на учебке, мы им дадим сержанта для обучения новых призывников.

Что Вам и обществу было известно о ситуации в Афганистане и действиях советских войск? Откуда Вы получали сведения (телевидение, СМИ, рассказы очевидцев, слухи)?

Я с детства сидел напротив телевизора, смотрел передачи разные и знал про Афганистан. Там мало говорили, но кое-что всё-таки было известно.

Что Вы в действительности думали о военной миссии советских войск в ДРА? Были ли дискуссии и споры между солдатами об оправдании войны? (За и против)

Обсуждений никаких не было. Говорили о том, что вот она какая война, вот какая смерть, живыми-здоровыми надо вернуться, нормально службу провести.

Расценивали ли Вы предстоящую службу в Афганистане как позитивный шаг в Вашем будущем карьерном росте, возможности получения в перспективе определённых социальных льгот, улучшения своего материального благосостояния? Были ли среди военнослужащих корыстные побуждения (контрабандный провоз дефицитных товаров и предметов, наркотики, повышенная зарплата и т. д.) для службы в Афганистане?

Офицеры были тоже по приказу, как и мы.

Один с Кыргызстана парень служил в штабе. Он сказал мне, что можно поступить без конкурса в ВУЗ, может, комиссуемся и поступим дома? Так мне предлагал уехать вместе. Сам в штабе работал. Я сказал, что нет, до конца прослужу. Он же сам комиссовался, нашёл способ. Потом я встречал его, он закончил ВУЗ.

Какие были условия службы?

Мы жили в землянках, офицеры рядом – тоже в землянках. Бани не видели. Может, те, кто был в штабе, видели условия, баню, но не мы.

Мы вшивели, от своего пота не могли сидеть. В бронежилете было жарко. Меня спасло то, что я ел много арбузов и дынь, не пил воду. Воду не можешь пить, соляркой пахло. Там трубами шли ГСМ, их охраняли специальные войска. У трубопроводчиков была тоже жёсткая служба – туда душманы ставили мины, взрывали, воровали горючее.

Рядовые получали чеков 30, сержанты – больше. Платок, варёнки, парфюмерию можно было брать, больше нельзя было. В письмах писали, что всё хорошо, а то бы не пропустили. Только номер части.

Я там служил 9 месяцев, слава богу, вернулся живым.

Я был перед перевалом Саланг в Баграме. Там ехали с Джалалабада, с Кабула, и потом их сопровождали. После нас уже никого не брали. Были там и те, кто служил по 9 месяцев, полтора года, два года. Были и дни, когда не получали продукты, когда на колонну устраивали засаду, письма не получали из-за этого.

Изменилось ли Ваше мнение и оценки в отношении причин необходимости присутствия советских войск в ДРА?

Там мы не думали, зачем мы там. Думали, что выполняем долг. Думали о том, чтобы вернуться живыми, здоровыми. Об этом задумались только вернувшись, зачем мы там были, почему там просто так погибли ребята. Когда вышел приказ о том, что будет вывод, все мы радовались, хотя я приехал в Афганистан 9 мая, а указ вышел через неделю, наверное. Очень жалко было, когда уже знали о выводе и были потери.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, в качестве кого?

Приехали в Кушку в аэропорт, и там посадили нас на 7 вертолётов и полетели. Из семи вертолётов четыре долетели, три обратно вернулись. Нас обстреляли, и поэтому вернулись. Потом чуть позже опять полетели. Прилетели в Чаугани. С учебки никого не было. Служил с теми, кто там уже был. Там были русские, казахи, украинцы. Там нас ещё месяц тренировали. Там же не как в Термезе, там летают самолёты, стреляют, и мы поняли, что это не учебка. Если в Термезе кто-то учился, кто-то – нет, то там все понимали, что нужно учиться.

Там я был на заставе где-то месяц, потом отправили в Пули-Хумри. Когда был в Пули-Хумри, начался вывод – кажется, 16 мая вышел

указ. Тогда начали выводиться с провинций. Мы их сопровождали до Хайратона. Около двух месяцев был в сопровождении, ездили туда-сюда. Потом был опять на заставах в Пули-Хумри, Баграме.

Потом нас с Пули-Хумри тоже вывели 14 февраля. Вывели в Куляб, Таджикистан и там начали распределять тех, кто не дослужил. Я попал в город Скопино Рязанской области, там прослужил шесть месяцев. В октябре 89-го года ушёл в дембель. Мы были в третьем взводе, там водитель, наводчик, командир, заряжающий и запасной, там было 15 человек. В одной роте было 3 взвода. В колону выходили все три взвода. В колоне куча машин была, конца не видно. Скажут, Кабул выводите, и мы выводили до Хайратона.

На заставе стоишь. Дают координаты, стреляешь. Прямой очень тяжёлый выстрел, на прямой, если рядом стоишь, можно оглохнуть. Дальний выстрел немного легче. Мы не спали днём и ночью. В день стреляли до 300 снарядов. Я был заряжающим. Снаряд весил 30 килограмм. Автоматика там сломалась, и всё делал руками. Там всё зависело от наводчика и заряжающего. Наводчику говорят координаты, а заряжающему тип снаряда: дымовой, осколочный, фугасный, шрапнель, там осколки покрупнее. Если перепутать координаты или тип снаряда, то могли попасть и по своим. Хорошо, по своим не попадали. Мы без приказа не стреляли, только после подтверждения приказа сверху.

Дисциплина была сильная. Потому что были те, кто уходил в самоволку и погибали. Например, шли за сигаретами, вещами, в большом городе попадали в плен. Были те, кто вернулся, те, кто нет. На посту было опасно курить, поэтому запрещали.

14 февраля выводились через мост в Термезе, рядом с местом, где я служил.

Каковы были потери наших войск в ходе выполнения боевых операций?

Потерь много было. Желтухи много было, дизентерии. Там жара, вода течёт, и многие не выдерживали, пили воду и болели.

Когда были в сопровождении, многие ребята погибли от атак, там же не только мы, там в колоне были многие на выводе: десантники, сапёры, танковые, все. Иногда стреляли по началу, иногда по середине, иногда по концу колоны. Много было препятствий, но мы не срывали соглашения о том, что выведемся до 15 февраля.

Были те, кто простудил ноги и болел ревматизмом, раненые; были те, кого стреляли на постах.

Брали ли пленных, какова их дальнейшая судьба?

У нас был переводчик-таджик, он помогал допрашивать. Сначала наши допрашивали, потом отдавали афганцам.

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск?

Мы верили афганцам, но и среди них были предатели. Они в основном свои объекты охраняли.

Как Вы оцениваете моральных дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов?

Душманов видел только пленных.

Были ли факты неуставных взаимоотношений среди советских военнослужащих? Как относились к вновь прибывшим солдатам старые военнослужащие? Оказывали они поддержку молодым солдатам, делились ли боевым опытом и профессиональными навыками? Чётко ли придерживались в боевых частях требований Устава?

Дедовщины не было, там же все с оружием. И в учебке не было, потому что все были одного призыва. Вообще такого не видел, были дружными. Комбат у нас был сильным, уставом нас сильно держал.

Учитывалась ли национальность и религиозная принадлежность советских военнослужащих при направлении в боевые части?

Специально по нациям не отправляли. Тогда же был Союз, никто не делился.

Помощь Советского Союза в развитии инфраструктуры в Афганистане и участие в строительстве различных объектов народнохозяйственного назначения? Роль и участие советских военнослужащих в реализации данных проектов?

Союз им хорошо построил. Стройбат строил. Там не все воевали, стройбат был, врачи, инженеры.

Отношение местного населения к советским солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии и оценка их роли в военной кампании в Афганистане?

Мы понимали узбекский, туркменский, но не понимали таджикского. С местными говорили по-русски через детей. За десять лет они говорили без акцента. Они продавали товары. Не видел, чтобы чарс продавали.

Маленькие дети приходили к нам, продавали товары, ботасы, варёнки, они знали русский хорошо. За 10 лет научились. Ящики от снарядов уносили афганцы и делали из них полы. Они собирали медь на металлолом.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций?

Держали себя в руках.

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли случаи принятия отдельными военнослужащими ислама или перехода в данную религию?

У нас никто не входил в религию. Я об этом не думал. Хотя было очень трудно. Иногда стреляли по 300 снарядов, спали по три часа. Оказывается, человек и к этому может привыкнуть, организм привыкает. Мы стреляли, но не видели, куда; стреляли по координатам, которые давали по приказу.

Что больше всего запомнилось?

Сидели один раз на заставе, я высунулся из самоходки – и тут пролетела пуля. На КПП начался какой-то шум. Оказывается, там один солдат игрался, целился в меня и нечаянно выстрелил. Сержант, сам кыргыз по имени Кубаныч из Кара-Кульджи. Потом его куда-то отправили, я не знаю. Тогда я подумал, а если смерть суждена, то и так можно умереть.

Один раз наводчик ошибся на одну цифру, и его потом судили. Снаряд попал на наши позиции или рядом.

Хотели бы что-то добавить?

Хотелось бы пожелать, чтобы не было войны, в наших странах был мир, все мои однополчане были живы-здоровы.

Фамилия, имя, отчество	**Мамбеталиев Болот Сасыкулович**
Национальность	кыргыз
Год рождения	1955
Годы службы	1980, 1986–1988
Место службы	Кабул
Занимаемая должность во время службы	Командир войсковой части 33860 к концу войны, военный лётчик

6 февраля 1955 года рождения. Родился в Оше, всю жизнь прожил в Бишкеке. Отец был прокурорским работником и был в Оше по ротации. Закончил 61-ю школу в Бишкеке. Поступил в Рижский институт инженеров гражданской авиации. После первого курса решил, что быть инженером – не моё. Хотелось летать. Записался в аэроклуб, чтобы летать на планерах, заниматься парашютной подготовкой. Но в связи с тем, что приболел очень сильно, чуть ли не двустороннее воспаление лёгких схватил, и от этой программы меня отстранили.

Что делать? Пошёл в военкомат, спросил насчёт лётного училища. Мне какая разница? Воздух везде один и тот же. Мне рассказали, что льготное поступление возможно после срочной службы. Я просчитал полностью алгоритмы от и до. Я до сих пор удивляюсь, что в то время я обладал определённой информационной базой, которая позволила сделать правильные шаги. Это – призваться, пройти определённое учебное подразделение, 48-ю школу, младшим авиационным специалистом, потом уйти в боевой полк в Забайкальском военном округе, там подать документы. И вплоть до того, что гланды вырезать, потому что врачебно-лётную комиссию я не пройду. Это в 18–19 лет всё грамотно и чётко – не зря же 61-я школа – закалка. Логика была нормальная.

Рапорт подал в Барнаульское училище, но там не получилось, потому что выпуск школы авиационных специалистов состоялся, и документы за мной не пришли. Я повторную попытку – уже в Балашовское училище. На этот раз получилось, потому что у меня была академсправка из института с хорошими оценками, и то, что я поступаю в училище, можно было оформить как перевод. Но так как это было лётное училище, то был отбор по здоровью и по лётной годности, поэтому пришлось начинать с первого курса. Всё удачно прошёл, закончил Балашовское высшее военное училище лётчиков в 1978 году и по распределению служил год в Алма-Ате. 53975 полк.

Ну и Афганистан начался, мы как раз 23–24 декабря в Балхаше сидели, ИЛ-76 полностью, 103-я воздушно-десантная дивизия, кругом одни десантники и самолёты. Мы-то понимали, нам уже сказали, мы работали по обеспечению, по своей задаче.

Учитывалось ли военным командованием СА СССР желание военнослужащих служить в Афганистане?

Конечно, учитывалось, на собеседовании. А я уже в Среднеазиатском военном округе, мы были уже прикомандированы в Кабул в марте месяце, полетели своим самолётом. У нас были ретрансляторы специального назначения. Допустим, между ущельями связи нет, мы в воздухе висим и обеспечиваем связь полностью. Руководство и координация боевых действий – самолёт на базе АН-26. И специальные у меня машины были – АН-30-е – аэрофотосъёмщики. Те вообще над полем и ущельями летали и полностью фотографировали, керезы даже. Под углом 30 градусов фотографировали ДШК в керезах. Ну, и детальная разведка, вплоть до того, что вычисляли под увеличительным стеклом количество боевых комплектов и так далее. Очень тонкая работа. И РР был – радиоразведчик.

Какие были условия жизни у лётчиков?

Мы жили в городке у аэродрома Кабула. Безопасная зона была над Кабулом, сам аэродром – 3 км на один. Мы взлетаем – вертушки под нами ходят. Как только где-то огонь, они тут же эту точку гасят, потому что у нас на борту и люди, и боеприпасы, и всё что угодно.

Женщин довольно-таки много было – персонал столовой, прачечная, госпиталя, молодые и красивые большинство. Без женщин тоже войны не бывает. Мы жилы в модуле поэкипажно, по шесть человек. В каждой комнате выход в коридор, оружейная, дневальный, дежурный. Когда обстрелы начались, стены начали камнями поднимать, чтобы пули и осколки не могли прошить стены, а в первую очередь попадали в камни. Лётная столовая отдельная была.

Мы жили на северной стороне от аэродрома, отдельно от гражданского сектора аэропорта «Кабул». У нас были модули и охраняемая зона. У нас строго было с фотографиями, изымали на таможне, когда выезжали, до сих пор жалею. В Союзе запрещали фото на памятники ставить, в форме. Но от кого скроешь, от народа, что ли? Уже цинки привозили, что за глупость была.

Уровень безопасности крепкий: там, в Кабуле, было два кольца. На дорогах были блокпосты. Мы поставили плиты ПАК-14 по три метра высотой, в землю врывали на один мет, и пули снайперов не мешали работать.

Питание хорошее было?

Хорошее. Единственное, ребята жаловались – это так называемый проспиртованный хлеб. Солдат у нас был, молодец, узбек-бала. «Ака, – говорит, – я тандыр сделаю, муки привезите. Не могу этот хлеб кушать». Из кирпичей сложил тандыр, испёк первую лепёшку – и там началось. Все идут, муку несут. Я говорю: «Смотри, если продашь, сразу посажу». Я потом начальнику тыла, он из Ташкента приехал, говорю: «Почему бы муку не привезти? Вы его ели, проспиртованный хлеб? Ну один, ну два раза, потом невозможно, все худые ходят. Углеводов не хватает людям, это же энергетика». Он такой: «Да, да». Калачёву сказал: «Давайте мы организуем». Начальник тыла пришёл – никаких тандыров, огонь, безопасность. Я ему сказал: «Вы же право на нормальный хлеб отбираете».

А в Джелалабаде в полку у Героя Советского Союза Очирова Валеры жёстко было. Начальник тыла с Москвы приехал с инспекцией, так его яйцами тухлыми обкидали. С таким трудом, рискуя жизнями, привозят продукты, чтобы кормить лётчиков. Яйца, шоколад – это же не так просто, работа, оплаченная кровью. И половина продукции – гнилая. Ну, война всё спишет. Это такая сволочная среда – этот тыл. Как говорил Суворов, интендант – это человек, который полгода присматривается, а вторые полгода начинает воровать, поэтому его надо расстреливать через первые полгода, ну, смысл такой.

Нельзя сказать, что все тыловые были такие. Я знаю точно, начальник продовольственной службы в Файзабаде умудрился кормить ребят дичью, добываемой нашими снайперами, выменивал керосин на фрукты, овощи и рис у местных сельхозпроизводителей. Аэродром «Файзабад» один из сложнейших для захода на посадку. Там настолько крутое ущелье, под 45 градусов, и вот на дне – посадочная полосочка. Мне нужно сесть, а здесь 150–200 метров – это лазуритовый карьер. И там на дне лежат несколько самолётов. Не успел затормозить – туда ушёл. А я всегда садил машину впритык и успевал на половине полосы свернуть в сторону аэропорта. По ущелью идёшь, и там блокпосты стоят, и ребята машут – через иллюминаторы видно. Взлетаешь на Чёртов зуб, а там ДШК стоит. Потом через перевал – и ушел на Кабул.

Больше всего запомнилась операция «Магистраль» и наше участие. Там ребята просто просили: «Хлеб привезите». Мы вообще были в трансе, мы в столовой своей два мешка хлеба набрали и привезли в Хост – они были заблокированы, и мы туда самолётами боеприпасы и всё остальное привозили.

Артисты приезжали?

По-моему, театр «Современник», театр Советской армии и Гафт были. Кобзон чуть ли не каждые 2–3 месяца приезжал, концерты давал. Жалко, что там Высоцкий не появился. Его специально не пускали. При его уровне популярности он бы после Афгана такое написал, да ещё если бы он слетал с нами, он бы понял всё. Сила искусства в чём заключается? В том, чтобы донести, а то, что я рассказываю, это так отдалённо.

У вас проводились политинформации? Насколько отличались официальные заявления руководства СССР в отношении Афганистана от реальной ситуации?

Времени на политинформацию не было. Были какие-то попытки замполита что-то сказать, но кто его будет слушать? Там ежедневная напряжёнка до такой степени, что с этим автоматом дырка в комбинезоне была, постоянно таскаешь АКСУ. Нас учили, если выпрыгнешь, то, как говорится, подороже жизнь отдай. Поэтому там инсинуации политического плана не были актуальны.

Мне очень нравился мой замполит, заместитель по политической части, в это время он был по работе с личным составом. Был приказ назначать только лётчиков первого класса. Но все лётчики с замполитской работы – да ну его… поэтому его чуть ли не пинками загнали на эту должность. И вот он выходит: «Так, значит, сказали вот это вот, вот это вот, всё ясно?» Ровно 15 секунд – и вся политинформация. Я говорю: «У тебя большое будущее, в военно-политическую академию тебя засунут – и ты за 15 дней её закончишь». Но как лётчик он ас.

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск? Как часты были совместные операции, и какая роль отводилась в них афганским союзникам?

У Афганистана была авиация. Советский Союз их хорошо снабдил – и самолёты, и вертолёты были. Но самое главное же в этой ситуации – люди. Здесь их научили, отдали самое лучшее. У них была техника – АН-32, мощность двигателя в два раза больше, чем у нас. Мы работали на

АН-26-х, а у них АН-32 были. Вообще суперсамолёты. С любой высоты, с любой площадки – 300 метров им площадки достаточно было для того, чтобы взлететь.

Что они делали – это надо спросить у советников. Они отдельно были.

С особистами какие у вас были отношения?

С особистами у нас были хорошие отношения. Был парень с Алма-Аты, который курировал нас. Он меня знал, мы раньше вместе в части были, встретились: вай-вай-вай. Он всегда приходил просто посидеть чисто. Я понимаю, что и по работе тоже, но он напрямую меня спрашивал: «Боке, вот как вот это, потому что мне надо отчёт писать» – и т. д. Мы с ним не делали секретов, я сразу говорил, оперативка такая-то без всяких там проблем. Он прекрасно понимал уровень риска нашей работы, я его специально с собой в кабину брал несколько раз, чтобы понял, что мы можем и не прилететь обратно. Он к нашей работе относился с большим уважением.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций?

Там нет аппетита, и, видать, работа мозга чётко упорядочена – предохранение идёт. Не переживаешь бурно, эмоции не раскладываешь ни влево, ни вправо. Всё это накапливается, конечно. В день рождения я экипажам делал выходной, разрешал отпраздновать. Они празднуют день рожденья, веселуха. На следующий день они с похмелья в баню – и готовность к 15.00. Приходят, ребята готовые, но зато никаких проблем.

Участвовали ли Вы в боевых действиях?

Прикомандирован был в 80-м году, там отработали мы 2 месяца, потом в 86-м тоже где-то и потом 87–88 годы с лишним получилось – в сумме два. У лётного состава – один год, я имею за все периоды более 640 боевых вылетов, потому что интенсивность очень большая.

Там может быть боевой вылет 15–20 минут, а может 6 часов. Пехоте чем хорошо – у них боевой выход – чик – отработали и снова задвинулись. Они могут месяцами сидеть, а могут в неделю два раза выйти. Всё зависит от обстановки, планирования. А у нас постоянно, постоянно. Это подразделение пехоты работает, и идёт авиационное обеспечение и прикрытие. Вертолёты поехали, истребители и т. д. Другое подразделение

– опять авиационное обеспечение. Содержать авиацию – это дорогущее удовольствие, оно почти в 17–27 раз более объёмное и затратное. Начиная от доставки топлива, сколько наливников подожгли, сколько ребят погибло. Трубопроводы тянули – это вообще эпопея. БАМ нервно курит в сторонке по сравнению с напряжением, которое ребята там испытывали. Три трубопровода: по одному течёт керосин, по второму – солярка, по третьему – бензин. И вот это всё надо охранять от Термеза до Кабула, через перевал. Наливняками всё не перевезёшь, ну что такое 40-я армия – огромное количество техники, которая жужжит с утра до вечера. Чтобы положить бомбы как положено, плюс минус 2–3 метра, 250-ку или 500-ку – это достигается какими тренировками, сколько керосина уходит, сколько бомб надо скинуть, сколько обеспечения, самолёты, ресурсы. Это очень тяжёлый комплекс, но эффективный. Что такое авиация – это самая длинная рука, которой государство может достать. Пехота должна работать после интенсивной работы авиации и артиллерии. После них должны идти люди и рисковать своими жизнями.

Специфика работы нашего подразделения – это весь Афган. Базировались в Кабуле. Ну, в первую командировку мы были прикомандированы в Джелалабаде. Там мы работали по операции в Кунарском ущелье, очень серьёзная операция, там вертолётный полк работал в поддержке пехоты.

Линия Дюранда между Пакистаном и Афганистаном, она условная, там никаких проблем не было, никаких проверок там не было, как они жили, так и жили. И, естественно, в Пакистане база тех, кто хотел свергнуть НДПА. И оттуда первые боевые действия именно в Кунарском ущелье. И вот первый боевой опыт ребята там получили – вертолётный полк непосредственно работал.

Я был рабочим войны, летали мы с большим напряжением и по 16 часов в воздухе висели. Этот кошмар и постоянный гул на уровне 115 децибел – двигатели по 2800 с лишним лошадиных сил в каждом двигателе. 5000 лошадей – всё это гудит 16 часов.

Спали урывками, чтобы заснуть, нужно было чем-то накрыться. Матрасом накрывались, чтобы голова не гудела. «Стингеры» появились в 85-м году. У нас была ответка – «Стрела». Она по эффективности с коэффициентом 0,8–0,85 сбивала воздушные цели. И в то же время дёшево и сердито. Что такое одна «Стрела»? Может сбить ИЛ-76, стоимость которого с боеприпасами на борту, допустим в 25 тонн, сколько топлива и стоимость самой машины. Одним «Стингером» – его стоимость ну, сколько, ну, 10–20 тысяч долларов, а здесь-то 200 миллионов.

Blue-Pipe нам разведка докладывала, было штуки две. Они не очень эффективные, за ним тянется провод, там мороки очень много. А в «Стингере», как только сработала система наведения, мигать перестала, тырс на кнопку, всё и забыл. Ракета ушла и работает в привязке с тепловой головкой.

Наши потери вертолётов – 334, по некоторым данным – 336. Туда входит все, из них добрая половина – это «Стингеры», то есть эффективность вот такая. Из самолётов 58 по-моему, если я не ошибаюсь. Это можно в интернете найти, 58 машин различных типов. Афган – это серьёзный боевой опыт в современных условиях.

То есть имея боевой опыт, ты уже соображаешь совсем по-другому. Ты уже не будешь, как командир полка, на БТР сел – и шашкой, а тут четыре душмана тебя остановили со всей твоей техникой в 400 единиц – и расстреливает, сколько трупов. А вытаскивать, а там мины поставили. По дороге те, которые вытаскивать едут, на мины напоролись.

Какой кровью заплатили за этот опыт. Полк заходит в ущелье – 4 душмана. Камень на дистанции горной дороги, он достаёт гранату и – бум – камень покатился – и на дорогу. Ни БТР ни пройдёт, ни танк, и вот они застряли, целый полк. И с этой стороны тоже – раз – и осыпь сделали. Полк растянут, с двух сторон блокирован. И они вчетвером из Бура стреляют. Что такое блокировать целый полк четырьмя человеками. Это высочайшая эффективность. Это не надо «Градов», не надо артиллерии, ни авиации, ничего. Нужно четыре соображающих душманина.

Для чего учились лётчики, артиллеристы, чтобы цель наземно долбануть – всё, чтобы пехоту не пихать, чтобы в друг друга не стреляли – уменьшить огневое воздействие на личный состав. На дистанции, лётчик заходит с дистанции 1200, пустил ракету и ушёл. Безопасно? Безопасно, конечно. И самое главное, эффективность в чём заключена? В том, что после получения оперативной информации проходят считанные минуты. Поднимается истребитель-бомбардировщик. В воздухе ему уже говорят квадрат, цель. У него изучено уже, он готов на район боевых действий. Зашёл, гашетку нажал – тув – сколько там, выжег землю там сто на сто. Все душманы, которые там прятались, – все на ноль. Ребята сидят спокойно – всё? Всё. Трупы душман подсчитали, отчёты написали. Зачем стреляться с ними, он же на высоте находится, он же с детства вот этот Бур, с 3–4 лет начинает осваивать. Даже не представляешь, насколько они метко стреляют.

Что такое на удалении полтора километра снять мелькнувшее? Выглянул – и в лоб. Для Буров стали делать специальные оптические

прицелы. Патрон для Бура почти в два раза больше пороховой заряд имеет, чем стандартный того же калибра. Поэтому у неё и дальность 2–2,5 километра. Это очень большая дальность.

Это, конечно, жестоко – приучать ребёнка убивать с такого возраста, но это факт. Даже в песне поется: «Бача подвёл потерей роту».

Авианаводчики работали отчаянно, на пределе. Там списанные ребята были, по здоровью, там, не получилось – физически здоровый, но к полёту негоден, бывает такое. Потом закончившие технари, соображающие, очень много. Тактико-технические характеристики летательного аппарата знают, и знают возможности. Коррекция огня, она представляет собой определённый комплекс знаний, необходимых для того, чтобы и с безопасной дистанции он долбанул. Потому что если там ДШК, то напрямую на ДШК его нельзя посылать. Нужно грамотно к этому делу подойти. Если заход от солнца сделать, то он никогда не прицелится, и вероятность его сбить практически за двумя нулями находится.

Вот торчат душманы – зелёнка, авианаводчик находится на передовой. Риск быть накрытым своими или душманами многократный, даже по сравнению с теми, кто находится в пехоте. Ребята, которые здесь выживают, – они отчаянные, и водку жрут непомерно, и ругаются, потому что чувствуют себя героями. И, естественно, за успешное удачное наведение на душманов любой командир подписывает наградную – ребята сделали то, что нужно. Точно навели – и с вертолёта долбанули. Любой командир понимает, авиация хорошо сработала – всё, у него не будет потерь.

Каковы были потери наших войск в ходе выполнения боевых операций?

Короче, вот у меня 640 боевых вылетов. Я закончил войну в Афганистане командиром войсковой части 33860. Самое главное – командир войсковой части – он подписывает похоронку на погибшего солдата, прапорщика, офицера, то есть военнослужащего части. Так вот я ни одной похоронки не подписал, чем горжусь и радуюсь каждый раз 15 февраля. Борис Всеволодович Громов троих нас на совещании поднял. А у этих, говорит, ребят нету боевых и нёбовых потерь… И я надеюсь, когда там наверху нас будут распределять… попаду в ангельскую эскадрилью! У него как у командира не было ни одной потери.

Как же мне повезло. Как же я хорошо чувствую, что ни одна мать… Что такое мать, которая получает в цинке своего сына? Какие слова

говорят матери тем ребятам, которые сопровождают. Что такое потерять сына! Мать, отец сидят, дедушка, бабушка, родственники. И они знают, что он является его командиром, и вина вот этого человека им очевидна. У них логика такая. В отчаянии, в горе. Многие рассказывали, всё, командир, я не поеду, хоть что делайте, хоть дезертиром меня называйте.

Говорят в Афган послали разгильдяев, но я думаю, что эти разгильдяи и были самые честные и неугодные. И он от него пытался избавиться всегда в первую очередь. Мы сами воспитывали себя, ещё как. Если он какашка, то сразу видно, если нормальный, то с ним и, как говорится, в разведку.

Формирование экипажей было на мне. И там иногда приходили и говорили, что я не полечу с этим командиром. Почему? Потому что я ему не доверяю. В чём основание, пожалуйста, подскажи мне? Потому что я должен принять решение на основе чего-то, а не на твоих словах. Твои слова пока что для меня ничего, если не будет основания. Вот мы заходили, он допустил ошибку, вот такую, такую. В следующий раз, я чувствую, это будет в последний раз. Потому что на предельных режимах мы эксплуатируем машины, там достаточно ошибиться в скорости на 5 км/ч. При так называемом вертикальном афганском заходе до 20 метров в секунду машину бросаешь. И здесь очень точная координация должна быть и слаженность работы экипажа: штурман, второй пилот, командир. Я своих всегда вывозил до конца. До тех пор, пока я им не надоем, и они мне. Поэтому у меня ни один не погиб. Я их вывозил, вывозил до тех пор, пока у меня на душе спокойно и я буду точно знать, что он в любой ситуации окажется на высоте и выйдет. И только после этого я переставал вывозить.

Что такое «вертикальный афганский заход»?

Вертикальный афганский заход идёт по воронке на предельном режиме. Почему? Потому что за пределы аэродрома если выходишь, там зелёнка, и любой может, как говорится. А здесь – чтобы уместиться на полосу в охраняемой зоне, чтобы не достать и туда не уйти, в бутылочное горлышко, и на последнем заходе, на крайнем, чик, садишься. Это начали применять, когда начали сбивать. Когда «Стингер» появился. Потом ночные полёты стали. Почему мы на ночь перешли? Стингер, он видит, летит. Ставит на траекторию, оттуда контраст температурный работает на наведение. Лампочка перестаёт работать, и в этот момент в течение 40 секунд после того, как химический аккумулятор у него включён, он

кнопку нажимает – и ракета уходит. АСУшки помогают, но интенсивно их стали применять после Стингеров.

Были данные, что с Пакистана поступило туда, туда и ребята на вертушках по этим караванам, которые с Пакистана идут, грузы полностью шерстили. Но всё равно проходило.

Кстати, первый «Стингер», в Калате который взяли, я вывозил из Кабула в Ташкент.

Расскажите об этом подробнее?

В 1986 году. На 10 тысяч мы загнали машину, потихонечку полетели в Ташкент. Два самолёта в готовность было поставлено на аэродроме, потому что после того, как взяли эти комплекты «Стингера», американосы тут же начали готовить диверсионные группы, чтобы не вывезли его. Почему? Потому что они прекрасно понимали, что если «Стингер» попадает в руки, то посмотрят, самое главное, недостатки конструкции в нашу пользу.

Взял майор Иванов. Приказом министра обороны должны были дать Героя тому, кто возьмёт «Стингер». Мы потом его судьбу узнали. Такой десантник, маленький крепыш. Он был упрямый, себялюбивый, никого не слушался, то водки выпьет, и замполиты ему мстили. И вот в Ташкент мы его отвезли. Стоят два самолёта в готовности, и непонятно к какому подъедет БТР. У всех задания одинаковые. А мы там на дальней стоянке, думаем, к нам не подъедет ничего, потому что там основная стоянка. И раз – к нам едет. Вот такие меры безопасности были приняты. Время вылета не было известно и маршрут. Есть прямой: Термез – Кабул. Мы левее взяли на 6 километров, левее оси трассы. Почему? Потому что могли на перевале встретить. Прилетели в Ташкент, там ТУ-134 и БТРы кругом.

Была какая-то перестраховка. Когда «Стингеры» взяли, Вашингтонский обком за голову взялся, срочно ликвидировать. И здесь разговор шёл, что самолёт – это самое уязвимое. В воздухе долбанут – и наши истребители встали, потому что с Пакистана могли F-16-е уйти и долбануть его с высоты. И никто ничего не знал, чтобы не было утечки информации.

Какой опыт Вам дал Афганистан?

Я командиром эскадрильи пришёл в 50-й полк, а рядом 339-й. Тот, в котором я заканчивал. Там командира сняли за то, что самолёт взлетел

в Иран и штурман покончил самоубийством. Там прошерстили, кого назначить? И, естественно, того, кто имеет опыт. «Вот имеет опыт». «Но он же недавно пришёл?» «Нет, он говорит, с 80-го года здесь». «Всё, назначаю». А потом через два дня вызывает меня командующий ВВС, Герой Советского Союза Виктор Севастьянович Котов:

– Приезжай, нужно побеседовать.

– А тема собеседования какая?

– Ну, назначение тебя командиром войсковой части 33860.

– Так уже приказ же состоялся, – говорю.

Ну, собеседование провести – формальность. Я приехал да просто поздороваться. Ну, генерал-майор, герой Советского Союза, в то время уже. Здоровый мужик. Поразительное мышление. Постановка задачи: вот это, вот так. Он индивидуально мне ставил. Он тонкости такие вытаскивал, которые помогут мне принять решения. Он не по-академически, нет, война сразу шлифует. Человек становится сразу настолько изящно хорошо мыслящим, он понимает многие вещи, настолько глубоко проникает. Точно так же профессионализм приходит, когда ты в машине летишь, ты нервами прорастаешь.

Вот шум двигателя 115 децибел, я сижу на своём рабочем месте, 33 метра сидит механик в самом конце у грузолюка. У него с кармана падает связка ключей, я нажимаю кнопку: «Что там у тебя выпало?» «Ничего, командир, всё нормально, гидросистема нормально, всё работает». «Я говорю, что у тебя выпало?» Он так – раз-раз-раз – а у него на шнурке связка ключей: чик-чик-чик… И вот я до сих пор думаю.

Летишь, скорость 500, вертикальная скорость снижения, мы на спор по секундомеру проверяли, 25 сантиметров в секунду выдерживали, а разметка один метр в секунду вариометра, показывающего снижение и набор. Вот как? Я до сих пор думаю, неужели только на интуиции и на этой стрелочке и технике пилотирования? Это не то что миллиметровые, это микронные движения на штурвале. Там вообще градусы в секунды. Одна четверть одного деления, 25 сантиметров в секунду. А заруливание – это вообще. Два самолёта, и между ними надо уместиться. Там склон небольшой есть, я заруливаю, отключаю двигатели и чуть-чуть шевелю руль, и он задом, задом, задом между двумя самолётами. Концовка крыльев между самолётами – ровно спичечный коробок. Вот как такое можно, зомбирование, долетаться до такого состояния. Я пришёл 93 килограмма, и за три месяца – 78 килограмм стал. Это сколько килограммов я потерял.

Уровень близости к экстремальной ситуации диктует совершенно другое поведение человека. С одной стороны, природа – суровая. Горы молодые, угол острее. Может быть, и неправильно, что мы от трудностей молодёжь отстраняем. Пытаемся сами, но мне кажется, что каждому поколению свои трудности должны быть, обязаны, иначе как закалку пройти? Смотришь, как убогие формы воспитание принимает – не хотелось бы, надо возродить традиции. Надо обязательно для парней военную подготовку – и не так, как сейчас понапридумывали, по 6–8 месяцев. Реальная, нормальная должна быть закалка для мужчины на всю жизнь. Раньше девчонки не выходили замуж за белобилётчика, который откосил от армии. Вот в чём проблема, мы не видим мужчин, мы видим приспособленцев, чимкириков и всех остальных. У нас общество лишено людей, которые могли бы чётко, конкретно отстаивать интересы народа. Хотелось бы, чтобы наше общество всколыхнулось, последнее, что я увидел, – это такое стремление к справедливости, что я даже поверил, что надежда наша оправдается. Я поверил, честное слово.

Фамилия, имя, отчество	**Мамбетказиев Төлөсүн Абдрахманович**
Национальность	кыргыз
Год рождения	1961
Годы службы	1981 – 1983
Место службы	Джелалабад
Занимаемая должность во время службы	Оператор-наводчик БМП-2, 3-я рота, 1-го батальона 66-й отдельной мотострелковой бригады

В какой период Вы проходили военную службу в СА СССР? Имели ли Вы какое-нибудь образование или работу перед призывом на военную службу? В каком военном округе, воинской части Вы проходили первичную военную подготовку?

Родился 10 ноября 1961 года в городе Нарыне. Учился с 1968 до 1976 года в школе имени Токтогула Сатылганова до 8-го класса. С 76-го до 79 года учился в нашем ПТУ, и в 1981 году 4-го апреля был призван военкоматом Нарына в ряды Советской армии. Привезли в Бишкек на полигон Ала-Тоо в Кой-Таше. Там после бани раздали форму, мы не узнали друг друга в форме, были как близнецы. Сразу выдали двойную форму, летнюю, зимнюю, дали паёк на трое суток. Из Бишкека на поезде поехали в Ашхабад. Проходил учебку в столице Туркмении городе Ашхабаде, в первом городке, где специально готовили к Афганистану. В Ашхабаде ездили на полигон в горах, автомат, вещмешок 16 килограммов. Горная подготовка была. Тактика была, усвоил БМП-1, БМП-2.

Знали ли Вы о предстоящем направлении Вас в Афганистан?

В военкомате мы уже знали, что попадём в Афганистан. Там по номерам частей узнавали, кто куда едет, а в Ашхабаде тогда уже готовили к Афганистану.

Учитывалось ли военным командованием СА СССР желание военнослужащих срочной службы служить в Афганистане?

В первом городке нас построили на плацу и спросили: «Вы готовитесь в Афганистан, вы поедете туда?» Мы сказали, что поедем, тогда же Союз был, никто не давал отказа. Никто не вышел, не сказал «нет», тогда же порядок был сильный.

Были ли Вы и другие военнослужащие информированы о причинах необходимости присутствия советских войск в Афганистане?

Нам объясняли, что мы едем туда улучшить жизнь афганского народа, там же ещё стройки были, стройбат туда ездил, короче. Тогда же мы зависели от Москвы, Брежнев решал. Он договорился с Бабрак Кармалем, что поможет войсками, и, короче, ввёл войска со Средней Азии. С другой стороны? Была помощь, в Кабуле стройка была, школы появились, избавлялись от неграмотности.

Какие были условия службы?

Где-то в октябре-ноябре 1981 года я поехал в столицу Афганистана Кабул, и оттуда отправили служить в провинцию. Из Ашхабада в Кабул мы прилетели самолётом. Там нас построили и поделили по командам, кто останется в Кабуле, кто в Джелалабад поедет и так далее. Мы попали в 66-ю отдельную мотострелковую бригаду в Джелалабаде. Я служил в 3-й роте 1-го батальона бригады. Сейчас по телефону общаемся, все есть в контактах. Недавно ездили в Душанбе наши ребята. Там были миномётные, танковые, пехотные части, десантно-штурмовой батальон.

Я один раз потом приезжал в Кабул в сопровождении, чтобы забрать продукты, когда мы стояли в местности Самархель, провинция Джелалабад.

Нам давали чеки, там работали буфеты, мы брали пряники, печенье. Мы взяли по одному подарку, взяли матерям платки. Тогда разрешали брать только по одному подарку. В основном брали часы. В самоволку никто не выходил, опасно же. Иногда, когда в колоне останавливались, что-то брали в кишлаках, но всё равно было страшно. Таджики с ними разговаривали, у них язык с пуштунами, как у нас с казахами разница.

Жили в палатках, в землянках. Там постоянно меняли на постах в течение трёх месяцев: первый, второй, третий, четвёртый посты. Первый пост был около туннеля, второй пост и третий и четвёртый – охрана дороги до Джелалабада. Там жили в землянках. Много болели желтухой. Замполит проводил политинформации, приезжали артисты, было два концерта певцов из Союза.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, в качестве кого?

Наша 66-я бригада была где-то в 60-ти километрах от Пакистана. Мы их называли моджахеды, душманы, а они нас называли шурави. Я ушёл на

дембель в 83-м году. Там 18–19-летние ради спокойной жизни афганского народа, ради людей несли службу. Тогда было много хороших вещей, стройки были, 18–19-летние ребята из Советской армии так помогали афганскому народу. Было много операций. Расскажу один эпизод.

Первый бой был у кишлака Митерлан, там погиб один узбек, парень Эргешов. Наши тоже смелые. Там стреляют с гор, но мы отстреливались. Боимся, что погибнем, но всё равно берём в руки автомат и стреляем. Чтобы не умереть, за камни, в ямы, щели заходишь. Они же с гор нас видят, а мы их не видим. Пули рядом падают. Потом по разным сторонам идут отделения. И идёшь в горы, там стреляешь, даже не знаешь, куда. Они нас видят, мы их – нет. Потом дошли до хребта, там увидели нескольких, в штанах своих бегали. Там погибло двое после того, как перешли хребет. Они их тела не забрали и убежали. Мы тоже не стали их трогать и там бросили. Скорее всего, они погибли, когда их атаковали вертолёты НУРСами. Там их погибло двое или трое. Там я видел первых убитых душманов.

В Панджшере были сильные бои, когда переходили через реку. Там же была армейская операция армии Громова. С той стороны горы, с этой, в центре пехота, там десант, в общем, все делали прочёсывание. Вначале пошли бомбардировщики, самолёты СУ, потом вертолёты стреляли НУРСами, потом только пехота пошла. Мирные жители убежали, дома остались.

В 1982 году, короче, были сильные сражения в Панджерском ущелье, родине таджика Ахмад-шах Масуда. Там было много потерь. Из нашего 81-го призыва из Нарына погибло трое парней: Базек, Алмаз, Табылды. Мы вместе отсюда 4-го апреля 81-го призывались. Было много битв, столько техники потеряли, столько молодых ребят потеряли. Панджшерская операция длилась 15 дней. Мы смотрели за дорогами, смотрели за туннелями, чтобы их не подорвали. Выходили на засады, перехватывали много оружия душманов.

Как-то вышли на операцию в местность Тура-Бура. Мы где-то два-три дня не могли взять её. Наступаем, они стреляют, мы останавливаемся. Мы выходили на дежурку, там по двое стояли, двое отдыхали. Спать особо не могли, от взрывов и стрельбы было светло как днём. Там не думаешь о сне. Думаешь, как остаться живым-здоровым. Зато потом устаёшь сильно. Был только сухпаёк, нельзя пить с ручьёв, воду брали только с бурдюков. Только на третий день взяли. Там в пещерах нашли много боеприпасов, мин, английских, китайских. Раскидали много бумаг.

В Панджшере в начале ущелья была алмазная руда. Ахмад-шах Масуд там много воевал.

В остальном, в месяц где-то дней десять уходило на выходы, на засады. Вечером одно отделение из роты выходило на засады, смотрели за дорогой ночью, чтобы не ставили мины. Наблюдали за дорогой через ночные бинокли. Зима у них не такая холодная, в самый пик – минус 5 там, где мы были, а так снега не так много. Но у них тоже есть север-юг. Есть места, где много снега, есть – где мало. У тех же наших памирских кыргызов постоянно же зима. У нас ближе к Пакистану было мало снега. Там и зимой стояли в ночных засадах. Немного общались, сигареты курили, спрятав их в фуфайке. Нельзя было, они же стреляют прямо в лоб.

Замполит говорил, что на операциях есть потери, говорил, чтобы мы держались, дисциплину соблюдали. У меня была книга, там я посмотрел, что в то время было больше потерь в наше время и больше всего операций в период 1981–83, когда мы там были. А сколько техники пострадало, в Панджшерском ущелье столько техники потеряли. Стреляли из НУРСов и ДШК, я видел два подбитых вертолёта. Там столько техники разбитой стоит. Мы выходили с сопровождением с Джелалабада до Кабула, по Салангу ездили, по перевалу. Пока едешь, боишься, откуда будут стрелять. Сверху вертолёты летят. Пару раз подрывы машин были. Их просто толкают к краю дороги и дальше едут. Машины остаются, их не берут на буксир для ремонта. В одной колонне были около 50 машин, там везут горючку, продукты, боеприпасы. Всё возили с Союза через Кушку, Термез, Таджикистан.

Имеете ли Вы боевые награды за участие в них? Какие и за что?

Я награждён медалью «За отвагу» за Панджшерскую операцию.

Были ли Вы ранены?

До конца был в Афганистане, один раз лежал в госпитале в Ташкенте. У нас БМП-2 было, механик-водитель Маматов Сагынбек с Ак-Талы, мы попали с ним на мину, на фугас. Осенью 82-го года в провинции Лагман у кишлака Митерлан. Я был оператором-наводчиком. БМП ремонту не подлежал. Когда взорвались, была контузия, и оба лежали в госпитале где-то три месяца, потом обратно отправили в Афганистан.

Брали ли пленных, какова их дальнейшая судьба?

Мы брали пленных часто. В бригаде была камера, построенная из камней, там держали. Надо же их проверить. Виновных задерживали, невиновных отпускали, наверное.

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск? Как часты были совместные операции, и какая роль отводилась в них афганским союзникам?

Мы пару раз выходили на операции с афганской правительственной армией, но в основном были советники, которые говорили, куда идти. С ними работали командиры, а мы подчинялись приказам. Скажут «вперёд» – и мы шли, мы же только выполняли приказы. «Есть, так точно, разрешите идти» – такие три слова говорили. Советники приходили, говорили: «Давайте готовьтесь, завтра выходим». И мы выходили, вот.

Как Вы оцениваете моральных дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов?

Там не было открытой войны, горная война была. Днём они ходят нормально, ночью душманами становятся. Непонятно.

Были ли факты неуставных взаимоотношений среди советских военнослужащих?

Дедовщины не было. Какая там дедовщина? Застрелят же, у кого нервы слабые.

Учитывалась ли национальность и религиозная принадлежность советских военнослужащих при направлении в боевые части? В каких частях наиболее широко представлены выходцы из республик Средней Азии и Кыргызстана? Почему?

Многие были с Центральной Азии. Возможно, из-за близости климата. Были и алтайцы, может, взяли тех, кто в горах жил, мог там воевать. Из Дагестана были, Грузии.

Отношения между солдатами срочной службы и офицерами ограниченного контингента советских войск в ДРА? Степень доверия между ними?

С офицерами мы были в хороших отношениях. Разговаривали с ними нормально. До сих пор общаемся.

Отношение местного населения к советским солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии, и оценка их роли в военной кампании в Афганистане?

Мы не общались с афганцами. Там нельзя было. Там много есть народов: пуштуны, таджики, пакистанцы даже. Солдаты таджики с ними общались, когда ехали куда-нибудь на операцию, проезжали через кишлаки. Тогда таджики общались с ними.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций?

После боя ничего не делали, сидели, думали, сигареты курили. Стресс был сильный, уставали. Хорошо ещё, в учебке привыкли. Сильнее стали. Союз хороший был, сейчас надо, чтобы в армию ходили.

Доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень распространения употребления наркотиков (какие?) среди советских военнослужащих?

Были те, кто курили наркотики, чарс. Алкоголя не было. Я тоже пару раз попробовал, но у меня кружилась голова, и я бросил. Там чарс продавали маленькие люди, кричали: «Чарс-чарс». Позже приехали русские с России, с Ленинграда, казахи, они много курили чарса. Афганистан вообще родина наркотиков. Сейчас и к нам приходит через Таджикистан.

Когда вы уволились из рядов Советской армии?

3-го мая 1983 года в Джелалабаде нас построили на плацу и зачитали приказ, сказали: «Давайте». Мы прошли строем по небольшому плацу, пыльно было. Поехали на аэродром Джелалабада, оттуда – вертолётами в Кабул. Там два дня были в пересыльном пункте, не было самолёта. Там не было даже матраса, но мы были рады тому, что ехали в Союз с войны. Самолётом полетели в Ташкент, там поменяли чеки на рубли, один день там были. С Ташкента на автобусе «Икарусе» поехали в Бишкек, тогда он был Фрунзе. 11-го мая я прибыл домой в Нарын. Мамаша, папаша, родственники сделали түлөө. Меня начали упрекать, что я не писал письма. Я говорил, что писал, но, оказывается, не доходили. У нас же была полевая почта, некоторые доходили, некоторые – нет. Только вот в Ташкенте, когда лежал три месяца в госпитале, я в сопровождении офицера ходил на телеграф и говорил со своими. Своим сказал, что у

меня желтуха, про ранение не говорил. Мамаша здесь плакала, столько ходила в военкомат. Тогда уже она знала об убитых с нашего призыва, что их похоронили, не открывая гроба. Ей говорили, что со мной всё в порядке.

Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации, объединяющей и представляющей интересы бывших воинов-афганцев? Как называется данное объединение, когда оно было создано?

Я в Союзе ветеранов-афганцев в Нарыне.

Оказывает ли данная организация материальную помощь своим членам или просто проводит встречи ветеранов?

Льгот нам хватает, но тем, кто в селе, труднее. Многим не хватает на лекарства. Получаем по 6 тысяч, те, кто получил раны, по 7 тысяч. Не все пальцы равные, многим не хватает. Мы сами помогаем из своего фонда. Собираем деньги, помогаем нуждающимся афганцам или матерям погибших. Было бы хорошо, если бы сделали больше, 10–11 тысяч.

Что хотели бы ещё добавить?

В Панджшерской операции было много потерь и с нашей стороны, и со стороны душманов. Мы подбирали убитых и клали их в БМП. Короче, я был рад, что вернулся оттуда живым и сейчас работаю здесь, в Нарыне. Дома не могу сидеть, если бог здоровья даст, работать можно. Пусть не будет войны, народу – благополучия, внутри народа пусть мы будем здоровы.

Фамилия, имя, отчество	**Оморов Токторбек Салиевич**
Национальность	кыргыз
Год рождения	1964
Годы службы	1984 – 1986
Место службы	Кундуз, Афганский Бадахшан
Занимаемая должность во время службы	Наводчик-оператор БМП, ДШМГ Пянджского погранотряда

В какой период Вы проходили военную службу в СА СССР?

Я родился в 1964 году в селе Шоро, в совхозе «8 Марта» Тянь-Шанского района Нарынской области. 28-го октября 1984 года был призван Нарынским военкоматом в ряды Советской армии. Призвался в военную часть № 2034, находящуюся в городе Чунджа Алматинской области тогдашней Казахской ССР. Там был один месяц в карантине. В том же 84-м году в декабре месяце нас послали в военный городок Отар, на учёбу в Казахстан. Там был большой учебный дивизион, где проходили военное обучение и подготовку со всей Средней Азии танкисты, пехотинцы, артиллеристы, сержанты. Я обучался на наводчика-оператора БМП-1 (боевая машина пехоты). Подготовка в Отаре длилась 6 месяцев. Эта была полноценная подготовка с ночной, дневной стрельбой. Тренировки были сложными и трудными.

Что Вам и обществу было известно о ситуации в Афганистане и действиях советских войск?

Тогда особо не интересовался и не слышал про войну в Афганистане. Когда нам сказали об отправке в Афганистан, я подумал, ну ладно, послужим там, даст бог. Только после того, как попал туда, понял и стал молиться богу, чтобы он сохранил меня. Бог спас меня от многих вещей там.

У нас не было информации о том, что мы попадём в Демократическую Республику Афганистан. В Отаре мы прошли всё запланированное обучение, и за шесть месяцев мы были готовы полноценно исполнить свой долг. Учёба завершилась в мае месяце, и начали уже отправлять ребят, которые приехали со мной с Чунджи. Нас шестерых: меня, Мамырова Акылбека и ещё четверых русских ребят с Чунджи – оставили в роте, зачем, не объяснили. Дня через три нам сержанты сказали, что вы,

возможно, поедете в Афган, потому что тех, кого вот так отделяли, обычно отправляли в Афган. Мы посмеялись, ну, если попадём, так попадём. Через неделю с Ашхабада приехал один капитан, чтобы нас забрать. С этим капитаном мы на поезде приехали в Ашхабад. Там мы 15 дней проходили учёбу. Там находилось правление КСАПО (Краснознамённый Среднеазиатский пограничный округ), и мы пробыли там неделю, две. Потом вновь было распределение, и я попал в город Пяндж Республики Таджикистан, а мой товарищ Мамыров Акылбек попал в город Термез Республики Узбекистан. Опять мы вышли в дорогу, и в начале июня месяца я прибыл в Пяндж.

Как проходила служба?

В Пяндже были около недели, и затем меня вертолётом перебросили в ДРА, в провинцию Кундуз на точку Измаил у города Имам-Сахиб. Когда попал туда, были двоякие ощущения, город на город не похож, позиции все замаскированные, стоят танки, БМП, БТРы. Вертолёт улетел, и меня привели в штаб. В штабе меня определили в 1-ю пограничную заставу. Там был начальник заставы капитан Ставила, замом – лейтенант Черкашин Сергей Валерьевич, до сих пор с ним держу связь. Сейчас он майор на пенсии, живёт во Владивостоке, в Приморском крае.

Так началась там жизнь, служба. Я горжусь тем, что я попал в погранвойска, что стал пограничником. Тогда пограничные войска были при КГБ СССР, большой организации, как и сейчас при ФСБ России. Дисциплина была железная, порядок очень строгий. Никуда не выходили в город, такой возможности не было. Если выходили в город, когда сопровождали колонну, то обязательно только в составе колонны.

Вспоминается случай с замначальника заставы Черкашиным, когда я попал на службу. Неделя прошла примерно. В один день я был дневальным на заставе, а он – дежурным по части. Он говорит мне: «Давай, солдат, готовься к войне». Я испугался, надел полную экипировку, бой, думаю, сейчас будет. А оказывается, надо было просто вынести мусор, а он пошутил надо мною, научить хотел. До сих пор шутим: «Помните, вы учили воевать», – он смеётся. Мы на связи со многими сослуживцами.

Условия жизни соответствовали боевой обстановке, нельзя сказать, что хорошие, но человек ко всему привыкает. Сила Союза большая была. Даже на позициях в окопах замполит устроил стенды, где были вырезки из газет, боевой листок.

Парень, который передавал мне БМП, оставил фотоаппарат «Смена». Нас постоянно проверяли особисты, и поэтому он показал мне в БМП небольшую нишу: «Вот здесь есть заначка, туда прячь», – подсказал он. Плёнки приходили с Союза вместе с посылками. Фотографии печатать было запрещено, поэтому я попросил служившего у нас в отряде офицера татарина Юсупова забрать мой альбом с собой. Он хорошо ко мне относился, в своё время служил в Нарыне и называл меня земляком. Он забрал мой альбом и отправил домой. И только тогда мои домашние узнали, что я попал в Афганистан.

Пока служишь до приказа, нормально служишь, но после приказа о дембеле время идёт очень медленно. В сентябре вышел приказ, и 26 ноября 86-го года я прилетел с Афгана на вертолёте. Эти два месяца вообще не проходили. Я сделал себе альбом, написал туда «100 дней до приказа» и ждал. Когда был дембелем, дедом отрастил себе усы.

Интересно, что там был кишлак Кыргыз-Гюмбез, местные узбеки говорили, что раньше здесь были кыргызы, а потом они ушли в Китай.

Какие были условия службы?

Мы жили в казарме, где до этого жили до 80-х годов советские специалисты. Они строили афганскому народу больницы, школы и оказывали другую помощь. Позже, когда началась война, они, говорят, уехали в Советский Союз. Потом в 79-м году туда пришли десантники, говорят, и в 80-м году наша первая мотоманевренная группа туда вошла.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, в качестве кого?

Я служил на заставах, когда стояли на постах, и участвовал в операциях в составе внештатной ДШМГ, десантной штурмовой маневренной группы. Внештатная ДШМГ (50 человек) и ДШМГ (350 человек) жили в отряде в Пянджше.

Когда мы попали в Малеку, нас туда десантировали, сделали эксперимент. Пока до места дойдёт техника, душманы уходили – и не было результата. Когда была операция, они прилетали, после неё улетали обратно. Такая была система. Там в Малеку мы не могли зайти, они сильно сопротивлялись и нам не позволяли. Мы стояли там день, два, три. У нас был пулемётчик Макаров, и, когда ему кричали: «Эй, Макаров, мочи!», – оттуда духи тоже кричали: «Макаров, мочи!»

Каковы были потери наших войск в ходе выполнения боевых операций?

Я очень благодарен богу за то, что попал на границу – там очень хороший порядок. Из 62 тысяч пограничников только 576 потерь. За каждую потерю из Союза приезжали особисты, и был очень большой спрос. Создавалась комиссия, почему случилась потеря? Мы не были как армейские, и на БТРах, БМП не ездили по кишлакам. Нам также не давали чеков. Чеки нам дали позже, уже на дембеле я взял чеки – сколько дней был, за это и получил. Солдаты получали по 9 чеков, а сержанты – по 12. Из-за строгой дисциплины у нас было немного потерь.

Помню, как погиб начальник заставы капитан Ставила. Он сопровождал колонну из Кундуза в Талукан и назад. По дороге там есть так называемая «зелёная зона», там с двух сторон зелёнка – деревья и посредине дорога – ничего не видно. Мы стояли на позиции, было очень тихо, мёртвая тишина. В один момент колонна прошла назад в сторону Кундуза – и началось. У нас всех рации, и начали говорить: «Надо спасать Крошку-первого». У нас были позывные «Крошка-1, 2, 3, 4». «Крошка-4», давайте на спасение» – и нас отправили. Я в башне, смотрю через прицел туда-сюда, ничего не видно. Как раз, когда мы выходили с позиций, капитан Ставила получил смертельное ранение. Я не могу забыть, как его принесли. Мы загрузили в десантное отделение и поехали. Сзади что-то взорвалось – дууун! Потом нам с колоны говорят, что, как только мы выдвинулись, прямо на нашем месте взорвалась мина. В БМП есть 24 осколочных и 16 кумулятивных снарядов. Если бы это всё взорвалось, то ничего бы не осталось, сорвало бы башню БМП.

Пархоменко был, хороший мой полчанин. Рядом со мной стоял, разговаривали. Нужно было менять позицию, и он хотел проскочить между двумя дувалами. Между стенами было расстояние около полутора метров. Вот на таком участке его убил снайпер-охотник.

Синицин, наводчик-оператор БМП был. В БМП снизу выстрелили из гранатомёта, и он тоже там погиб.

Один раз был ранен мой первый номер Александр Одерий, украинец. Сейчас переписываемся. Он очень сильно был ранен, комиссовался. Второй номер носит ленты, боеприпасы в вещмешке. Когда в первый раз попали во внештатный ДШМГ, тогда послали вторым номером. Он до сих пор говорит, что нас бог сохранил тогда, бог спас. Нас в отделении было десять человек, и все десять могли погибнуть. В нас тогда выстрелили из гранатомёта. У гранатомёта бывает два типа гранат: осколочный и кумулятивный. Если бы в нас выстрелили из осколочного, то уничтожили

бы всё отделение. Они же выстрелили из кумулятивного, который предназначается против брони, стен, сооружений. Радиус взрыва у него был небольшой, и нас действительно бог спас. Так мы остались живы.

Одному из наших, русскому, служил шесть месяцев, выстрелили в сердце, в левую сторону, а, оказывается, у него сердце было с правой стороны. У нас были Киркинская, Пянджшская, Московская ДШМГ. Выходили по 350 человек, и во время боя у каждого подразделения были разные позиции. Часто во время боя не хватало информации, среди гор не всё видно во время перестрелки. Со стороны Киркинского ДШМГ стреляли из АГС (автоматический гранатомёт), стреляет маленькими гранатами. В одного парня попали такой маленькой гранатой и ранили. Его увезли в Союз и там сделали рентген. И увидели, что внутри него такая граната неразорвавшаяся. Все врачи, люди разбежались там. Его заперли в одну комнату. Как вытащить, чем вытащить? Что, если она взорвётся во время операции? Такая граната, когда взрывается, покрывает осколками радиус 25 метров.

С Москвы приехали хирурги, и они решили резать не прямо, а сбоку, чтобы граната не взорвалась. Всем надели бронежилеты, осторожно вытащили гранату и на носилках унесли. Такой случай, говорят, был только во время Великой Отечественной войны и во время Афганской войны. Если бог поддержит, то и такое может случится.

Как Вы оцениваете моральных дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов?

У них снайперы сильные, они хорошо стреляют, меткие охотники, и я это увидел там. Когда стреляют в сонную артерию выше бронежилета. Пархоменко убили, когда он хотел поменять позицию и пробежать от одной стены к другой на расстоянии полутора метров. Вот такая у них была подготовка – они с пяти-шести лет бегают с автоматом. Такие вот у них условия, народ готов к такому. Мы же для них стали захватчиками. Наша цель была защищать их, но, по их понятиям, они воевали против нас.

Отношение местного населения к советским солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии, и оценка их роли в военной кампании в Афганистане? Как выражались симпатии афганцев в отношении советских военнослужащих?

С афганцами нельзя было разговаривать. Запрет, если бы особист узнал, нас бы наказали.

Доступность наркотических веществ в Афганистане?

В пограничных войсках было очень строго с наркотиками, даже фотографироваться было запрещено. Так что не то что наркотики, фото делать было очень трудно.

Когда выходили на операции, часто были вместе с сарбозами (афганская армия) и царандоем (афганская полиция). Они курили, и был слышен запах наркотиков, они называют его чарс.

Вы продолжили военную карьеру?

1 декабря 86-го года я демобилизовался, вернулся на родину с первой партией. Когда я призывался, я уже закончил первый курс политеха. Восстановился после армии на второй курс. Закончил учёбу в 91-м году по специальности «технолог мясной промышленности». Работал здесь в мясокомбинате. Тут начался развал Союза, всё начало закрываться, разваливаться. Мясокомбинат закрылся в 94-м году, работы не было, что делать? Я решил обратно идти в пограничники и устроился работать в 96-м году в часть – тогда границу охраняли российские войска. В 99-м году Россия ушла, и мы, Кыргызстан, сами стали охранять границу. В августе месяце, где-то числах в 20-х, мы приняли границу, а 26 августа моджахеды вторглись в Баткен. Как будто ждали, когда мы возьмём охрану границы. Тогда были батальон П (пограничники), батальон А (афганцы), батальон Б (Балыкчинский), и мы одни из первых попали в Баткен. Там в Зардалы была застава, и я служил там год.

Сейчас, если сравнить и вспомнить Афган и Баткен, то, если подумать, в Баткене мы так же, как и афганцы, защищали свою землю. Афганский народ как охранял свою землю, мы так же защищали свою. Вот такая разница. Каждый народ борется за свою землю, за свой народ, и я там видел, что действительно афганский народ боролся за справедливость.

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную государственную помощь как бывший воин-интернационалист?

Пособие у нас 6 тысяч сомов, инвалиды получают 7 тысяч. В России только в прошлом году подняли пособия – я ездил в 2011 году в Новосибирск, тогда у них было по полторы тысячи, а инвалидам – 2 тысячи рублей. Север – богатый регион, поэтому они добавляли ещё тысячу, и получалось 3,5 тысячи, а у нас 7 тысяч – в два раза больше. В прошлом году Россия подняла пособия до 5 тысяч. У нас же несмотря на трудности государство помогает, и надо сказать ему спасибо. Наши отцы и матери, которые работали по 40 лет, получают по 3–4 тысячи пенсию.

Какие изменения до и после 1991 года Вы можете отметить в вопросах предоставления льгот участникам войны в Афганистане? Что именно изменилось и в какой степени?

Раньше были другие льготы – на озере был санаторий, туда ездили, отдыхали, свет в месяц до 400 Квт могли использовать – всё это убрали и перевели на деньги.

Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации, объединяющей и представляющей интересы бывших воинов-афганцев? Как называется данное объединение, когда оно было создано? Оказывает ли данная организация материальную помощь своим членам или просто проводит встречи ветеранов?

Меня комиссовали по состоянию здоровья, сейчас – инвалид второй группы. Сейчас семья есть, пять детей, жена Таалайкуль Асекеева. Сейчас я – исполняющий обязанности председателя Совета ветеранов-афганцев Нарынской области. Сейчас в Нарынской области есть 149 ветеранов, в городе Нарыне 32 афганца живут, работают, многие на пенсии. Самым молодым из солдат 69-го года уже 51, а самым старым – 59-го года – им по 61 году уже. Из афганцев в городе Нарыне уже 17–18 парней ушли из жизни. Многие не выдержали из-за последствий ранений, стресса, безработицы, а кормить семью надо. В Ат-Баши открыли памятник двум погибшим в Афганистане. Помогаем матерям афганцев.

В заключение хотелось бы добавить, что эта афганская война была, если можно так сказать, война между афганским правительством и афганской оппозицией. Наше государство помогло правительству, а оппозиции помогли Америка, Франция и другие капиталистические страны. Чтобы им противостоять, афганское правительство попросило помощи у Советского Союза, и так оказалось, что мы там прошли службу. Пусть не будет войны! В 99-м году я на своей коже ощутил, что такое война на своей родной земле. В 40 лет я опять попал на войну, и в Баткене я прослужил два года на заставе Зардалы по работе с местным населением, на должности замначальника заставы. Пусть будет на нашей земле мир, и во всём мире. Как человеку, видевшему войну, прочувствовавшему её, мне хотелось бы сказать, что афганская война, баткенская война оставили раны на нашем сердце. Это история – сколько отцов, сколько матерей потеряли своих детей, сколько потеряли своих родных. Пусть будет мир и спокойствие!

Фамилия, имя, отчество	**Садыгалиев Касым Темиргазиевич**
Национальность	кыргыз
Год рождения	1961
Годы службы	1986 – 1988
Место службы	Шинданд, Фаряхрруд, Тургунди
Занимаемая должность во время службы	Командир взвода дорожно-комендантского батальона

Нас в семье восемь человек, я седьмой. Я служил в Монголии в общевойсковой дивизии, там я был в комендантской роте. Я отслужил полтора года и написал рапорт: «Желаю поступить в военное училище, военным хочу быть». По приказу министра обороны можно даже год отслужить. Выездную комиссию прошёл успешно, с армии же без конкурса. Учли, что отец – ветеран войны, участник, инвалид, кавалер двух орденов «Красной Звезды», куча медалей у него. У меня уже подготовка такая была, я в школе нет-нет задумывался. Поступил в ТВИТИ (ТВВИКУ), г. Тольятти.

Знали ли Вы о предстоящем направлении Вас в Афганистан?

Когда поступил в училище, я был старшиной роты, я управлял по хозяйству, 170 человек. На четвёртом курсе, был такой «золотой карантин», это когда ждём приказа министра обороны, который должен подписать лейтенанта. Многие уже знают, куда едут дальше. Я должен был ехать в Алма-Ату, но меня отправили в Афган.

Учитывалось ли военным командованием СА СССР желание военнослужащих срочной службы служить в Афганистане?

Такая некрасивая ситуация получилась: один из сокурсников написал рапорт. Мать у него была профсоюзный босс, по связи узнала, ну, единственный сын, пошумела – и не стали его отправлять. До меня дошло, что меня хотят отправить, там же быстро всё узнают. Потом на надёжность проверяли ещё, всё-таки я же служил уже в армии. И отправили меня вместо него. Я услышал про разборки от замполита батальона, я ему: «В Алма-Ату же еду, товарищ майор», – говорю. «Я знаю, знаю», – говорит, уже знал, наверное, куда. Командир, когда

вызвал, в открытую сказал: «Ты куда едешь?» «К себе почти на родину». «Ну, ещё ближе поедешь», – говорит.

Что Вам и обществу было известно о ситуации в Афганистане и действиях советских войск? Откуда Вы получали сведения (телевидение, СМИ, рассказы очевидцев, слухи)?

Тогда, в 86-м год, информации про Афганистан не очень было. Информация шла, что там война идёт. Было скрытно, но всё-таки через кого-то узнавали. В прессе мало писали, по телевидению мало показывали. Показывали, что там наши не воюют, а оказывают помощь, строят школы, детсады. Землю пашут крестьяне – ну, такие, пропаганда же всё-таки была. Ну, а в целом я, конечно же, знал, что там творится.

Были ли среди военнослужащих корыстные побуждения (контрабандный провоз дефицитных товаров и предметов, наркотики, повышенная зарплата и т. д.) для службы в Афганистане?

Были такие случаи. Ну что, главное, чтобы оружие не продавали. Остальное, ну, солярку сольёт; бензин, там, в канистру; главное, чтобы оружие только не продавали. Взамен брали жвачку, магнитофон, плееры, зажигалки, часы, всякое по мелочам.

Техника была и в наших магазинах, нам же валютой платили, чеки назывались. Мы могли там приобрести магнитофон, видеомагнитофон по своим заработкам, как говорят. Здесь вообще не было. Мы оттуда чеки привозили сюда и в магазинах «Берёзка» отоваривались. Там всё было. Везде аппаратура там японская. Привозят с Пакистана, Ирана. Вот так живут, как челноки, есть же у нас, коммерцией занимаются. Торговлей они хорошо занимаются.

Соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

У нас сносные условия были, чем вначале, когда они в палатках жили. Казармы были построены, бани были, водокачки, чистая вода. В конце всё нормально было, вначале-то ребята в палатках. В колоне когда едешь, единственно, условий нет, всё консервированное, жара же, тушёнку, кашу только ели. Я тушёнку потом не мог видеть, там каждый день тушёнка. У них там всё растёт, но мы же не брали у них, всё привозное было у нас.

Изменилось ли Ваше мнение и оценки в отношении причин необходимости присутствия советских войск в ИРА?

Когда приехал, когда увидел, я подумал, что в этой стране режима нормального не получится. Племенные отношения, наркотики. Я понял это, когда первый раз в колонне проехался, был марш 600 километров. Мы неделю ехали от Кушки до Кандагара, потому что нельзя ночью, обстреливают, поэтому неделю. Потом посмотрел, как люди живут, и подумал – нет.

Насколько отличались официальные заявления руководства СССР в отношении Афганистана от реальной ситуации?

Я вот не жалею, что я там был. Здесь многие сейчас говорят, что не надо было входить. Ну, это не наша вина – это политики решали вопрос. А то, что мы там были, я оправдываю полностью, потому что наш регион Центральной Азии и наркотиками наводнили бы, и террористами наводнили бы, но не факт, потому что обстановка очень тяжёлая же была.

В 86-м году пять полков вывели, когда Горбачёв поехал в Женеву, договорился. Номинально так вывели, старую технику, там, а контингент основной остался. А когда уже вынудили Горбачёва, он объявил, что в 89-м году выведем войска. Это после нас уже.

В 89-м вывели войска, они поняли никчёмность, ребята просто гибнут. Ладно бы вывели, можно было же оказать ещё помощь – они же тоже не продержались – пришли более радикальные Талибаны. Это американский проект, там ещё хуже всё стало. Так народ, конечно, жалко. Простых людей жалко. Живут в XIII веке, необразованные. Климат я даже не хочу вспоминать. Зимы там почти нет. Всё время жарко. Ночью холодно. Тиф, паратиф, гепатит там свирепствуют. Местные не болеют, вот наши там болеют, потому что вода плохая там.

В целом, наши солдаты там проявляли мужество. Невзгоды все выдержали, конечно. Надо отдать должное, воспитание советское сказалось.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, в качестве кого? Имеете ли Вы боевые награды за участие в них? Каковы были потери наших войск в ходе выполнения боевых операций?

Я там был почти два года, потом меня отправили в Забайкалье, из жары в холод, я в Якутии служил 9 лет на Крайнем Севере.

В Афганистане я был в Шинданте, в Герате, потом последние месяцы в Фарахруд е. Возле Кушки пришлось там в Тургунди служить, порт, типа. В Афгане нет железной дороги, а там есть ветка такая – это наши построили, обмундирование, продукты, боеприпасы, как перевал-база. Очень большой склад ГСМ там был, закачивали авиакеросин, бензин. И потом всё это на машинах возили. Так я ездил в колоне от Кушки до Кандагара. Вот до Кандагара наши обслуживали. В Кабуле я раз 5–6 был, когда в партию вступал, ездил в командировку. Один раз даже пришлось мне груз 200 вести. Возил в Союз. Мне три дня дали повезти тело погибшего. Я еле успел доехать и обратно уехал.

Мы занимались извозом всех материалов, строительных и т. д. Занимались устройством гарнизонов, на нашей ветке которые есть, мы этим занимались – штаб, там, оборудовать.

Я командиром взвода был, у меня в подчинении было 27 человек. Колонны выезжали утром – до 300 машин. Буквально три месяца отслужи, нас обстреляли хорошо, правда, погибших не было, пришли вертолётчики, помогли хорошо. Самое тяжёлое – это было в 88-м году в марте, мы там часа два, наверное, отстреливались. Погибших не было, раненных. Тогда меня наградили Указом ВС СССР – медалью «За боевые заслуги». На операции не выходил, там специальные войска ходили. А вот в эти обстрелы, засады попадали много раз. Они в открытую не нападают, открытой войны нету там. Партизанская только. Колонну обстреляли и убежали.

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск? Как часты были совместные операции, и какая роль отводилась в них афганским союзникам?

Мы сами сопровождали колоны, без афганской армии, если что, связь была, вертушки вызывали. Мы, конечно, не доверяли им, они же пачками переходили на ту сторону. Ну, как вот, едешь, а там мордастые такие сидят, им бы пахать. Днём мирные, а ночью душманы, своих же грабят. Свои же, кто в войне не участвует, платили налоги. Они могли ночью проезжать, нам же запрещали. А они знают, что дорога, кто какой участок заминировал, если кто подорвётся, компенсацию им платили. Если в банде из семьи никого нет, налоги платили – это точно. Ещё же внешние источники были, американцы. Ну, считайте, что вот эта коалиция, которая сейчас стоит там в Афганистане, – это всё они против нас воевали. Итальянские мины, китайские – китайцы тоже против нас

тогда были. Весь арабский мир плюс Германия, Англия, Франция, США – вот эти поставляли.

Афганская армия как справится? Они же против своих же. Там братья, сёстры свои же. Были, конечно, коммунисты, НДПА, но они не справлялись, они бы без нас установили, но не установили же. А сколько денег Советский Союз тратил, это же экономику убило. Офицерам двойные оклады платили, год за три, солдаты, питание, керосин, авиабомбы, патроны – это же всё деньги. Экономически СССР сильно страдал в то время. Там же и армия была, и строители, и врачи, и советники – много средств требовалось.

Как Вы оцениваете моральный дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов?

Уважать афганцев надо было, мы же на чужой земле были. Вот то, что они не поняли, зачем мы туда пришли, вот это непонятно было. Мы же шли не воевать, а помогать. Они думали, что мы их захватим, ихнюю веру там, такая пропаганда шла у них. Мы же в открытую их не истребляли, как американцы вьетнамцев, не бомбили же. Мы пришли оказать помощь, но они не могли понять этого.

Были ли факты неуставных взаимоотношений среди советских военнослужащих? Как относились к вновь прибывшим солдатам старые военнослужащие?

Без дедовщины никак, но чтобы там издевались, я не знаю, я про своё подразделение говорю. Я всегда говорил: «Завтра в трудный момент чтобы друг другу в спину не выстрелили, ребята». У меня во взводе, что интересно, ни кыргыза, ни узбека не было, украинцы и прибалты были и русские чуть-чуть. Прибалты – они спокойные очень. Украинцы служаки были. Ну, я так поставил, с ними год отслужил, потом уже молодые пришли, чуть-чуть уже с разных регионов у меня было. И с Урала были ребята, и два казаха с Джамбула, в общем, я находил общий язык.

Учитывалась ли национальность и религиозная принадлежность советских военнослужащих при направлении в боевые части? В каких частях наиболее широко представлены выходцы из республик Средней Азии и Кыргызстана? Почему?

Были представлены все республики СССР.

Факты и причины гибели мирного населения в ходе проведения советскими частями войсковых операций? Степень ответственности советских военнослужащих за гибель мирных жителей?

В моём случае не было такого, чтобы селения исчезали. На югах, говорят, было такое, что сносили во время операции целые кишлаки, но это вначале было, при нас уже не было. Это же подсудное дело, мирных людей нельзя трогать, пленных расстреливать нельзя. Всё-таки соблюдали мы гуманность, была она, да. Они же до сих пор помнят нас, что шурави – отличные ребята, честно воевали. Больным помогали, лечили детей ихних, в санчасть привозили. Много было случаев вот таких.

Помощь Советского Союза в развитии инфраструктуры в Афганистане и участие в строительстве различных объектов народнохозяйственного назначения? Роль и участие советских военнослужащих в реализации данных проектов?

Афганцы сами по себе. Я тогда думал, страна-хаос, хотя там и губернаторы были, но никто не управляет. Сами по себе. У них только земледелие, ни заводов, ни фабрик. Там, где-то есть, но всё построено нашими. СССР построил дорогу кольцевую, бетонка такая была. Сейчас, говорят, ещё лучше сделали её, дороги хорошие в Кабуле, я не знаю, кто это строит, американцы или кто. С одним афганцем я связывался с Харькова по Фейсбуку. Говорит: «Касым, смотри», – видео прислал, дороги такие хорошие, кафешки.

Помощь была военная, техника, чтобы они сами могли установить порядок. Такая же договорённость была, что поможете усмирить повстанцев – и потом мы сами наведём порядок, но этого же не случилось, десять лет же там стояли.

Отношение местного населения к советским солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии, и оценка их роли в военной кампании в Афганистане? Как выражались симпатии афганцев в отношении советских военнослужащих?

Второй по величине город – Герат у них. Я там и узбеков, и туркменов, казаха даже встречал в этом городе. Когда революция у нас была, в 20-х годах они сбежали. Очень много таджиков там, большая численность, много таджиков там, наверное. Туркменов очень много, узбеков. В основном на узбекском разговаривали.

Они видят, что я нерусский, подходят, спрашивают, кто я? Я говорю: «Кыргыз». «А что, кыргызы есть ещё?», – они не знают, информация идёт такая: «Неверные вырезали там». Говорю: «Нет, нормально». У них такое было, неграмотные, думали, что наводнили русские там, всех перерезали. Народ тёмный, не знает же. Некоторые, конечно, грамотные есть, в Союзе учились ещё до войны. Они по-русски хорошо говорят, подходят: «Хлеб дай». Сахар спрашивают. Угощали детей, жалко было.

Мы общались с местными, когда останавливались, на узбекском разговаривали. Были солдаты-таджики, они переводили, язык один же у них.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций?

Первые полгода страшновато, а потом привыкаешь. Я, например, первые полгода вообще бронежилет не снимал. Все смеются, что ты? Ну, для успокоения души, вдруг случайная пуля проскочит, помогает, конечно. Солдат заставлял одевать. Привыкает человек ко всему, обстрелы там и всё.

Доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень распространения употребления наркотиков (какие?) среди советских военнослужащих? Меры, предпринимаемые командованием по пресечению данных негативных фактов?

Если вот так разобраться, там, конечно, курили чарс. Молодые лейтенанты, помню, пристрастились, когда по модулю запах идёт, знаешь же. Солдаты нет, не курили. У них там очень сильный, оказывается, я не курил. Ну, молодые солдаты же, говоришь: «Что делаете?» Ну, за всеми же не уследишь.

Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан?

Хотелось бы побыть в том гарнизоне, где я был в Шинданте, Герате. Хотел бы посмотреть, что и как там сейчас.

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли случаи принятия отдельными военнослужащими ислама или перехода в данную религию? Повлияла ли служба в ДРА на степень религиозности солдат из советских республик, считающихся преимущественно мусульманскими (республики Центральной Азии, Северного Кавказа и Закавказья)?

Мы все атеистами были, советское воспитание, но чтобы чувства их религиозные задевали, нет, такого не было. Не было такого, чтобы мечети взрывали. В моей семье не было сильной религии. Я помню, бабушка там читала, но я тогда маленький был. Айт майрам, Курман айт праздновали, Нооруз чтобы праздновали, не помню, не было такого.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане и роль влияния на неё факта присутствия войск НАТО? С учётом Вашего опыта, можете ли Вы указать различия или сходство в действиях войск НАТО и СССР в Афганистане?

Здесь геополитика. Наше руководство не хотело, чтобы под боком в Афганистане американцы стояли. Или американцы подстегнули, чтобы мы туда вошли. Решением решили ввести. Там многие против были, укрепим границы – и всё. А Бабрак Кармаль же убежал туда, в Союз – это он заварил всё, власть теряю, помогите. Когда наши войска вошли, он получил власть. Ну, американцы подстегнули, кто первым войдёт, – это факт, кто первым войдёт.

Американцы, в отличие от нас, дронами воюют. Они гарнизонами огородились и сидят там. Они в открытую не воюют.

Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации, объединяющей и представляющей интересы бывших воинов-афганцев?

Нас афганцев было 7 тысяч, осталось пять с чем-то. Многие по болезни, от ранений умерли, кто своей смертью. С каждым днём убывают, коронавирус несколько человек забрал у нас. На сегодняшний день состою в общественной организации «Боевое братство». Наш председатель – А. А. Чотбаев. Ведём общественную работу по военно-патриотическому воспитанию молодёжи, выступаем перед школьниками и студентами.

Фамилия, имя, отчество	**Славский Владимир Николаевич**
Национальность	русский
Год рождения	1953
Годы службы	1987 – 1988
Место службы	Северный Кундуз
Занимаемая должность во время службы	Командир батальона, 149-й мотострелковый полк

1953 года, родился между Лениным и Гитлером, то бишь 21 апреля. В Афганистан попал в 87-м году, было 34 года. До этого прослужил уже и на Украине, и в Чехословакии, на Дальнем Востоке в Приморье. В Приморском крае служил сначала в городе-герое Лазо. Потом в Лесозаводске – середина между Хабаровском и Владивостоком. Оттуда уже попал в Афганистан. С Афганистана вернулся в Приморье в тот же самый полк.

Закончил алма-атинское высшее общевойсковое училище. Я не планировал быть военным, у меня друг-одноклассник Дима Середович, у него отец военный-фронтовик, у меня отец тоже фронтовик, Дима говорит: «Давай в военное училище будем поступать». Ну, давай. Взяли и поступили, ну а поступил, отступать было уже поздно. Так вот и пошло.

Отец, конечно, был против, чтобы я военным был. В мае 87-го года попал в Афганистан, был там 17 месяцев, полтора года почти. Попал в Кундуз, северный Афганистан. С Хабаровска вылетал – было + 14, в Кундузе + 50 в тени. Сначала в Кабул прилетели, с полка у нас двое уходило, начальник штаба артиллерийского дивизиона, и я – командир батальона. Перед отправкой проходили минно-взрывную подготовку в Вагутоне, это тоже в Приморском крае. Потом в Хабаровске нас собрали, мозги пудрили, мы там боролись с богатырским напитком, кто как мог, ждали отправки. Отправили первых артиллеристов, а потом нас. В Ташкент прилетаю в Тузель, по спискам смотрю, он передо мной улетел. В Ташкенте пробыли 3–4 дня, прививки нам сделали – и бортом в Кабул. После этого, когда распределили, отправили в Кундуз.

В Кундуз прилетаю, полк на боевых действиях, возвращается на следующий день. Вернулся, на следующий день срочно по тревоге поднимают. Батальон не принял, ничего, и меня с управлением полка на боевые действия. Единственно, переоделся, автомат дали в руки. Ну,

я, естественно, как учили в советской армии, полевая сумка, боевой устав, как положено, карандаши и все прибамбасы. Первые три дня меня с разведроты полковой разведчики тащили на себе. На четвёртый день я уже вроде бы пошёл, пошёл, пошёл, пошёл. Когда вернулись, принял батальон. Командир батальона, который менялся, в подарок оставил мне стереонаушники, бур трофейный в шкафу и всё.

Учитывалось ли военным командованием СА СССР желание военнослужащих служить в Афганистане?

Когда служил, в своё время иногда и попугивали кадровики: «Отправим туда, откуда не возвращаются». Я сказал себе и для семьи – сам рапорт писать не буду. Прикажут – отмазываться, юлить тоже не буду. Разнарядка пришла, сказали – всё. С Приморского края попал по замене в 40-ю армию. Солдат срочной службы отбирали, как правило, по состоянию здоровья. К их мнению редко прислушивались.

В ходе подготовки к службе в ИРА (ДРА) доводилась ли до советских военнослужащих информация об этой стране, её населении, традициях и культуре проживающих в Афганистане народов?

Нам давали информацию по минно-взрывному делу, а кто там живёт, как там живёт, для нас это были афганцы. Те, кто с оружием – одно, те кто без оружия – другое. Мирные, немирные. Мы их называли «духи», что тут скрывать.

Были ли среди военнослужащих корыстные побуждения (контрабандный провоз дефицитных товаров и предметов, наркотики, повышенная зарплата и т. д.) для службы в Афганистане?

Тем, кто участвовал в боевых действиях, сутками находясь в отрыве от основных мест дислокаций, им было не до наркотиков и контрабанды. Подразделение обеспечения и колонны, которые доставляли различные грузы: имущество и боеприпасы – те имели возможность заниматься контрабандой. Не зря же анекдоты про прапорщиков идут. Хотя я с такими не сталкивался.

Получается, Вам как командиру приходилось ещё учитывать и человеческие взаимоотношения?

Человеческие взаимоотношения давали возможность выживать. Это в боевом уставе 40 пунктов, кто и что должен выполнить, отдать боевой приказ под козырёк. А тут было примерно так. Обнял командир и

сказал: «Ваня, видишь вон ту высотку?» «Вижу». «Она должна быть твоей, ты понял? От меня что зависит – у тебя связь есть. Артиллерия есть, не молчи». Всё, понял, выполнил. Комбатом быть тяжелее. Иметь за собой пять сотен душ, за которых ты ответственен. За все, начиная от твоего первого заместителя и заканчивая последним солдатом по списку. Ты его должен научить, обеспечить, одеть, обуть, накормить и сохранить ему жизнь.

Женщины работали в штате батальона?

Пришла ко мне в батальон фельдшер Ольга, фамилию не помню уже. Была, такая, кровь с молоком, коса до колена. Я говорю: «На фига она мне нужна? Дайте мужика врача, чтобы на боевых оказать помощь мог. Что она там в этой юбке будет делать?» Раз ушли на боевые – не беру, вторые – не беру, третьи. В медпункт полковой сбагрил – сиди там. А оттуда врача, хоть стоматолога дают, ну хоть перевязывать умеет, мужик, один раз хирурга дали молодого. Потом она дошла до командира полка: «На боевые меня». Тот говорит: «Забери её, она мне уже плешь проела». Ладно, взяли. Сорок раз пожалел, вернул обратно целой и невредимой. Во-первых, женщина, где ей естественные надобности справлять при мужиках? Свои женские дела ещё. В медсанбатах, госпиталях женщины своё дело делали, никаких слов. На хлебозаводах хлеб пекли. В военторге я с ними не встречался. Но если медиков брать, то свой долг выполняли от А до Я, тут даже спорить не нужно. Низкий поклон им и благодарность за спасённые жизни наших солдат и офицеров.

Соответствовал ли уровень полученной военной подготовки реальным условиям службы в Афганистане?

Я училище когда заканчивал, у нас горная подготовка была приоритетная. Затем, когда прибыл в Афганистан, где-то недели через две-три, сейчас уже точно не помню, в Кабуле нас собрали всех молодых, кто по замене прибыл, и провели дополнительную горную подготовку. Свой отпечаток накладывали условия высокогорья, резкий перепад температур, а также переход на совершенно новую тактику ведения боевых действий.

Соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

Кормили на убой, в этом плане всё было отлично. В горы когда шли, были усиленные пайки. Там и ветчина, и молоко, и сливочное масло, колбасы, компоты – всё было. Если долго находишься на боевых

действиях, сухой паёк надоедает. Ну и естественно, если стояли у рек, то рыбку глушили. Кабанчики бегают – кабанчиков подбивали. Кормили солдат, сами кушали. Это было. В военторге было изобилие соков, напитков. Было много средств личной гигиены. Ограничения для приобретения были только на сигареты, разрешали 1 блок офицерам. Почему это так, я не знаю.

Обмундирование и вооружение в общем-то соответствовало тем реалиям.

Как проходила адаптация вновь прибывших военнослужащих к новым условиям службы и климату?

Адаптация вновь прибывших проходила тяжело, так как люди прибывали со всех концов Советского Союза. Солдатам, с одной стороны, было проще, так как они проходили подготовку в ТуркВО. А офицерам приходилось несладко. Как и мне, о чём я говорил выше.

Изменилось ли Ваше мнение и оценки в отношении причин необходимости присутствия советских войск в ДРА? Трудно было понять, зачем нужна эта война?

Война вообще не нужна. Бытует различное мнение о том, зачем мы входили в Афганистан, что мы от этого выиграли, что мы от этого потеряли. Это было не наше желание, это был приказ государства. Потому что не вошли бы мы, вошли бы американцы, которые сейчас завязли там. Была бы опять напряжёнка на наших южных границах. Но мы военные, дан приказ – он не обсуждается. Мы его обязаны выполнить. Выполнили мы его с достоинством и честью.

Где-то в 96–98 году на конференции нынешний посол в Великобритании Эдил Байсалов, тогда пацан был, лет 20–25 ему было, что-то там говорил о ненужности и бестолковости этой войны. Я не выдержал, поднялся: «Уважаемый, вы там были, вы это испытали? Какое вы имеете право об этом говорить?» Он рот закрыл, замолчал. Потом уже посол Афганистана подошёл ко мне: «Вы где были? Спасибо большое», – руку пожал. Война есть война, но войну можно вести разными методами. Она предполагает различные варианты. Можно малой кровью, а можно зачисткой пройти, и там ничего не остаётся.

Участвовали ли Вы в боевых действиях?

Я сорок одну ночь в полку пробыл в ППД (пункт постоянной дислокации), остальное всё в горах, в рейдах, на боевых. Полк выходил

на боевые задачи в составе дивизии, в составе оперативной группы, по проводке колонн, по реализации разведданных. Зачистка кишлаков, уничтожение каких-то мелких локальных групп бандитов, реализация разведданных. Если разведка доложила, что в таком-то районе либо оружие, либо ещё что-то, эти районы блокировались, зачищались. Естественно, и боевые действия были.

Солдаты химичили, в бронежилете идти в горы тяжело. Убирали бронепластины и вставляли крышки от консервных банок. Сам я, если в горы шёл, не бронежилет, а лифчик одевал, это плавжилет с БМП. Четыре магазина спереди, четыре магазина сзади. Какая-никакая, а защита всё же была. Бронежилеты заставляли мы одевать, а лёгкие бронежилеты при боевых действиях в горах заставляли одевать всех. Тяжёлые бронежилеты, когда на марше идёшь, на антенну УЗИ навешивали, водители машин окна открывали, на двери свешивали с двух сторон, чтобы не пробило. Потому что на самом деле очень тяжело. Солдат и так шёл в горы навьюченный: вода и боеприпасы дополнительные. Перед выходом проводилась отработка предстоящих боевых действий. Мы сутки-двое в полку – и на полигон для отработки предстоящей операции (задачи). Там разворачивали, сворачивали, где разыгрывали варианты ведения боевых действий. Выходили на боевые задачи, выполняли свои функции. Техника доставляла до мест боевых действий, пехота спешивалась, экипажи оставались возле техники, организовывали боевое охранение, а пехота шла в горы.

В каких операциях?

На моей памяти десятки боевых операций. Если брать основные, то это «Магистраль», «Восток», самые крупные. В операции «Тайфун» я не участвовал. На боевые действия вышли, ну я же дикий ещё, не знаю – идут и по зелёнке с орудий бьют влево вправо – что случилось? «Обрабатываем зелёнку». «Зачем?» «А вдруг там духи». «Прекратить. Вы что творите! Я согласен, что да, если оттуда пошло противодействие – огонь. Но просто так? Они в полях работают мирно, а ты по ним ещё бить будешь? Это что?» Тут нюансов много, конечно, было. До меня была такая практика, и я запретил её категорически. Потому что управлять невозможно. Этот идиот, извини за выражение, стреляет непонятно куда, а по другому, который не стреляет, бьют душманы, уничтожают. А я не слышу, не вижу, думаю, что тот же стреляет. Долго боролись, чтобы отменить и отучить от этой практики.

Каковы были потери наших войск в ходе выполнения боевых операций?

У меня за всё время четверо двухсотых и 18, по-моему, 300-х. Уже знали, в принципе, что будем выводиться, поэтому для меня самая главная задача была сохранить людей. Выполнить задачу и сохранить их. Были инициативные, которые там рвались вперёд в бой, этих инициативных я назад отправлял: посиди там, отдохни. Задачу выполнили? Выполнили. Сидеть.

А то был у нас там пропагандист полка, фамилию не помню, пошли на реализацию разведданных. Командир пятой роты докладывает: «С мечети пулемёт бьёт». По мечети нельзя стрелять. Мечеть – культовое, религиозное строение. Я говорю: «Блокируйте, чтобы туда не было ни подвоза боеприпасов, ни воды, ничего». Пропагандист рвётся в бой. «Чего, – говорю, – хочешь?» Из полевой сумки достал флаг красный: «Коммунисты, за мной, в атаку!» Я приказал связать гада. «Как можно?!» «Связать!» Связали, в броню закинули, я его с разведчиками к командиру полка в связанном виде.

Передо мной в 86-м году половина 4-ой роты полегла, они вступили в бой с «Чёрными аистами», пакистанским спецназом, но задачу выполнили. Такие потери всегда из-за «умного командования». Ты выходишь на любые боевые действия, я знаю, что мне придано из артиллерии, авиации, какие позывные. Со мной идут авианаводчик, артиллерийский наводчик. Потому что просто так это не делается, а на ура, на халяву – это жизни, это кровь. А потом раздаются ордена, медали. А этим орденом или медалью ты что, вернёшь матери сына? Жене – мужа и детям – отца? Ты сделай так, чтобы он не погиб, а задачу выполнил – вот это другой разговор.

Брали ли пленных, какова их дальнейшая судьба?

Пленных допрашивали особисты, разведчики. Война – это не фильмы, где все на «вы», где водичку подают, сигареты. Там никто не цацкается. Потому что от этого зависит жизнь твоих товарищей, твоя лично, тех, кто рядом. Пленные обычно или замерзают, или «сами» умирают. Потому что, если передать афганцам, он уже на следующий день с автоматом бегает. Встречался я с царандоевцами и хадовцами. Все хорошие, но ни одному слову я ихнему не верил. Я всегда выставлял своих людей, которые следили, наблюдали и в случае чего могли оказать противодействие. Мягко стелют, но… мне мои солдаты были дороже.

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск? Как часты были совместные операции? Какая роль отводилась в них афганским союзникам?

Их военнослужащих «зелёными» называли – у них зелёная форма такая яркая была. Царандой называли «ментами». Мы им не доверяли. Обычно перед боевыми действиями всегда согласование, уточнение боевых задач и, как следствие, минирование дорог, подрывы, обстрелы. Ну, потом тактику сменили, с ними взаимодействие на одних картах отработали, «зелёных» проводили, а теперь начинаем работать по своим картам. Отработали. Нету ни подрывов, ни засад, ни минирования.

Как Вы оцениваете моральных дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов? Среди каких слоёв местного населения и какой поддержкой они пользовались?

Афганцы были и идейные, и бандиты обыкновенные. Обыкновенных бандитов мы уничтожали даже не ойкнув. По трассе идут барбухайки (грузовая машина) с грузом, перегруженные, с Пакистана, с Китая везли товар. Те останавливают, грабят, потом следующих. Они распределили зоны влияния. А идейные – за освобождение Афганистана. Это уже совершенно другое. Следующие за бабки воюют. Другие – по нужде, вынужденные. Как пример: стояли мы на Ханабаде. Проводка на Файзабад. Трасса, рисовые чеки, рядом речка течёт Ханабад, и там был духовский дом полуразрушенный.

Там я установил КП. Старик ежедневно коров выгонял. Останавливался, как правило, вдоль трассы, ноги помоет и пошёл дальше. Всё это наблюдается, фиксируется. Я выезжаю на задачу, проверить, как люди там. Лемишевский Вовка, как сейчас помню, водитель БТРа был. На колее лежит газета, он говорит: «Пусть кроты уберут». Я ему командую: «Вперёд, ты что?» «Не поеду! Сапёры пусть уберут, не поеду!». Психует там водитель. Сапёрам: «Ну-ка, гляньте». Те пошли, щупом проверили – итальянка! Мина пластмассовая, газетой прикрыта прямо в колее, по которой мы должны ехать.

Разведчиков за дедом послал, сапёры мину обезвредили. Когда приехал назад, дед готовый уже сидит, коленки дрожат, готов разговаривать: «Два сына у бая, отрабатывают деньги, дочь у бая, я пасу коров байских. Если бы я этого не сделал, он бы моих сыновей, этот…» Вот и всё. Это пример, когда воюют по нужде.

Другой на этих же рисовых чеках приходит с утра и говорит: «Командор, работать можно?» «Да, пожалуйста». Вот он привёл с собой

пять или шесть женщин, детей – и работают. На рисовых чеках оказалась растяжка, которая сработала. У него ранение в бедро, в живот и в руку. Три осколка. Его ко мне на КП, оказали первую медицинскую помощь, в руке осколок достали, остальные – сквозные. Дали таблетку анальгина: «Давай, дойдёшь». После обеда опять приходит: «Командир, работать можно?» Да ты что! «Таблетку ещё дай», – говорит. Таблетку анальгина дали! Сила самовнушения! Русские дали нормальную таблетку, оказали помощь – этот человек работает. Этот человек возьмёт в руки оружие?

Могли договориться не стрелять друг в друга?

Те, которые стояли на заставах, они могли договориться с кем-то не стрелять друг в друга. У меня не было такой возможности в первое время.

Какие были у Вас отношения с особистами?

Отношения с особистами – какое может быть отношение к стукачам. Мне за 32 календарных года один попался более-менее уже здесь в национальной гвардии. А остальные… хоть и можно понять, что они нужны, выполняли какую-то определённую роль, но 90% из них – это не наши люди.

Какие были отношения с местным населением?

В последнее время с местными контактировали для того, чтобы и собственные потери уменьшить и мирное население не гробить. При ведении боевых действий по блокировке и зачистке населённых пунктов я применял такую практику. На возвышенность ставил санитарную машину, это была АС-66 на базе ГАЗ-66 с крестами большими. Рядом с ней ставил самоходку, миномёт. Разведчики садятся возле этих машин, у них конфеты, сахар. Ну, и первые, естественно, дети. Бачата. Их прикармливали сластями, затем они уходили. За ними приходили аксакалы, это уже чай-пай и разговоры. Кому нужна медицинская помощь – ради бога, приходите. Но один выстрел с кишлака – и кишлака не будет. После такой политбеседы, политико-воспитательной, как правило, ни одного выстрела не было. Люди шли, получали медицинскую помощь, и ноу проблем. Им хорошо, и мне выгодно.

Местные почувствовали изменения?

Местные почувствовали другое. Пришёл новый командир полка. 149-й полк был один из самых энерговооружённых полков в Афганистане. До людей доводили: «По нам не стреляете – мы не стреляем. Один выстрел

– мы отвечаем очередью, на очередь – орудийным выстрелом». Это был ультиматум. По полку практически не было стрельбы, когда полк выходил на боевые задачи.

Работу нужно было проводить с местным населением другую. А с ним же практически не проводили. Тем более, что такое Афганистан? Их хоть кто-нибудь победил, начиная с 17 века, начиная с английского стотысячного корпуса, который в Поли-Хумри закопанный. А с людьми работать надо, если не работать, вот оно как получается. Вводили же для чего? Школы построили, дороги, заводы, дома. А потом из-за неумной политики, что «мы замочим», вот и замочили. Естественно, противодействие пошло. В Афгане были так называемые агитотряды, которые должны были работать с местным населением, а не заниматься скупкой, коммерцией и т. д. и т. п. Я за всё время ни одного агитотряда не видел.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций?

После боя снимали стресс по-разному. Банька. Если потерь нету – нормально, потери есть – по сто грамм, помянули. Солдаты расслаблялись после боя, баня и спать.

Доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень распространения употребления наркотиков (какие?) среди советских военнослужащих? Меры, предпринимаемые командованием по пресечению данных негативных фактов?

Наркотики – был чарс. Пацаны бачата бегают, командор, чарс, чарс, чарс. Меняют на гранаты, патроны. У меня разведчики употребляли – хотя и не принято об этом говорить – смертным боем их бил. Потом глаза закрыл. Они приходят: руки по локоть в крови – пацаны молодые. Закрывал глаза, если в разумных пределах. Они переносили основную тяжесть, разведрота полковая, разведчики батальона, дивизионные, армейские. В основном, удар они выносили, будем так говорить. Спецназовцы ГРУ. Вот эти ребята, которые ходили на караваны. В отрыве от всех, без авиации, без артиллерии, без поддержки. Это надо иметь и опыт, и мужество, и силу воли – двое-трое суток лежать не шевелясь, чтобы тебя не засекли, караван ждать, выполнить боевую задачу без потерь.

Какие изменения до и после 1991 года Вы можете отметить в вопросах предоставления льгот участникам войны в Афганистане?

Что именно изменилось и в какой степени?

По мне, лучше бы они такие льготы не давали. В своё время пенсию нам назначили 4380 сомов. Премьер Танаев через полгода 300 сомов снимает. Эти 300 сомов были афганские. Ну вы же, говорит, живые, руки-ноги целы, это нормально? И на 400 сомов я мог болеть в год. Нормальное у нас государство? Хорошо, если нет ранений, а те ребята, у кого ранения, инвалидность – определите им достойное содержание. Мы лучше виллы на Канарах построим, коттеджи вон в южных микрорайонах для себя и для любовниц. А людям, которые до сих пор мучаются от боли, – ноль эмоций, фунт презрения «Мы их туда не посылали же» – вот единственный ответ.

Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан?

Лет 10 назад было желание, пройтись по тем местам, где бегал с автоматом, сейчас – нет.

Считаете ли Вы, что государство и общество защищает бывших воинов-интернационалистов? Или, наоборот, забывает?

После Афганистана к несправедливости очень трудно привыкнуть. Афганский синдром каждого по-своему коснулся. Кто спился, кто на наркоту сел, кто не выдержал – и закончил суицидом свою жизнь. Это и называется афганский синдром, вьетнамский – для американцев. А несправедливость, которая после вывода была, я с этим сталкивался: «Я вас туда не посылал, что вы ко мне пришли?» Поэтому я своим льготным удостоверением практически не пользуюсь. Иногда только гаишникам покажу, и они отцепляются. А так обидно, конечно.

Что больше всего запомнилось?

Самое запоминающееся – вышел из боя, остался живой, люди сохранены, задача выполнена. Командир «идиотом» назвал, потому что задачу выполнил по-своему. Война – это кровь, это пот, это грязь. Это страшнейшая работа. Можешь себе представить, что ты своего товарища, который был только что с тобой, трое суток в плащ-палатке несёшь, при пятидесятиградусной жаре, мёртвого? Там хлюпает всё, а вертушка прилететь не может. Как разжать мёртвые руки, зажавшие гранату с вырванной чекой? Как понять гибель, как посмотреть в глаза матерям? Что им написать? Вот это вот самое страшное. Страх, раскаяние приходит уже после боя. Когда уже вышли и начинаешь анализировать.

Фамилия, имя, отчество	**Субакожоев Мадатбек Канболотович**
Национальность	кыргыз
Год рождения	1960
Годы службы	1979 – 1980, 1985 –1987
Место службы	Кабул
Занимаемая должность во время службы	Стрелок-гранатометчик, 103-я воздушно-десантная дивизия. Командир группы специального назначения.

В какой период Вы проходили военную службу в СА СССР?

Призывался в ноябре 1978 года, через год, в декабре 79-го года, в составе дивизии был направлен в Афганистан. Меня призвали в городе Витебске, Белорусская ССР, 103-я воздушно-десантная дивизия. Мы в полном составе дивизии попали в Афганистан.

Знали ли Вы о предстоящем направлении Вас в Афганистан? Вас готовили к переброске?

Подготовки как таковой специальной не было. Нас подняли по тревоге где-то за месяц до ввода. Мы получили боеприпасы, обмундирование, всё необходимое, чтобы выполнять боевые задачи в Афганистане. После этого мы были воздушным путём дислоцированы в Афганистане. Мы пролётом останавливались в Челябинске, потом в Ленинабаде – и дальше в Кабул. 25-го декабря мы приземлились в Кабуле. 27-го пошли выполнять задачи по блокированию воинских частей вокруг дворца Амина. В это же время проводилась операция по захвату дворца Амина.

Мы приземлились в аэропорту, там до нас, как я понял, поработали военные советники, нам никто там не угрожал. Приземлились как союзники и обосновались также на аэродроме.

Нам ничего не сказали, когда в самолёте сидели, от лётчиков узнали, что летим в Афганистан. Мы думали, что летим в Иран, потому что там в Иране была революция, обстановка была напряжённая. Мы были готовы, потому что были уверены, что защищаем интересы Советского Союза. Мы защищали южные рубежи нашей Родины, выполняли интернациональный долг по оказанию помощи афганскому народу.

27-го декабря, когда блокировали военные части, у нас были боестолкновения. Мне лично была поставлена задача блокировать вход в казарму зенитного дивизиона. Вообще наша рота блокировала зенитный

дивизион недалеко от дворца Амина, километра два, он на горке был. Мне была поставлена задача стрелять, если из казармы будет кто-то выходить, но я там до утра просидел, никто не вышел. Другие какие задачи выполняли, я не в курсе. У меня было 3–4 выстрела к РПГ-16, автомат, пистолет.

На следующий день, когда стрельба стихла, по словам сослуживцев, кто-то из наших на БМД подбил бронетранспортёр. Потерь не было. Я так понимаю, до того, как принять нас, в Афганистане были наши военные советники, они поработали, и на всякий случай наша рота должна была блокировать этот зенитный дивизион.

Потом мы охраняли правительственные здания. Наш взвод охранял афганский телецентр. Другая рота, седьмая, там служил мой земляк-одноклассник, они тюрьму охраняли, здание МГБ (КГБ). Мы спали там же. Обеспечение продуктами было. Первые три дня обходились сухим пайком. Потом нам привозили местные продукты: рис, апельсины. У нас была своя полевая кухня, повара, всё как положено.

Слякоть была, а так не холодно. У них весна раньше наступает, где-то в середине февраля уже всё зелёное. На следующий день после захвата Кабула местные жители предлагали нам различные продукты и деньги. Они были напуганы. Думали, что мы их застрелим или убьём. Мы не брали – не положено.

Телевидение мы долго охраняли. Единственное – в феврале месяце наш батальон принимал участие в операции в провинции Кунар. Нас перебросили вертолётами, мы должны были захватить штаб. Там где-то месяц побыли. После – опять охрана. Мы жили в палатках армейских, то есть всё походное было.

Были ли Вы и другие военнослужащие информированы о причинах необходимости присутствия советских войск в Афганистане? Что Вы в действительности думали о военной миссии советских войск в ДРА? Считали ли Вы её оправданной и необходимой?

Мы защищали южные рубежи нашей Родины, мы выполняли интернациональный долг в Афганистане, помогали афганскому народу. А мы действительно им помогали. Поставили руководителем Бабрака Кармаля, а Амин, вроде, был убит. В 78-м году, когда была Апрельская революция, в Афганистане начались волнения. Амин попросил помощи не только у нас, но и у американцев. Мне известно, не знаю, правда или неправда, что мы буквально на час или на два вошли раньше американцев.

Если бы американцы вошли, то баллистические ракеты «Першинг» стояли бы в Афганистане у южных границ Советского Союза. Вот такая вот политика. Мы выполняли воинский и интернациональный долг. Вооруженные силы СССР принимали участие в событиях 56-го года в Венгрии, в 68-м – в Чехословакии, в Польше, в Польшу же тоже, вроде, заходили, когда там Солидарность была. Почему нашу дивизию кинули туда? Потому что наша дивизия была в Чехословакии. Мой командир взвода был в Чехословакии. То есть опыт боевых действий был на территории других государств.

Ну а, с другой стороны, мы вошли туда молодыми ребятами, 19–20 лет. Мне было 19 лет, раньше не воевали, ничего. Та же американская армия, там контрактники, люди уже где только не были. И мы пошли. Ну а, с другой стороны, Советская армия опыта ведения войны не имела, он получен в Афганистане. Там испытали всё, чем мы хуже американцев? Американцы в конце концов против нас стоят. Мы должны набираться опыта. На совести американцев Вьетнам ещё, сколько на их совести всего.

Были ли среди военнослужащих корыстные побуждения (контрабандный провоз дефицитных товаров и предметов, наркотики, повышенная зарплата и т. д.) для службы в Афганистане?

Мы были солдатами, молодыми. Хотели отличиться, стать героями и заслужить боевые награды, показать себя. Я иногда чувствовал, что воюют ради того, чтобы заслужить ордена. В армии твёрдая воинская дисциплина, корыстных побуждений не было. Хотя глаза разбегались, когда видели товары и предметы, которых у нас не было. Продукты, магнитофоны японские и т. д.

Соответствовал ли уровень полученной военной подготовки реальным условиям службы в Афганистане? Какие основные недостатки и просчёты были Вами отмечены в подготовке? Соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

Нас учили в основном на опыте Великой Отечественной войны. Мы молодые солдаты, никогда не воевали. Воевали, как могли. Были обеспечены всем необходимым для введения боевых действий.

Недостатки и просчёты были. Без этого не бывает. Обмундирование, вооружение и техника соответствовали условиям несения боевой

деятельности. Конечно, сейчас другая техника, вооружение несравнимо с нашим периодом боевых действий.

В Афганистане Вы были в качестве солдата и офицера, какой был обычный день солдата и офицера?

В кино совсем другая война. В реальности всё идёт, как в обычной жизни. Периодически проводятся боевые операции. Во время операции питаемся сухим пайком, иногда остаёмся без воды. Завтрак, обед и ужин, подготовка к боевым действиям, кино, дежурство. Приезжали иногда с концертами артисты, например, Леонтьев, Анна Вески, Розенбаум и т. д.

Политинформации проводились?

Политинформация была, там всё было как положено почти. Перед операцией в провинции Кунар, когда я солдатом был, замполит роты ко мне лично подходил и ко многим: «Пишите заявление, хочу идти в бой коммунистом», как в Великую Отечественную. Я не стал писать.

Вы зарплату получали? На что тратили?

У нас чеки были, чековые магазины, мы даже в город выезжали по дуканам. У афганцев были магнитофоны, фотоаппараты, техника, одежда, платки, ткани. И всё импортное. У нас в Союзе же такого не было. Зарплата была двойная там. Я был лейтенантом и получал здесь на книжку где-то 400 с чем-то рублей, и там получал 250 чеков, хотя у меня там и питание было.

Женщины в городке были?

Женщины были, в основном писари, повара, машинистки, строители, врачи и медсёстры. Мы стояли отдельным городком, женщины афганки ходили в паранджах.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, в качестве кого? Имеете ли Вы боевые награды за участие в них?

Сейчас такое впечатление, что в Афганистане была всё время война. Боестолкновения нечасто были, потому что Афганистан был весь в наших руках, мы там были хозяева. Мы там всё держали, ну, и случались боестолкновения. Один раз я с группой в засаду попал, мы им дали залпом, и они разбежались. Не знаю, можно ли это назвать боестолкновением. Караван взяли, но там и не было отпора. Лейтенант

погиб, его ездили выручать, тоже стреляли. У нас превосходство было, душманы постреляли, убежали.

Я участвовал в операции в провинции Кунар, когда был солдатом в 1980 году. В провинции Кунар, по данным разведки, было где-то 2000 душманов. Нас десантировали туда на вертолётах, потом спустились и захватили штаб. Там с батальона погибло 38 человек, один без вести пропал. Нашей роте вообще повезло. Постреляли, но все живые и здоровые захватили штаб. Снизу шли танки, а сверху нас поддерживали вертолёты и истребители огневой поддержки, они постоянно бомбили. Это. Возможно, даже первая боевая операция. В каждом подразделении были врачи, роты были усилены.

Два человека удостоились звания Героя Советского Союза. Меня наградили за эту операцию медалью «За отвагу», 9 мая 1980 года Указом президиума Верховного Совета СССР. Будучи офицером, командиром разведгруппы в 1985–87 гг. принимал участие в боевых действиях (засада, поиск, захват складов, армейские операции, досмотры). В 1986-м году награждён орденом «Красной Звезды».

Вы где дислоцировались?

Наш полк стоял в Кабуле, вообще наша дивизия там стояла, в городе, вокруг блокпосты, охраняли МГБ, тюрьму, телецентр и другие правительственные здания. После этого я уехал 16 апреля поступать в училище. После меня ребята ещё остались, одноклассник мой остался, он воевал в Кандагаре. Вообще вот этот 80-й год, со слов тех, кто служил, 80-й, 81-й – самые сложные были времена. В то время отдельная рота спецназа штаба 40-й армии – они располагались в Кабуле, но ездили по всему Афганистану – выполняли боевые задачи, вплоть до пакистанской границы. Тогда ещё не весь Афганистан контролировали, потом стали границы закрывать. Сейчас смотрю по интернету: ребята рассказывают, оказывается, трудно было. Второй раз, когда я был в 85–87-м, намного легче было.

Второй раз я уже офицером приехал туда. Я поступил в Рязанское воздушно-десантное училище. В 84-м году закончил и попал в бригаду спецназа в Капчигае, там 9 месяцев прослужил. Потом предложили, я согласился и оттуда с 85-го два года в Афганистане. В то время каждый офицер по замене проходил Афганистан. Я мог отказаться, потому что один раз уже был. Просто так подумал, как все, два года.

В училище некоторые вещи делали упор на Афганистан. Я был командиром разведгруппы – в спецназе это как командир взвода. Второй

раз должен был лететь в Кандагар, попал в отдельную роту спецназа 40-й армии в Кабуле.

В 85-м в марте командир бригады и штаб бригады Капчигая полностью ушли в Афганистан и там сформировали две бригады. И вот в одной бригаде был мой комбриг из Капчигая, и эти бригады там работали по стране. Наша рота спецназа работала только вокруг Кабула, а раньше двух бригад не было, и отдельной роте спецназа приходилось разведку вести везде, по всей стране. Вот в 85-м году сформировали две бригады, стали вводить батальоны специально для блокирования боевиков со стороны иранской и пакистанской границы. На иранской границе везде стояли наши батальоны, отряды спецназа, так называемые. Мусульманские батальоны, первый, второй. В 82-м году вошёл второй мусульманский батальон, им командовал майор Керимбаев. Впоследствии он был моим командиром, замкомбригады был в Капчигае.

Весь Кабул и весь Афганистан был в наших руках, мы могли стереть с земли весь Афганистан, если бы захотели. Никто против нас не выступал, если выступали, то как партизаны. Ночью – раз – постреляют, потом уйдут. Днём они в своей одежде. Мы там охраняли, просто стояли. Мы вели охоту на боевиков, караваны, потому что они открыто не воевали с нами. То есть весь Афганистан был в наших руках. Кроме этого, афганская армия, она, конечно, вообще никакая, но мы старались, типа, их тоже привлекать, их тоже обучать, чтобы они сами воевали, где надо. С Ирана и Пакистана заходило оружие, инструктора и прочее. Мы работали вокруг Кабула. Наша задача была ловить, пехота днём атакует, а мы ночью втихаря выходим, ждём, втихаря нападаем, тоже ночью.

В декабре 85 года мы с двумя группами захватили караван. В каждой группе по 12 человек. Мы по плану командира роты вышли. Вышли три группы где-то по 20 человек. Одна группа села где-то от нас в 5 километрах, и там забили караван. Как получилось. Мы захватили 9 ПЗРК, «Стрелы» китайского производства. Мои некоторые ребята говорят, что 6 было. Мы захватили 60 мин американских, производства Пакистана, много боеприпасов. Вторая группа захватила безоткатное орудие, зенитный пулемёт и стрелковое оружие.

Мы только вышли на тропу ночью, только сели – и сержант мой начал стрелять. И всё в ту сторону. Я к нему, что такое, почему стрелял? Ночные бинокли слабые. Я не поверил, там дальше гора метров 500, здесь почти ровное место, но с руслами. Мы пошли, посмотрели – ничего нет. Стрельба закончилась, я говорю сержанту: «Куда ты стрелял, всё, мы задачу не выполнили, раскрылись». Тут начали с другого места стрелять,

передали по рации, типа, они караван забили. Мы снялись, командир дал добро, мы же уже раскрылись. Пришли на базу. Мы пешком ходили от базы, а на базе боевые машины пехоты, командир роты, штаб, ну, всё управление, если что, они придут на помощь. В это время те пришли: вот, караван забили. На следующий день утром встаём, те пошли досматривать, что там. Ко мне прибежал вчерашний сержант, говорит, что там, где мы вчера стреляли, что-то лежит. Я к командиру роты – надо посмотреть. Пошли, а там ишаки гружёные, лошадь, где-то штук десять вьючных животных. И все гружёные, ПЗРК и так далее. Но никого не забили.

Состав каравана зависит от того, как они подготовлены. По тактике спецназа, мы вперёд на расстояние зрительной видимости пускаем два-три человека. Ночью не видно, по рации. Дальше я иду со своей группой, со мной радист, сзади тоже два-три человека. Он что-то увидел, раз передал. По идее эти тоже должны так действовать, но всякое бывает.

Был случай, как мы упустили 6 человек. На горе сидим – засада, смотрим, двое идут с оружием. Ну, думаем, двоих пропустим, подождём нормальный караван, опять двое идут через какое-то время – решили, подождём, опять двое идут – подождём. Никто не прошёл, а те шестеро прошли вниз.

Засады, тихо придём, сядем или по наводке, что должны пройти. Бывало, говорят, должны пройти, но их нет.

Вы использовали бронежилеты?

Я два года прослужил в Афганистане в спецназе, ни разу не таскал бронежилет. В спецназе вообще не принято таскать. Тяжело, неудобно. В 79-м году у нас у каждого был бронежилет, чешский, лёгкий. Это потом я увидел пехотные бронежилеты, их ещё водители на двери ложили. В Афганистане в 79-м году мы даже вошли с бронежилетами, кажется. Чешские бронежилеты, лёгкие, у каждого были. Там даже внутрь одеваешь и не чувствуешь.

Я выходил на выход не по форме, я выходил в кроссовках. Берёшь на трое суток воду, сухой паёк, боеприпасы. Брали кто сколько сможет. В магазинах патроны, на грудках магазины, гранаты, осветительные ракеты, рюкзак, внутри ещё в пачках патроны, фляжки с водой, плюс ещё из одежды что-то, спальник – ты же не будешь спать на камнях. Иногда вода заканчивалась и приходилось пить воду из водопоя для животных. Там были обеззараживающие таблетки. Заставляли таскать АГС-17,

конечно, хорошая вещь, но тяжело. Заставляли таскать крупнокалиберный пулемёт Владимирова, КПВТ, они хорошие, но тяжёлые.

Брали ли пленных, какова их дальнейшая судьба?

В первую операцию в Кунаре одного духа захватили, поместили его и охраняли. Когда погибших ребят начали привозить и укладывать, все злые, хотели его убить, но не дали. Потом его допрашивали и в штаб отправили.

Афганцы сами, афганская армия так называемая, они сами жестоко с пленными обращались. Вместе с ними иногда совместные операции были, они брали так называемых пленных, которые показывали дорогу, где, что, как. Среди них тоже были провластные или те, кто пострадал. У Амина были руки по локоть в крови, из-за этого люди вышли, и революция была. По крайней мере, нам так говорили. Поэтому его сняли и поставили Бабрака Кармаля, потом Наджибуллу.

Были ли факты неуставных взаимоотношений среди советских военнослужащих?

Конечно, за нарушение и недостатки наказывали жестко. В Афганистане неуставных взаимоотношений не было.

Отношение местного населения к советским солдатам?

Мы сами отдельно стояли, мы с местными виделись, если только выезжали на операции. Я общался с одним мужиком, лет 35, кыргыз был, вроде. Он говорил, что до сих пор не женат, нет денег, чтобы жениться. К местному населению относились дружественно.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций?

Когда ребята гибли, плакали, а что делать, было жалко.

Конечно, злость была, когда видишь, что вчера только ходили ребята – и вот они лежат, тем более, когда солдатами были, первый раз такое видели. Злость, у всех злость, но дисциплина, нельзя. Тяжело на войне. Не хочется умирать. Но должен и обязан быть не хуже других. Потому что за тобой твой народ, отец, мать и великая страна.

Письма домой писали?

Второй раз, когда я поехал, я был уже женат, у меня дочка родилась в сентябре, а в октябре я уже был в Афганистане. Я писал, что я в

Афганистане, вот раньше, когда солдатом был, тогда не писали. Тогда даже офицеры говорили, чтобы не писать. Письма, в принципе, стандартные писали, что всё нормально.

Доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень распространения употребления наркотиков (какие?) среди советских военнослужащих? Меры, предпринимаемые командованием по пресечению данных негативных фактов?

Правда, в 80-м году, когда я солдатом был, было интересно. Чарс у них, как сигарету выкурить. Такая чёрная. Интересно было попробовать – и пробовали. В сигарету или в папиросу добавляешь, смешиваешь и потом куришь. Я попробовал один раз, но ничего не почувствовал, и после этого я не стал. Наркотики запрещены в армии. Случаи были, но совсем редко.

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную государственную помощь как бывший воин-интернационалист?

Государство выплачивает 6000 сомов в месяц участникам и 7000 сомов в месяц инвалидам-участникам. Это компенсация за проезд и так далее. Каждый год 15 февраля государство оказывает материальную помощь единовременно. В этот день организовывается торжественное мероприятие, возлагаем цветы к памятникам павшим в Афганской войне.

Конечно, недостаточно, не строится жильё для воинов-афганцев. Мы понимаем, что,
недостаточно средств у государства для помощи и поддержания достойной жизни воинов-афганцев.

Что больше всего заполнилось?

Больше всего мне запомнилась гибель лейтенанта Овсянникова, с которым мы вместе в училище учились. Это было в 1985 году. Смерть лейтенанта Зубова, тоже с нашего училища, но младше на один курс. Это на всю жизнь, наверное. Война – это страшно, особенно, когда тебя сегодня-завтра могут убить, а здесь в Союзе идёт мирная жизнь. Это страшно, но держались. Совесть, дисциплина. Никто не хотел умирать, но все выполняли боевые задачи. У меня были солдаты, говорили: «Страшно ночью спускаться на тропу мину ставить, товарищ лейтенант, можно я не пойду?» «Нет». И он идёт и ставит. Хорошие ребята были. Молодые, 19–20 лет. Боялись, но шли делать. Не то что страшно, но вот нежелание идти на операцию даже у меня, у офицера, было, но

потом, а что, куда денешься? Оделся, взял автомат и всё забыл, готов к выполнению боевой задачи.

Из положительного – 9 мая 1980-го года мне вручили медаль «За отвагу», я был рад, замминстра обороны, маршал Соколов вручал. Я награждён орденом «Красная Звезда». И я горжусь этим. Я был не хуже других, достойно выполнял свой долг. Я сделал всё для того, чтобы мною гордились мои родители и мой народ.

Фамилия, имя, отчество	**Токтомбаев Кадырбек Иманович**
Национальность	кыргыз
Год рождения	1948
Годы службы	1980–1981
Место службы	Кабул
Занимаемая должность во время службы	Командир приёмно–сортировочного отделения.

В Афганистане оказался в самом начале, в январе 1980 года я уже был в Кабуле. Нас до января собирали по всему Союзу. Когда обстановка накалялась в той стране, начали отправлять военнослужащих для выполнения интернационального долга. В первое время не говорили об интернациональном долге, нас по приказу забирали, желание даже не спрашивали. Я тогда служил в Усть-Каменогорске, дали три дня для сбора, и мы должны были прийти на железнодорожный вокзал. Нас посадили на пассажирский поезд, перед этим поиграли «Прощай, Славянка» и в течение двух суток, без остановок мы приехали в Термез. Тогда все пассажирские поезда стояли в тупике, пропуская поезда, которые шли в Афганистан. Самые главные силы нужно было отправить в Афганистан, все поезда шли туда, с Украины, с Заполярья, с Дальнего Востока шли поезда всю ночь.

В Термезе нас распределяли по предназначениям и специальностям. Нам выпала организация и оснащение медико-санитарного батальона (Мед СБ) для оказания неотложной квалифицированной хирургической и терапевтической помощи раненым и больным.

Мы формировались в Термезе, 100-й медико-санитарный батальон в составе 108-й МСД.

Это были первые лечебные учреждения в Кабуле.

Назначили командиров функциональных подразделений по специальностям (хирург, терапевт, анестезиолог) и т. д.

Всех по штату оформили, через 3 дня с полной экипировкой посадили на транспортный самолёт с нарушенной герметичностью и отправили в Афганистан.

В Кабуле нас не приняли из-за погоды, посадили в Баграме. Мы вышли из самолёта, снега было по колено – январь месяц. Нас ждали разные автобусы, и мы своим ходом доехали до Кабула. Когда мы

прибыли туда, там ничего не было, стояла одна палатка на месте, где должен был стоять медсанбат.

Мы переночевали, утром стали развёртывать палатки. Палатки ставили по предназначениям развёртывания медико-санитарного батальона: приёмно-сортировочное, хирургическое, терапевтическое, реанимационное отделения, по штату всё было прописано.

Мы развернули Мед СБ полностью и начали принимать раненых.

Снег выпал большой, и бедный местный народ без ничего, без шапок и в галошах, ходили и говорили, что приехали неверные и привезли непогоду. Мы поставили палатку и начали оперировать первых раненых. Всё было в полевых условиях, стерилизация и всё остальное. Люди были уже готовы к этому, обучены, каждый знал свои обязанности.

У вас какая была должность?

Я был командиром приёмно-сортировочного отделения, хирургом этого лечебного учреждения.

У вас был опыт оперирования огнестрельных ран?

Я закончил Томский военно-медицинский факультет, я занимался военно-полевой хирургией. Когда учился, я делал опыты на собаках, кроликах, у меня уже были понятия об огнестрельных ранениях, как идёт заживление кости. Я несколько раз ездил в военно-медицинскую академию на различные конференции. После окончания вуза я попал на Дальний Восток, там служил год, после этого я попал в Германию и после – в Казахстан в Усть-Каменогорск. Когда я попал в Афганистан, я уже имел опыт и смело знал, куда я иду.

Сколько длилась смена?

Невозможно сказать точно, днём и ночью, смотря по потоку раненых. Хирургическая бригада, кто свободен, тот отдыхает, сменяют друг друга. Поток раненых был не такой большой, не массовый, несколько человек. Зависело от тяжести ранения и травм, если ранения мягкой ткани конечности – это одно дело, когда голова, шея, грудь и живот – это тяжёлое ранение, занимает больше времени.

Кто сдавал кровь?

Кровь сдавали солдаты. Мы создали доноров из обслуживающего персонала, проверили группу крови. Они уже в Союзе сдавали кровь

и определяли группу крови. Вокруг Кабула были части, вызывали из полков и справлялись с этим.

Сколько времени жили в палатках?

Стационарные здания появились через год. Сборно-щитовые здания типа панельного дома, но сделаны из дерева. Мы почти год стояли в Кабуле, в месте, которое мы называли Теплостан, а позже нас перевели в другое место, потому что в Кабуле сделали военный госпиталь. Прибыл военный госпиталь Ленинградского военного округа.

Многие солдаты болели желтухой, у нас было инфекционное отделение, мы их сразу изолировали. В редких случаях солдаты специально заражались желтухой, чтобы уехать, я не хочу клеветать, лучше об этом не говорить. В первое время были самострелы, в первые месяцы. Всё равно страх был. Первые месяцы смотришь на Кабул, везде стрельба, трассирующие пули, светло как днем от стрельбы. Сам госпиталь под обстрел не попадал. Первое время местные жители были злые, их материальные условия были тяжёлые, снежная зима. Ночью местные подходили к госпиталю и что-то кричали. Днём приходили и получали медицинскую помощь. Солдаты по два, по три пускали их. Из-за того, что они никогда не получали медицинскую помощь, любое лекарство давало хороший эффект, они же никогда не получали антибиотиков – любое лекарство было для них подходящим.

Мы смотрели местных в свободное время, когда затишье. Надо было налаживать связь с местным населением, чтобы они тоже знали, что мы действительно не оккупанты, что пришли помогать.

Женщин много было у вас в коллективе?

Да… много. Медсёстры были по штату со всего Союза, с Украины, Ленинграда, Дальнего Востока. Как нас собрали в декабре, в 20-х числах, формировали по штату. Все медсёстры как штык были уже, они были уже обучены, просто нужно было работать. Женщины тоже привыкали. Как-то был случай 23 февраля, когда начался афганский Новый год. Стрельба по Кабулу была, и я оперировал долго. И смотрю, в палатке женщин горит свет. Я зашёл к ним: «А что вы делаете?» Они, бедные, сказали, что если убьют их, чтобы не умывали – они оделись в чистую одежду, умылись. И смеялись так долго. Но никто не пострадал, всё нормально. Женщины тоже жили в палатках, никаких особых условий не было. Банный день был отдельно для мужчин и женщин. В ГАЗ-66

в полевых условиях одежду дезинфицировали. Тепло было, буржуйка горела, привыкает человек.

Кто работал санитарами?

Санитарами были солдаты – это же тяжёлая работа. Нужно носить с одной палаты в другую. Мы оказывали хирургическую помощь, и после того, как их состояние улучшалось, мы отправляли раненых в Ташкент. Мы привозили их в кабульский аэродром и оттуда отправляли в 340-й госпиталь в Ташкенте. Все раненые тяжёлые – ранения головы, грудной клетки, живота. Самое тяжёлое – грудь, живот. Ранения верхних и нижних конечностей – руки, ноги – ещё как-то можно перевязать, как-то оно видно, а с животом очень тяжело. Когда пуля попадает, часто бывают осложнения.

Молодые солдаты, работавшие санитарами, понимали с полуслова. Даже говорить не надо было, с мимикой всё понимали. Такого не было, чтобы «я не могу сделать, пусть кто-то другой делает». Солдаты были сознательные. Видимо, такая напряжённая обстановка воспитывает в человеке преданность. Мы там жили, а солдаты рядом жили. В отдельных палатках спали с автоматами и пистолетами, иногда на носилках спали.

Хлеб был из пекарни полевой. Всё было полевым. И воду кипятили, свет – от дизеля.

Смена была по 8 часов. Было 3–4 смены – как получится. Первое время было неизвестно, сколько мы там будем. Это было потом, через полтора-два года известно по заменам. Вообще было неизвестно, сколько там мы будем. Первое время никто не знал, кто когда уедет. В первое время в газете «Правда» была маленькая заметка в четыре строчки – и всё: проводятся учения на границе с Афганистаном – и всё. Больше ничего не было. Первое время вообще никто ничего не знал.

Вам разрешали писать письма домой?

Мы писали в полевой почте, письма писали, но не писали про условия, про боевые действия. Я, например, первое время не писал, что я в Афганистане.

У меня была семья. Жена осталась в Усть-Каменогорске. Тогда было положение, кто уехал в Афганистан, дать квартиру по прежнему месту жительства. Так и случилось, и нам дали квартиру в Бишкеке (Фрунзе).

Посылки с Родины привозили, если ездили в Союз сопровождать раненых.

В Ташкент прибываешь, раненых сдашь – и я летал с Ташкента в Бишкек. И ребята писали письма родным и, когда я был там, передавали посылки через меня.

Часто сопровождали раненых в Ташкент?

Ну как не часто? В течение года один-два раза, если будет возможность. Первое время даже загранпаспорта не было. Мы же вошли туда как оккупанты, а потом нам сделали загранпаспорта.

В общей сложности я пробыл в Афганистане год и восемь месяцев.

Сколько примерно сделали операций?

За это время я сделал примерно где-то три с половиной тысячи операций. Учитывая тяжёлые операции и ранения мягких тканей верхних и нижних конечностей, в среднем 20–25 операций в день. Для проведения рейдовой операции создавался усиленный батальон, отправляли хирургов для оказании хирургической помощи в районе боевых действий.

Я участвовал в рейде в Алмазные прииски, где Ахмад-шах знаменитый.

В Панджерском ущелье в 1980 году, весной. Я ездил врачом этого усиленного батальона. Мы там были порядка где-то 15 дней.

Мне дали две машины, автоперевязочный ГАЗ-66 и санитарную таблетку. У таблетки проходимость низкая. Там, в Панджере, речки, камни, булыжники, пришлось на полдороге таблетку оставить. На автоперевязочной я дошёл до Базарака и там базировался.

Там я оперировал на поле. Там же до шести часов. Оперируешь и, если успеешь, вертолёт прилетает и до ночи забирает раненых. Ночью вертолёту обычно невозможно зайти. Ущелье же узкое и обстреливается душманами. Да Базарака идут машины – и дальше уже только пешком. В этом Панджере я много оказывал помощи раненым и был награждён орденом «Красной Звезды».

Ахмад-шах башковитый мужик был. Там же алмазы были. Их род обосновался там – и жили за счёт этого, кормились, питались за счёт этого.

Были случаи, когда не могли спасти раненых?

Да, бывало такое. Первое время тяжело переживаешь. Первое время – да. А потом, когда привыкаешь… Ампутацию очень тяжело переживали на нервной почве. Очень тяжело воспринимается. А что остаётся делать;

если не ампутировать, он в любом случае умрёт от осложнений. Хотя потом благодарили, что спасли жизнь, но очень тяжело воспринимали. Мы сами были психологами с солдатами.

Были ли специальные программы по психологической реабилитации военных? Если да, кто проводил их и в каких случаях?

Психологов не было. Когда вошли, такого даже не было. Это сейчас есть. Солдатам надо было же объяснить ситуацию. Они знали, что идут в Афганистан, а что там будет, даже не знали. Их психологически даже не готовили. Стрессы были, да, были. Были редкие случаи, когда в ногу стреляли, в пальцы, в кисти стреляли. Там видно, что умно стреляли, и потом особисты их забирали и дальше там разбирались. Изучается это всё, мешок с песком ставили, умно стреляются, чтобы убиться или избежать кровотечения. Но всё равно можно узнать самострел по копоти, по частицам пороха.

В среднем спали 5–6 часов. Мы каждый день заполняли журналы и честно каждый день всё передавали по секретной связи: сколько убитых, раненых, сколько эвакуировали. Во время рейда было больше, когда специальный батальон усиленный, со всеми орудиями и солдатами. В тот рейд было 70–80 раненых в Панджере именно. Когда мы туда шли, там же первое время были дикие, первыми пошли советские. Там же горы со всех сторон. Узкое ущелье. Когда колона идёт, они поджигают первую и последнюю машины. Объезжать нет возможности, и единственная возможность – это убрать машину с дороги.

Были случаи, когда солдаты после боя, если попадёт огнемётом, психически уже не ориентируются. Медикаментами их можно успокоить, а так они неуправляемы, хотят бежать. Зрение отсутствует, перед собой ничего не видят, возбуждённые, движение, видимо, за счёт контузии. Психически он уже всё, вряд ли он восстановится. Кровь увидит, если человека разорвало. Как медик я понимаю, а они же первый раз даже кровь видят, тем более, если это друг его, близкий друг.

Сам я после смены спал как убитый, но, когда приехал домой в Союз, я ночью вставал, кричал «давайте кровь», и так себя вёл почти два-три месяца, потом мне жена рассказывала. Видать, когда приезжаешь домой, всё это переваривается.

Как было с питанием?

Нас кормили хорошо, чёрная и красная икра.

Какая там была зарплата?

Зарплату платили чеками, где-то 250, нормально одеться-обуться можно было. В Союзе зарплату сохраняли. На чеки можно было многое купить. В Союзе в «Берёзках» можно было на чеки покупать. В Кабуле был огромный базар, но я не ходил туда, времени не было.

В Союз прилетаешь после войны – как в другой мир попал. Грязный, в полевой форме, но тогда уважали тех, кто служил в Афганистане. В Ташкент прилетаешь и берёшь билет до Бишкека – тогда было 25 рублей на самолёте. Я один раз прилетел в Ташкент, у меня были автомат и пистолет. Зашёл в комендатуру, говорю им: «Автомат хотя бы заберите». Они ответили, что некуда ставить, и я пошёл на посадку с автоматом и пистолетом. Там же были металлоискатели в аэропорту, мне сказали: «Командир, проходите с этой стороны, а когда зайдёте в самолёт, то отдадите оружие лётчикам. Я зашёл в самолёт, подошёл к командиру, говорю: «Вот, у меня есть пистолет, автомат». Но он ответил мне, что не может взять, у него своё оружие есть. И я так прилетел в Бишкек, тогда был старый аэропорт. В аэропорту была очередь к такси, тогда «Волги» были. И я вышел в полевой форме, меня пожалели или что, я не знаю, пропустили без очереди. Я сел в такси, я ехал в такси, и таксист всё время оглядывался. Я подъехал домой, у меня оставалось три рубля, я даю ему, а он: «Нет, командир, не нужно», – и дал газу. До сих пор не пойму, или пожалел меня, или ради уважения, или боялся меня, может быть.

В то время в Союзе уже слышали про войну?

Да, уже слышали про войну, убитые же были уже. Отправляли в цинковых гробах. В первое время вообще было жутко, в Кабуле не было цинковых гробов. Их отправляли на ИЛ-18 в багажном отделении. Сложат их, как брёвна, тем более зимой они замерзают, человек, как бревно, становится. В Ташкенте их клали в цинковые гробы и потом отправляли. Трупами занималась похоронная команда. Им выдавался один врач, состав, одежда выдаётся парадная, их моют, одевают. Были холодильники, морозильники. Это наладилось через год, а до этого труп отправляли в Ташкент с бирками, там имя было написано, звание. Всё это делали в Союзе, гробы там делали. А потом начали в Кабуле делать, с гробом возили сразу. Люди, кто там работал, в похоронной команде, чёрствые становились, как будто так и надо, люди привыкали. Мы же, когда учились в медицинском, мы тоже брали домой человеческие органы и изучали, смотрели, так же и они привыкали.

Какие были условия службы?

Первое время ничего не было, это потом стало лучше. Когда мы переехали в Баграм в блочные, модульные здания, тогда стало нормально. Комната есть комната, палата есть палата отделения, вода была, свет был, тепло. А до этого жили в палатках, спали на носилках, полы стелили из ящиков. Создавали сами себе условия.

В рейды выезжали раза три. Тогда я был капитаном, страха как такового не было. Там же были дороги заминированы, можно было подорваться на мине, передняя машина может пройти, несколько проехать, а твоя может взорваться, но это как на судьбе написано. Первое время мы не знали же, потом стали использовать собак, тралы. Прежде чем машины пройдут, они шли и взрывали мины. Рейдовые операции тяжёлые были, постоянно в движении. Они здорово по горам бегают, обстановка постоянно меняется.

В ГАЗ-66 всё оборудование было: для реанимации, кислород давать, капельницы. Как только приезжали на место, ставили палатки и там делали операции. В разные рейды были смены медсостава. Одного врача не посылали постоянно. Я уехал самый первый из Афганистана, по-моему, через год и восемь месяцев, мне пришла замена с Петрозаводска, с Карелии, из Ленинградского военного округа.

У нас была интересная команда. Руслан Аушев, ингуш, когда мы формировались в Термезе, он старшим лейтенантом был, начальником штаба нашего медико-санитарного батальона стал. Он очень горячий мужик был, он организовывал людей, если были нападения. Через полгода он сказал, что не будет у нас служить и пойдёт туда, где идут боевые действия, и он ушёл, перевёлся. Он второй раз поехал после академии. Мы все, кто первые пошли туда, через два года заменились.

Алымкожоев Асанбек был храбрым, я же старший по возрасту, говорил ему: «Эй, Асанбек, давай внутрь БТРа». А он говорит: «Нет, байке, если убьют, то убьют». Они не хотели внутри находиться, потому что если подорвётся на мине, то от тех, кто внутри, ничего не останется, мясо, кости в разных местах, человека собрать очень тяжело. А если сверху – опрокине, может быть, но целый останешься.

Так обычная жизнь. На операционном столе оперируешь, иногда попадает тяжелораненый, с осколочным ранением. Оперировать одновременно в животе, голове и кисти нельзя, но приходилось так делать. В полевых условиях, в палатках копоть летает, в рану попадает, но нагноений нет. Это связано с тем, что воздух чистый. А тут стерилизуют

в стационарных условиях, но есть нагноения и всё прочее. Там на свежем воздухе ничего такого не было, даже аппендикс там делаешь, попадёт копоть или ещё что-то, но заживает всё. Загрязнение воздуха многое значит, оказывается. Тем более в Теплостане, на окраине Кабула был чистый воздух.

Если взять количество раненых в нашем медсамбате, максимально было до ста двадцати человек, а так обычно 70–80 человек. Потом их эвакуировали, и вместо них поступали другие раненные.

Радость была, когда приезжали наши артисты. Кобзон первый приехал, Толкунова. К нам приезжали руководители Министерства обороны, главный хирург Министерства обороны, мы с ними встречались.

Я выехал из Афганистана в конце июля 1981 года.

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную государственную помощь как бывший воин-интернационалист?

Квартиру дали как афганцу. Нам сказали найти квартиру, мы нашли, и за неё заплатило государство. Сейчас дают 6000 сомов. Раньше льготы были лучше, сейчас монетизировали всё. Раньше ездили в санаторий ежегодно.

Фамилия, имя, отчество	**Токтосопиев Шаршенбек Мамытканович**
Национальность	кыргыз
Год рождения	1962
Годы службы	1981 – 1983
Место службы	Баграм
Занимаемая должность во время службы	Оператор-связист, линейщик

В какой период Вы проходили военную службу в СА СССР?

Родился 22 ноября 1962 года. В армию призван в 1981 году 11-го мая. В учебке был в Харькове 5 месяцев. Там учились на связиста. Там не говорили же, что поедем в Афганистан. Там получил звание сержанта.

Знали ли Вы о предстоящем направлении Вас в Афганистан?

Тогда в Союзе я даже не знал, что есть такое государство – Афганистан.

Учитывалось ли военным командованием СА СССР желание военнослужащих срочной службы служить в Афганистане?

Отправляли туда не спрашивая, добровольцев не видел, может, в других частях были. Если дадут приказ, то поедешь.

Когда начали говорить, что нас отправят в войска, один парень, сейчас московский татар по имени Ильдус, сказал: «Эй, Шаке, когда поедешь в войска, ты поедешь в Ташкент, там рядом с домом, можно на автобусе до дома съездить». Ну, если поеду, то поеду, и я записался.

Потом привезли нас в Ташкент, где мы были четыре дня. Оставили нас, сказали, что поедем в войска. Когда были в Ташкенте, оказывается, нам дали время повеселиться. Даже если вставали в 10–11 часов утра и шли в столовую, даже тогда еда готовая стояла. Накрывали солдаты местные. Дежурки нет, мы радовались, вот так служба! Самогон кто-то достал. В кубрике пили. Офицеры нас вообще не трогали. Оказывается, нам дали время отдохнуть, чтобы потом засунуть нас на войну.

На четвёртый день подняли нас по тревоге часа в два ночи и построили на плацу. Посадили нас на большие «Уралы» шестиколёсные. Едем мы по лесу ночью и доехали до аэродрома, ташкентского, наверное. Там посадили нас в самолёт, наверное, 134-й. Потом прилетели мы на аэродром Кабула. Приземлились, встали около солдат, которые охраняли

аэропорт. Мы с Харькова прилетели вчетвером и там держались вместе. Мне говорят: «Э, Токсо (я же Токтосопиев), вон тот твой земляк, оказывается, или кыргыз, или на тебя похожий мусульманин, иди, спроси у него». Я к нему: «Эй, друг», – а он: «Стой!» Я остановился: «Эй, что тут, здесь что за место?» «Это Кабул. Сейчас вас повезут в другое место». Мы же стоим, разговариваем на расстоянии, не подпускают ближе. «Вас ещё будут делить, отсюда дальше повезут. Когда приедет получатель, ты береги себя, здесь война идёт», – говорит.

И тут стреляют из «Катюш», прямо земля дрожит. Тут приходит старший лейтенант, привёл оттуда, отсюда пару ребят, у нас взял ещё ребят и пятерых построил в одно место: «Стойте здесь, не двигайтесь». И мы стояли. Затем прилетели вертолёты, сказали туда садиться. Мы с вещмешками, полотенцами побежали, сели в вертолёт. Ну, сели, полетели.

Расценивали ли Вы предстоящую службу в Афганистане как позитивный шаг в Вашем будущем карьерном росте, возможность получения в перспективе определённых социальных льгот, улучшения своего материального благосостояния?

Тогда даже не думали, что будут давать льготы, такое даже не снилось.

Соответствовал ли уровень полученной военной подготовки реальным условиям службы в Афганистане?

Подготовка была достаточной. Дисциплина была хорошая. Подъём в 6 утра внутри, утром бегаешь, умываешься, потом завтрак. Потом распределяют. Приносят продукты, иногда чего-то не хватало.

Какие были условия службы?

Я попал в Баграм. Баграм была большая база, когда мы приехали, там только начали строить модули. Там все в палатках, где мы устроились. Я говорю: «Тут же рядом, оказывается, почему мы не приехали на машине?» Мне говорят: «Эй, тут война идёт, пристрелят. Чтобы машиной ехать, надо в колоне ехать».

Сразу сказали на политзанятия. Там был майор Штейн. Он говорит, здесь так-то. Дал нам книжку на 5–6 человек, начал знакомить со страной: здесь есть столько-то кыргызов, узбеков, тюрков, живут такие-то народы в Афганистане. Рассказывали про их обычаи. Будете выходить

туда-сюда, будьте осторожны. Политзанятия были по определённым дням. Там рассказывали новости, проводили военные занятия. Тогда был Андропов, и был порядок сильный. Про потери не говорили. Потом мы всё узнавали.

Перед тем как пойти в туалет, нас сопровождают. Мы же ничего не знаем. Нас собрали 15 человек и обучали, знакомили со всем. Нас распределили в 1-ю роту. Там было около 30 солдат, двухъярусные койки. Там с двух сторон в палатке две буржуйки. Иногда приносят уголь и кладут в них. Стоим на дежурке два солдата, снаружи – один солдат, внутри другой топит зимой. Я же поехал туда зимой. Там тоже снег идёт. Каркасы палатки ломаются и падают на второй ярус. Потом, когда приходят материалы, – чиним.

Воду брали в определённом месте, которое охраняли солдаты. Пойдёшь туда, наберёшь бочку. Пьёшь, моешься из неё. Потом дали оружие с оружейки, записали номера, с магазинами, по одной гранате. Потом дали бочки для сухпайков, котелок. Сказали, что мы будем учиться, здесь война идёт, берегите себя.

Когда стреляют ракетами машины, такой гул идёт, земля дрожит прямо.

Мы очень завшивели. Перед сном всё стряхнём, всё поменяем, вплоть до одеял, простыней, а утром встаём, опять вши. Вообще не смогли избавиться от них. Год и семь месяцев служил. Выдавали сигареты, давали небольшой материал на подворотничок. Его подшивали иногда, иногда нет, может, раз в месяц. Когда молодые приезжали, брали их новую форму и уезжали домой. Форма была х/б с панамой. Сапоги. Увольнительных не было.

Потом желтухой болели там часто, грязь, пыль. Многие от этого умерли, в Союзе умерли. Это была очень тяжёлая болезнь.

Были солдаты, с Союза приезжали к нам. Спросишь, сколько служил, говорят, до дембеля оставалось 3–4 месяца, но сделал нарушение – и отправили сюда.

Во взводе 30 человек, на обед вместе, потом распределяют. Кто на БТР, кто повар, кто в охрану, кто в связь, дежурку, механики отдельно.

Столовую построили позже, до этого ели в палатках. Купались в вагоне. Там грели воду и мылись, иногда не купались 3–4 месяца, ходили, вымыв руки и лицо. Воду грели углём, палатки грели тоже углём, с двух сторон были печки. Один мешок давали на неделю. В одной палатке было 30 человек, лежали на двухъярусных кроватях.

Участвовали ли Вы в боевых действиях?

Один раз говорят: «Пойдёте на операцию». «Что за операция?» «Поедете в кишлак». Там был небольшой кишлак, домики низкие. Нам приказали пойти туда и искать душманов. Пошли около 15 солдат. Сверху нас вертолёт летает, смотрят, что там делается. Проходим там мимо одного кумбеза, и тут – тарс – впереди упал один, наш солдат ушёл. Смотрим, там три душмана, их и вертолёт увидел. Сразу же их взорвал бомбой. Там поднялось облако пыли. Погибшего солдата подняли двое на носилки и унесли. Вертолёт сделал круг, приземлился и забрал того солдата. Вот так мы лишились одного своего солдата. Я подумал: «А-а-а, оказывается, мы умираем, жизнь конечна». Так начинаешь думать.

Потом стояли в охране аэродрома, дивизии, в дежурке. Там везде окопы подземные. Там ветер, песок. На операции выходили, до 30 километров у нас была зона, дальше там была другая зона другой части.

Потом решил работать по специальности, я же связиста заканчивал в Харькове. Где-то через 7 месяцев перевёлся, стал служить связистом. Стал проверять связь, ставить телефоны ТА-57. Мне солдаты говорят: «Иди на столько-то километров и ставь связь». И я иду и ставлю. Потом говорят: «Иди ставь в другое место». Я беру катушку провода, иду и ставлю в другое место. Так и ходил, сытый, голодный.

Там через перевал колоны ходили с Термеза с продуктами. И пока они едут по перевалам, эти колонны разбивают там. С 15-ти республик новые машины, с Союза там едут. Я удивляюсь, там по трубам шли ГСМ, когда их подрывали, там такой дым стоял.

Брали ли пленных, какова их дальнейшая судьба?

В плен душманов мы не брали, может, в других частях, но я не знаю. Другие брали, сами допрашивали, потом отдавали афганцам.

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск?

Там их солдаты отдельно были, с ними отношения хорошие были, проезжали – здоровались.

Были ли факты неуставных взаимоотношений среди советских военнослужащих?

Там нет такого: «старики» бьют «молодых», такого нет. В Союзе было, когда были в учебке 5 месяцев, а там такого не было. Сам за себя отвечаешь, всех уважаешь, не ругаешься. Так и ходили.

Отношения между солдатами срочной службы и офицерами ограниченного контингента советских войск в ИРА? Степень доверия между ними?

Отношения с офицерами были хорошие. Они тоже хотели жить, служили, как и солдаты, по два года там, потом уезжали, когда служба заканчивалась.

После одного-двух месяцев зовёт меня офицер и спрашивает: «Ты что не пишешь домой?» «Да пишу же». Оказывается, я не так написал полевую почту, и мамаша дома не получала. Потом после двух недель пришло письмо. Мой командир написал письмо мамаше: «С вашим сыном всё в порядке, у него есть грамоты, у него есть 9 поощрений».

Брал благодарности от командования. У нас командиром был узбек Казымов, после него был потом русский Кандалин. Они служат года по два. Когда он пришёл, отправили всех мусульман в Союз, мол, они говорят друг с другом, тут и стали брать русских.

У меня был лейтенант Колесников. Он говорит мне: «Токсо, потерпи здесь полгода и потом уедешь, если бог даст. Тебя Аллах поддерживает». Мусульмане уезжали, а я остался. Так и вышел на дембель.

Как часто происходили конфликты между советскими военнослужащими и местным населением Афганистана? Причины конфликтов?

Конфликтов с местными не было.

Факты и причины гибели мирного населения в ходе проведения советскими частями войсковых операций?

У нас не убивали мирных жителей.

Отношение местного населения к советским солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии, и оценка их роли в военной кампании в Афганистане? Как выражались симпатии афганцев в отношении советских военнослужащих?

Там кишлаки – на один метр выше земли строения, окружают всё глинобитным забором и там работают. Я там не видел техники вообще. Видел одну машину ЗИЛ-5, деревянная кабина. Все работы руками. Один раз возвращались после операции и решили сорвать виноград, а там, оказывается, был охранник. Чуть не попались, набрали винограда и побежали. Он выстрелил из винтовки, и мы убежали. Там всё огорожено глинобитным забором, работают лопатами, копают. Земли гектарами

огораживают глинобитным забором. У них есть немного посевов зерна, немного овец, их пасут. И все до единого, вплоть до мальчиков, носят бороды. Они смотрят 5–6 овец, гиссарские, с курдюками. Земельные наделы у них большие, но каменистые.

Доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень распространения употребления наркотиков (какие?) среди советских военнослужащих? Меры, предпринимаемые командованием по пресечению данных негативных фактов?

Там постоянно предлагают купить чарс. Чарс, как курай такой, добавляют в сигареты и курят. Я тоже покурил пару раз. После сказал, нет, не надо. Оказывается, если покурить его, то ни о чём не думаешь, если война, то туда заходишь, так и ходишь под кайфом. Чарс очень маслянистый. Маленькие дети приходят и через сетчатый забор кричат метрах в 10–15: «Чарс берите!» Ребята курили, но я бросил. Для чарса брали «Беломорканал». Садились кругом человек десять и курили. Курили секретно, чтобы не видели командиры. Если бы увидели, то посадили бы на губу дней на пять.

Когда вернулись домой?

Я прослужил по нулям, ушёл 12 мая 81-го, вернулся 12 мая 83-го.

Когда возвращался домой, мои фотографии забрали в Термезе. Тогда были японские платки модные, я взял маме один и взял один чай. Японский платок мне принёс офицер, который выходил в город. В наше время порядок был сильный, можно было провезти только один подарок. Потом можно было сколько хочешь.

Нам говорили, чтобы мы ничего не рассказывали про войну. Но на гражданке, конечно, спрашивали, и иногда проговаривался, это потом стало всё открыто.

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную государственную помощь как бывший воин-интернационалист?

Помощь хорошая идёт, слава богу. Я был трактористом в селе, и наш инженер сказал, что вот, ребята, Шарше передовой тракторист, хорошо работает, поёт, в Афгане служил, давайте поможем ему. Приехала комиссия, проверила. Помогли стены, фундамент поставить для моего дома, правительство, партия. Им спасибо, тогда давали льготы на свет, к докторам бесплатно было, пансионат был, но я там не был. Сейчас деньгами платят льготы. Мне платят 6 тысяч. Я на пенсию выходил с 3,5,

сейчас 4,5 тысяч пенсия. Лекарства сейчас покупаем, если дома лечимся, если в больницу – то бесплатно. Сейчас я – Почётный гражданин Ат-Башы.

Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан?

Если бы была возможность, хотелось бы съездить в Баграм, посмотреть, как там сейчас, но вопрос в расходах.

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли случаи принятия отдельными военнослужащими ислама или перехода в данную религию?

В ислам не переходили, если кто-то там в плен не попал, но у нас таких не было.

Мы ехали с 15-ти республик. Сейчас полчане – один Ильдус в Москве, Фомин, Нестерчук тоже в Москве, один в Казахстане, Канаев Тимур с Каскелена.

Почему я не забываю Ильдуса? Тогда вышли конфеты такие, поэтому помню. Многих сейчас имена не помню, дагестанец был, русские были, узбеки были, с хорошими ребятами служил.

Всякое видел, войну видел. Сколько погибло там солдат! Пусть наши дети не видят её. Война – это плохо.

Фамилия, имя, отчество	**Чотбаев Абдыгул Абдрашидович**
Национальность	кыргыз
Год рождения	1957
Годы службы	1979 – 1981
Место службы	Кабул
Занимаемая должность во время службы	Командир взвода

Расскажите немного о себе

Родился я 2 декабря 1957 года в селе Тарсуу Кеминского района. После окончания общеобразовательной школы в селе Бурулдай в 1975 году поступил в алма-атинское высшее общевойсковое командное училище (АВОКУ). В 1979 году после окончания АВОКУ для дальнейшего прохождения службы был направлен в город Термез Узбекской ССР, где в конце августа этого же года начал службу командиром взвода.

Как начиналась война, как развивались события?

В середине декабря 79-го года (точную дату не помню), дивизия была поднята по тревоге, после чего все части были сосредоточены на запасных районах. Так как никто нам не говорил, что мы войдём в Афганистан, все восприняли данную тревогу как проверку или проведение учений, поскольку началось боевое слаживание в составе роты и потом батальона. Закончилась всё полковыми учениями с боевой стрельбой. 25-декабря 79-го года, вместо того чтобы отправиться в пункты постоянной дислокации, наши колонны были направлены в сторону речки в направлении к Афганистану.

О принятом советским правительством решении о вводе советских войск на территорию Афганистана для оказания интернациональной помощи народу Афганистана нам стало известно после опубликования данной информации в СМИ. Вот так началась афганская война.

Что было в первые дни войны, какие задачи получали?

Форсировав реку Амударья, полк совершил марш по маршруту Хайратон – Мазари Шариф – Пули Хумри – Саланг – Баграм, и во второй половине дня мы достигли Кабула. Колонна нашего 2-го МСБ (мотострелковый батальон) 180-го МСП (мотострелкового полка)

остановилась на окраине Кабула. Ближе к вечеру командир батальона капитан Кукса В. П. (ныне генерал-майор) собрал офицеров и довёл обстановку, поставил офицерам определённые задачи.

Спустя несколько дней нам поступила команда об усилении бдительности и нахождении в постоянной боевой готовности. Нам, взводным, тогда много не доводили, но мы догадывались о том, что что-то должно произойти. С наступлением темноты из города Кабула послышались очереди стрелкового оружия и взрывы. Началась операция по штурму дворца Амина «Шторм-333».

Наш батальон получил задачу: после проведения спецподразделениями КГБ СССР и ГРУ МО СССР (мусульманский батальон) операции взять под охрану дворец и близлежащие объекты и, если понадобится, оказать спецназу помощь.

В сумерках рассвета 28 декабря были у дворца. По прибытии предстала картина – всё горит: здания, автомобили, военная техника, в том числе два БТРа – были слышны ещё выстрелы. Много трупов…

После прибытия мотострелковая рота старшего лейтенанта Вячеслава Сабурова взяла под охрану сам дворец Амина. Командный пункт батальона со взводами связи и материального обеспечения расположились в ресторане Амина. Рота капитана Яковлева расположились неподалёку от командного пункта батальона. Наша рота капитана Мурата Хушта взяла восточную сторону дворца. Мусульманский батальон расположился в зданиях недостроенных казарм армии Афганистана.

Командир батальона капитан Кукса В. П. поставил задачу мне и командиру 1 взвода Жене Степанову прибыть в штаб 40-й Армии к руководству. В штабе нам поставили задачи: сопроводить и передать засекреченную аппаратуру связи (ЗАС) на базе БТРа в воинские части. Мне – в городе Гардезе (на аэродроме), Степанову – в городе Газни. На это отвели нам трое суток, с выездом на следующий день утром.

Рано утром мой взвод начал движение. В голове колонны я сам на БМП, за мной – БТР, за ним – «Урал» и остальные БМП взвода.

В начале пути я дал команду двум бойцам, говорившим на фарси, сержанту Мирзакаримову и ефрейтору Амиржанову, привести одного местного жителя. Они привели молодого парня. Через бойцов объяснил ему, что он должен с нами доехать до Гардеза и обратно, но надо проехать в объезд всех блокпостов афганских военных (информаторами у так называемых «духов» зачастую были они). Также передал ему, что, если всё пройдёт хорошо, мы его отблагодарим.

Добрались до Гардеза где-то за три-четыре часа, проехали расстояние около 150 километров. Уже у въезда в город были остановлены афганскими военными, у них мы и уточнили дальнейший маршрут движения до аэропорта. В аэропорту располагался батальон. Командир данного батальона принял ЗАС. Попросил помочь в обеспечении безопасности посадки самолётов. Оказывается, связь нужна была с авиацией. Тремя БМП встали у взлётной полосы – в начале, середине и в конце. ЗАС вышла на связь. Авиация с личным составом и техникой вылетела из аэропорта Кабула. Через час прилетели и сели более 10-ти транспортных самолётов.

В обратный путь выдвинулись сразу же после прилёта бортов, так как на посту, когда заезжали в Гардез, офицер афганец сильно интересовался, когда мы пойдём назад. Это вызвало подозрение у меня, и я ответил, что выдвинемся на следующий день утром.

Сопровождающего афганца на обратном пути высадили, дали говяжьей тушёнки, хлеба, сухарей и каши в банках. Назад в Кабул по времени приехали быстрее, чем в Гардез. Я доложил генералу, и он был удивлён, что мы так быстро выполнили поставленную задачу. Перед группой офицеров штаба поставил меня в пример и объявил благодарность за выполнение задачи и проявленную при этом смекалку.

Женя Степанов тоже выполнил задачу, но с опозданием, блуждал, оказывается, в окрестностях.

Через несколько дней мой взвод уже выполнял другую задачу. Выполнили без происшествий, за исключением того, что попали в небольшую засаду в ущелье у Кабула. Отстрелялись при помощи танкового взвода блокпоста. Командиром этого взвода оказался офицер-двухгодичник (призванный на два года выпускник гражданского вуза), жаль, фамилию забыл, он был из Мордовии.

Расскажите немного о первых впечатлениях в чужой стране?

Попали в Средневековье. Жители отнеслись к нам дружелюбно, агрессии с их стороны, как таковой, не наблюдалось. Бойцы быстро нашли язык с ребятнёй, торгующей всякой мелочью: сигаретами «Мальборо», зажигалками, ногтерезками и т. п. Пошёл торг – обмен на кокарды, звёздочки, эмблемы, монеты. Был какой-то взаимный интерес. Мы всю эту всячину видели впервые, и они тоже. Да и вообще, мы, наверно, друг для друга были дикарями.

Быстро научились первым словам на фарси: пайса (деньги), чан (сколько), инжабие (иди сюда), инжа (здесь), хасми (есть), хубасти

(хорошо) и ещё некоторым словам. Наверно, у многих, как и у меня, первым предложением было: «Эй бача инжабие, инжа шароп хасми? Чан пайса?» (Эй, мальчик, иди сюда, здесь спиртное есть? Сколько стоит?)

Были ли курьёзные моменты во время выполнения интернационального долга?

На политинформировании из донесений агентурной разведки нам доводили, что готовится мятеж в Кабуле против советского присутствия в Афганистане. В этой связи в середине февраля 1980 года командир батальона поставил мне задачу сменить десантников и взять под охрану посольство СССР в Кабуле.

Прибыв на место, встретился с командиром взвода десантников, он довёл складывающуюся обстановку, подсказал, на что обратить особое внимание. Расставив боевые машины, я поставил задачу командирам отделений, указал позиции, довёл боевой расчёт и порядок действий при возникновении различных ситуаций.

Во время обеспечения охраны посольства случайно встретился с Маршалом Советского Союза Соколовым.

Как всегда, служба протекала нудно, даже, наверно, очень скучно, расслабились. В один из таких дней мимо нас проехал УАЗ в сопровождении БРДМа (боевая разведывательно-дозорная машина), не придал никакого значения. Через какое-то время вышел на связь комбат и сказал, что командир полка собирается в посольство. Командиром полка был подполковник Касымов Тулкун Юлдашевич (ныне генерал-полковник запаса, живёт в Ташкенте, занимал ряд руководящих должностей в армии Узбекистана). Нрав у него был крутой, все его боялись.

Я быстро дал команду командирам отделений привести себя в порядок. И стал ждать. Тут из посольства выехали УАЗ и БРДМ, остановились у моего БМП. Вышел маленький худощавый мужчина в форме, которую носят наши военные советники. И что-то стал мне говорить насчёт внешнего вида личного состава взвода. А я ему в ответ: «Дед, давай быстрее уезжай, сейчас приедет комполка, и мне, и вам попадёт от него, он злой». Он рассмеялся и что-то сказал сопровождающему. А тот мне: «Ты что, лейтенант!!! Совсем нюх потерял, это Маршал Соколов».

Вот тут-то меня как кипятком ошпарило... я строевым шагом к нему, да как заору: «Товарищ Маршал Советского Союза, третий мотострелковый взвод 5 роты 2 мотострелкового батальона 180 мотострелкового полка несёт службу по охране и обороне посольства Советского Союза.

Происшествий во время несения службы не случилось. Командир взвода лейтенант Чотбаев». И все, кто был с Маршалом, засмеялись. Соколов сказал: «Как приедет комполка, доложи, что всё нормально». И они уехали.

Были ли потери?

24 февраля 1980 года батальон собрали по тревоге. Провели строевой смотр. Обеспечили всем необходимым. И числа 26-го или 27-го совершили марш Кабул – Джелалабад. Привал организовали у водохранилища перед городом Джелалабад.

Перед нашим батальоном стояла задача во взаимодействии с двумя десантными батальонами и афганскими подразделениями при поддержке авиации действовать в направлении Асадабад – Шигал – Асмар. Исходным пунктом был Асадабад. При подходе к нему мы поняли, что будет непросто. Мост был взорван, инженерно-сапёрному подразделению, приданному нашему батальону, пришлось делать съезд на обрывистом берегу, чтобы вся техника могла пройти вброд через речку.

У населённого пункта Шигал был сильный бой. Десантники, действовавшие в тактическо-воздушном десанте, несли большие потери. У нас на мине подорвался замполит приданной танковой роты Зуфар. Из 4-й роты погибли сержанты Злобин и Шашев (Шашев – земляк из села Виноградное, в районе аэропорта «Манас»).

Когда стоял выбор, погибать всему взводу или кому-то остаться и обеспечить отход, Злобин и Шашев, будучи уже раненными, вызвались добровольно обеспечить отход. Вели бой до последнего и, когда закончились боеприпасы, они взяли гранаты, подпустили духов к себе вплотную и подорвали себя и противников. Отдав свои жизни, они спасли взвод. Тела ребят после уже вытащили при помощи десантников.

Ходили на границу с Пакистаном, дальше Асмара, вели бои с душманами. Погибли 8 марта Юра Стрежнев, командир взвода из 4-й роты и начальник артиллерии полка. Это кого я запомнил. Были ещё погибшие.

Встречали ли земляков «за речкой»?

Расскажу, как в Асмаре познакомился с Русланом Аушевым. В один из дней меня подменил другой взвод, чтобы мы помылись в полевой бане. Веду взвод, вижу, стоит высокий стройный усатый кавказец, который

даёт команду: «Сержант, ко мне». Я своему заместителю: «Иди». А кавказец: «Нет, не ты, а ты, усатый нерусский». Офицеры знаков различия не носили, это своего рода защита от снайперов была. Вот он и подумал, что я сержант. Чуть не дошло до рукопашной схватки двух усатых, двух нерусских. Так мы познакомились, суровые будни Афгана нас сдружили, и дружим до сих пор.

Также в Панджшере встретился со старшим лейтенантом, командиром разведывательной роты А. Алымкожоевым.

Мне была поставлена задача взять «языка»... В тёмное время суток (под утро или вечер, не помню) выдвинулись к одному из населённых пунктов, где, по данным разведки, была бандгруппа. Мои дозорные доложили мне, что есть в селе духи, ходят с оружием. Тихо подобрались к месту – и вдруг началась стрельба. Или мои начали, или с той стороны, не помню. Темно, видим только силуэты, стараемся вести огонь по тем местам. Какое-то время даже была беспорядочная перестрелка. Естественно, начал давать команды бойцам с матерными словами. Слышим, и с той стороны мат отборный... Дал команду прекратить стрельбу. Стали перекликаться. Выяснили, что свои... Да не просто свои, а «старший брат» со своей ротой – Алымкожоев Асанбек (на два года раньше меня окончил АВОКУ, ныне генерал-майор, тоже на отдыхе заслуженном).

Второй случай. Расположились на ночной привал в ущелье. Бойцы мне ночью докладывают, что нашли моего земляка капитана, он находится на КП полка. Я прошёл туда и познакомился с капитаном Кадырбеком Токтомбаевым (ныне полковник, медик, ещё лечит людей). Он служил в отдельном медико-санитарном батальоне.

При знакомстве попросил спирта, а он отказал, как говорит, потом спишу. В общем, отдыхаю в десантном отделении БМП, и вдруг нападение на нас. Стрельба. Бой на несколько часов. На рассвете бой закончился.

Смотрю, идёт Кадырбек байке с медицинской сумкой и с автоматом. Говорит:

– Братишка, место найдётся?

Я:

– А ваша машина?

– Духи сожгли, в бензобак пуля попала!

– А спирт?!

– Сгорело, но чуть-чуть есть.

Вот так началась наша дружба.

Были ли ранения у Вас?

Наш 2-й батальон был в рейде в районе Бараки. На входе в горное ущелье душманы встретили нас сильным огнём. 4-я рота, шедшая впереди, залегла. Командир батальона роте капитана Джадайбаева Б. поставил задачу продвигаться вперёд по правому склону и дать возможность роте старшего лейтенанта Сабурова ворваться в ущелье в кишлак. Наша рота с миномётной батареей капитана Шварца вместе с командным пунктом батальона пошли в обход слева.

Исходя из условий местности и сложившейся обстановки я получил задачу – продвинуться вперёд, занять господствующую высоту и ударить сверху и в тыл противнику. Взвод 2/3 пути прошёл беспрепятственно. Но когда вышли на открытую площадку, нас встретили сильным огнём. Духи раньше нас оказались на высотке. Противник бил из двух точек крупнокалиберными пулемётами, из винтовок и автоматов. Мы залегли. Доложил комбату, что исходя из местности единственным доступным путём являлось идти в лоб, нам нужно было преодолеть метров 150, и мы стали бы на непростреливаемом пространстве.

Попросил миномётную батарею поддержать огнём, дал целеуказания, и пока минометчики работали, дал взводу команду – вперёд. Данное расстояние проскочили, но в конце данного участка две длинные очереди легли рядом со мной, и от разрывных пуль осколками посекло мне спину, и осколок попал в ногу. Чувство было такое, как будто кипящим свинцом меня ошпарили. Санинструктор взвода с замкомвзвода осмотрели меня, сделали укол промедола. Из ноги я вытащил осколки пули, перевязал. Через какое-то время я ничего не чувствовал. Все осколки вошли в мягкие ткани. И я продолжил управлять боем. К концу дня высота была взята. Когда всё осмотрели, мы были в каком-то шоке. Это был целый укреплённый опорный пункт. Впервые видели, что духи были прикованы цепями к скалам. Каждому грамотно были выбраны позиции. Крупнокалиберный ДШК и КПВТ с бронеколпаком (башня БРДМ), с самодельной треногой и приспособлением, чтобы можно стрелять вручную. Запасы еды и воды возле каждого. Было убито очень много духов и захвачено винтовок и автоматов. С нашей стороны потерь не было, только я с лёгким ранением.

С начала ввода войск в Афганистан и по октябрь месяц 1980 года в нашем батальоне на минах подорвались четыре боевые машины пехоты (БМП), по одной в 4-й и 6-й роте и две с моего взвода, на которых был я сам.

Первый подрыв БМП был в провинции недалеко от Кабула. Комбат в один из дней поставил задачу прибыть на командный пункт полка с боевым донесением. Я на двух БМП отправился на КП полка.

В какой-то момент взрыв... дым чёрный... пыль, всё перемешалось. Из десантного отделения стали выходить бойцы. Кто держался за голову... кто то стонал. Я дал команду «к бою», и двумя отделениями заняли круговую оборону.

Второй раз подорвался при совершении марша в районе населённого пункта Улусвали Алингар, провинция Кунар. По приказу командира роты я на последнем БМП замыкал колонну, сидел на броне по-походному. И на горной разбитой дороге машины идут, как по волнам, вверх... вниз... вверх... вниз... В какой-то момент я увидел мину, не успел даже открыть рот. Взрыв – и ничего не слыш, дым и пыль вперемешку.

В обоих случаях погибших не было, почти все получили лёгкие контузии. Бортовые номера моих боевых машин, на которых подрывался, 666 и 668.

Домой письма писали?

Первое письмо я написал маме в январе 80-го. Это письмо матери пришло, правда, полписьма чёрной тушью зачёркнуты. Оказывается, каждое письмо в то время вскрывали, то есть через цензуру проходило.

Как стресс снимали?

После боя стресс снимали кишмишовкой – самогоном из кишмиша. Мы у местных на тушёнку меняли, на хлеб меняли. Бывало, анашу курили.

Война войной, но мы проводили КВНы между ротами, между взводами, огневые и технические конференции.

Придумывали что-то, чтобы скрасить досуг солдата, он же впереди, на острие этой стрелы, которую мы на картах рисуем. Солдат нам должности, звания делает, и мы старались как-то облегчить их повседневную жизнь. Мы могли выходить из стресса кишимишовкой, а для солдата это нельзя было.

У вас были политинформации?

К нам в роту прибыл замполит Сергей Рыжаков. Я прибыл с охраны посольства, пошёл спать, а он мне говорит: «Боевой листок». И

я в местных дуканах (магазинах) взял фломастеров, написал «Боевой листок» и отдал ему. Он складывал их в сумку и потом отчитывался перед замполитом батальона. В чем всё-таки была сила советской армии – это в поддержании морального духа. А это кто поддерживал? Замполиты. Поддерживали через коммунистические, комсомольские организации и политинформации, а также «ненужные» стенгазеты, как я в то время думал. «Боевые листки» в то время моральный дух бойцов поднимали. Сейчас у нас ничего нету. Этот институт, наверное, надо возрождать.

Я партийное порицание получил, обидно было. Стоял вопрос о том, чтобы в один рейд меня не брать.

В одном из рейдов мы целый день преодолевали голые скалы. А когда преодолели, оказалось, что нет двух бойцов с батальона. Нам поставили задачу пойти назад, по пути искать этих бойцов. А они вдвоём самовольно в БМПшках остались. Обычно, когда колонна приходила, там оставались за старшего замотех батальона, отделение технического обслуживания, в каждой машине – механик-водитель и наводчик-оператор. И вот два пехотинца остались, никому не доложили, они себя плохо чувствовали или ноги натёрли. Когда пришли, двух нет. Назад попёрли, боец Веричев начал отставать. Я сюда шёл первым, а назад – последним. И мы с ним отстали. Это потом вертолётчики рассказывали: вот так плато, два бойца и вокруг духи сжимаются, чтобы нас взять. Мы-то их не видим, а вертолётчики видят. И тут начали стрелять, мы думали, по нам, а оказывается, по этим духам. Мы пошли другим путём, там был арык, и я в жизни не помню, чтобы столько воды пил. Просто обезвоживание было.

За это получил общественное порицание. Я доказывал всем, что радиостанции у меня не было, один боец выбился из сил, я его груз, сколько мог, на себя взвалил, сколько мог, я нёс. Когда вертолётчики начали мочить, я принял решение выбрать короткий путь. И, что хорошо, там вдоль русла была одна рота. Они там бой вели, там за этот бой замполит Блинов с Оша орден Ленина получил, он ранен был тоже. Успели доложить, что мы уже здесь, чтобы назад не пошли. Я помню, после партсобрания я за палатку зашёл и плакал навзрыд. Мне прямо на партсобрании сказали: «Всё, Чотбаев, в рейд не пойдёшь». И это я с болью воспринял: «Как это так, я не пойду в рейд?» Был такой случай.

У вас была дедовщина?

У нас не было дедовщины, неуставняка. Наоборот, старослужащие не пускали молодых в бой, бывало, что до полугода переслуживали, чтобы не пускать молодых в бои.

Что делали после Афганистана?

Когда вернулся, был командиром учебного взвода. Вначале обидно было, что опять в учебный взвод назначили, но меня успокоили тем, что командир учебного взвода – категория капитана, а не старшего лейтенанта, как в обычных взводах.

Я уже женился, в какой-то момент сказал жене, что напишу рапорт и поеду в Афганистан. Супруга тогда ответила: «Ты решаешь».

Я написал рапорт, командир полка меня вызвал, отругал и рапорт выкинул. Потом, будучи на должностях командира взвода, роты, командира батальона каждый раз писал рапорта в Афганистан, но безрезультатно.

Отучившись в Академии, командовал 177 МСП, 720-м учебным центром в Термезе, который готовил специалистов – граждан Афганистана. Перед развалом Советского Союза его преобразовали в 787 учебный полк, которым я командовал.

Эти порывы, когда я писал рапорта – хочу в Афганистан, это были те моменты, когда видишь вокруг несправедливость, обман, неправду, ложь. В полку, в котором я служил, служили все так называемые блатные. Мне говорили: «Эй, как ты сюда попал?»

У офицеров, которые там служили, родители, родственники, тести, тёщи, все в Москве сидели. И вот они говорили: «Как ты сюда попал, ты что, блатной, что ли?» Нет, у меня отец – чабан, мать – доярка.

Что больше всего вспоминается из Афганистана?

Часто мне снятся сны, что идёт война, бои. Какие-то эпизоды всплывают, и снится почему-то одно и то же. Первая женщина снайпер, которую я убил, вот она снится, потом идёт бой, я отдаю какие-то команды, и почему-то у меня всегда автомат заедает. Непонятно, просыпаюсь и не пойму, что случилось.

Там, в Афганистане, кроме войны, я прошёл школу, где есть такие понятия, как честь, совесть, дружба, братство, чувство локтя. Это вспоминается тоже.

Почему вспоминается? Потому что когда видишь, что твой взвод по итогам периода обучения первое место занимает, но награду получает другой командир; когда твоя рота попадает на доску почёта Московского военного округа, но награду получает другой командир, тогда понимаешь, что эти понятия остались в прошлом.

Пройдя эту школу несправедливости, я воспитывал своих детей в ином русле. Вот, например, у меня сын, ему 36 лет – он только майор, я в 35 лет был генерал-майором. Мой младший сын, ему 26 лет – он лейтенант, в 26 лет я был комбатом, капитаном.

Я так воспитал своих детей, они мне сами говорят: «Мы сыновья генерала, а не генеральские сынки. Пускай я буду майором, но это я честно заработал». И я горжусь ими, потому что я их так воспитал.

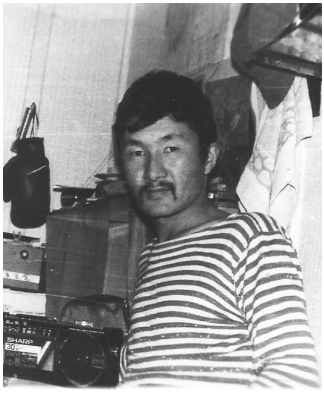
Фотографии из архивов воинов-интернационалистов

Абдыкадыров Б.А.

Абыкеев Ж.С.

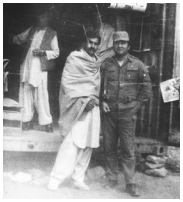
Айтбаев Ж.Ш.

Айтбаев Ж.Ш.



Алымкожоев А.Т.

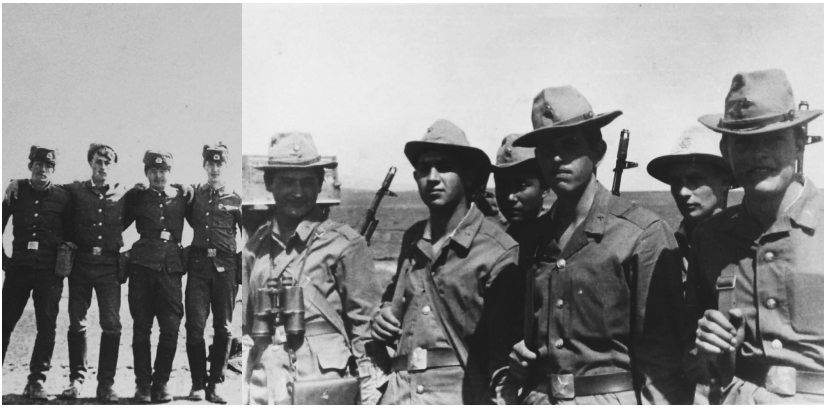
Делегаты XXV комсомольской конференции КТурк ВО



Беккельдиев Ч. И.

Бугубаев Т.Ш.

Дунганаев Т.С.



Жуматаев Э. У

Жунушалиев Т.Ш.

Крамарев А.П

Мадумаров Т.К.

Мамаев С.К.

Мамбеталиев Б.С.

Мамбетказиев Т. А.

Оморов Т.С.

Садыгалиев К.Т.

Славский В.Н.

Субакожоев М.К.

Токтомбаев К.И.

Токтосопиев Ш.М.

Чотбаев А.А.

Для заметок

ПАМЯТЬ ИЗ ПЛАМЕНИ АФГАНИСТАНА
Интервью с воинами-интернационалистами
Афганской войны 1979–1989 годов
Книга 4. Кыргызстан

Технический редактор: Грибинюк В.А. и Колкомбаева З.Ш.
Дизайн обложки: Бегалина Б. К. и «Манасартдизайн»
Вёрстка: «Манасартдизайн»

Подписано в печать 09.03.2021. Формат 60 х 90 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. 252 стр.
Тираж 300 экз.

Аналитический Центр «Полис Азия»
720010, г. Бишкек, ул. Абдрахманова, 204
Отпечатано в типографии «Манасартдизайн»